

Морская летопись

**АДМИРАЛЫ БУТАКОВЫ -
ФЛОТСКАЯ СЛАВА РОССИИ**

**АДМИРАЛЫ
БУТАКОВЫ -
ФЛОТСКАЯ
СЛАВА РОССИИ**

В.А. Врубель

В.А. Врубель

АДМИРАЛЫ БУТАКОВЫ — ФЛОТСКАЯ СЛАВА РОССИИ

Москва
«Вече»

УДК 94/47
ББК 63.3(2)
В83

Врубель, В.А.

В83 Адмиралы Бутаковы — флотская слава России / В.А. Врубель. — М. : Вече, 2014. — 320 с. : ил. — (Морская летопись).

ISBN 978-5-4444-2110-9

Знак информационной продукции 12+

Династия Бутаковых, берущая свое начало от Федора Бутакова, служившего в Новгородском полку при Иване Грозном, дала русскому Военно-морскому флоту 121 моряка, в числе которых было 19 адмиралов и 14 капитанов 1-го ранга. В семье Ивана Николаевича Бутакова (1776—1865) было четыре адмирала: отец и три его сына.

Алексей Иванович Бутаков (1816—1869) — российский гидрограф, контр-адмирал, участник кругосветной экспедиции, исследователь Аральского моря. Отлично образованный, знавший многие европейские языки, он представлял собой тип морского офицера, которым могла бы гордиться любая морская держава мира.

Григорий Иванович Бутаков (1820—1882) — контр-адмирал, военноморской теоретик, командир эскадры Балтийского флота, разработчик основ тактики парового флота, автор ряда научных трудов. Он внес значительный вклад в теорию и практику Российского военного флота, воспитал целое поколение русских моряков, был учителем будущего адмирала Степана Осиповича Макарова. Г.И. Бутаков был членом Государственного Совета, генерал-адъютантом императора Александра II.

О судьбах двух прославленных адмиралов рассказывает книга писателя и историка флота В.А. Врубеля.

УДК 94/47
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4444-2110-9

© Врубель В.А., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Работая над своими книгами, я руководствуюсь девизом жившего в XIX веке и мало кому известного штурмана Тимофея Тимофеевича Будрина: «Пишем, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, того не пишем». Под этим я подразумеваю, что ничего не выдумываю, а пишу лишь о том, что сам прочитал в архивах, в рукописном отделе Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге и в фондах редкой книги крупнейших библиотек Санкт-Петербурга и других городов. Выводы делал сам, так же, как вправе их делать любой читатель. И вовсе не обязательно, что они у нас должны совпадать.

СЕМЬЯ АДМИРАЛОВ

Фамилию Бутаковы в русском флоте носили многие поколения моряков. Самыми известными среди них были пять братьев: Алексей, Григорий, Иван, Дмитрий и Владимир. Их отец, Иван Николаевич, боевой офицер, дослужился до звания вице-адмирала, и ему ещё при жизни посчастливилось увидеть чёрных адмиральских орлов на погонах своих сыновей. Женился он достаточно зрелым, в 39 лет, на молоденькой немке, дочери Карла Кристиансона, артиллерийского полковника.

Её звали Каролина. Ивану Николаевичу на жену повезло: умна, образованна, а самое главное — Каролина вышла замуж за капитана 2-го ранга Бутакова по любви, что чувствуется в её письмах, хранящихся в архивных делах семейного фонда Бутаковых в Российском государственном архиве ВМФ. В те времена брак по любви встречался не часто. В результате появились и плоды страстной любви: 7 дочерей и 6 сыновей (один умер маленьким ребёнком). Только за то, что они вырастили, воспитали и дали образование такому количеству детей, эта семейная пара заслуживает большого уважения. В советское время Каролина Карловна получила бы орден и звание «Мать-героиня», но в те далёкие от нас времена многодетных мам ничем не награждали.

Если же честно, то в девятнадцатом веке, как правило, все семьи моряков были многодетными. Рождаемость регулировалась длительностью пребывания отца семейства в море, да и то не всегда. Иногда моряка, ушедшего в дальнее плавание, длившееся порой до пяти лет, при возвращении встречал прелестный годовалый малыш. По-всякому бывало. В отсутствие главы семейства заходили в гости товарищи по службе, чтобы утешить грустившую по мужу подругу. Некоторые очень этим увлекались. Адмирала к беднякам, конечно, не отнесёшь, но содержать большую семью и ему было нелегко. С сыновьями вопрос решался просто: отправил в Морской кадетский корпус, и голова не болит. А вот как быть с дочерьми, каждой из которых требовалось хорошее приданое? Задача, как говаривал когда-то вождь мирового пролетариата, архисложная. Поэтому, в отличие от братьев, судьба у сестёр, в семейном смысле, оказалась более трудная. Одни из них вышли замуж не совсем удачно и потом постоянно просили у братьев денег, что не очень нравилось невесткам, другие навсегда засиделись в девках. В своё время Бутаковы купили небольшое имение близ деревни Остаповки. Делить дом, когда дети выросли, было бессмысленно, поэтому все члены семьи использовали его как дачу, приезжая туда, кто и когда сможет. Такая удача выпадала не часто: сыновей мотало по всему белому свету. Командовала парадом в Остаповке Каролина Карловна.

Старшего сына, родившегося в 1816 году, родители назвали Алексеем. Крестили мальчика в Кронштадтском Андреевском соборе. Об Алексее чаще всего вспоминают как об исследователе Аральского моря и как о

человеке, по-доброму относившемся к сосланному в Оренбургский край поэту и живописцу Тарасу Григорьевичу Шевченко. Причём последнее подаётся порой как главный поступок всей его жизни. Сомнительно, чтобы сам Алексей Иванович Бутаков придавал такое значение взаимоотношениям с Шевченко во время службы на Аральском море, какое ему приписывают историки. Если судить по сохранившейся в архивах переписке, то для светоча украинской литературы и живописи Бутаков значил куда больше, чем поэт и живописец для моряка. При всём почтении к Кобзарю, заметим, что и Алексей Бутаков был тоже личностью незаурядной, просто таланты моряка проявились в других областях. До двенадцати лет его воспитывала практически одна мать. Муж появлялся дома крайне редко, иногда месяцами не видя свою семью. Такая уж горькая судьба у жён морских офицеров. Как выразился один знаменитый русский адмирал: «В море — дома, на берегу — в гостях». Картина, знакомая семьям моряков и в наше время. Несмотря на то, что стараниями тех, кто сменил старые власти, наш флот скукожился, постарел и усох, его офицеры и матросы по-прежнему продолжают нести свою тяжёлую службу. В двенадцать лет, а случалось, что и раньше, в дворянских семьях раз и навсегда решали судьбу сыновей. В семье Бутаковых никаких колебаний, куда определить сына, по понятным причинам не было. Собрав все необходимые справки и заручившись ходатайством начальства, отец, тогда ещё в звании капитана 1-го ранга, отвёз Алексея в Морской кадетский корпус. Кого принимать в элитное учебное заведение, решал сам царь.

Заслуги Ивана Николаевича Бутакова оказались хорошо известными императору. Николай I даже распорядился принять Алексея «не в очередь» и на казённое содержание. Это был поистине царский подарок. За учёбу многих кадетов платили их родители, причём деньги требовались по тем временам немалые. У Ивана Николаевича будто гора свалилась с плеч: семья избавилась от значительных денежных трат. Устойчивое представление о том, что в Морском корпусе обучались дети лишь состоятельных дворян, — глубокое заблуждение. В анкетах, которые просматривал в архиве автор, у подавляющего большинства офицеров в графе «недвижимое имущество» значилось: «не имеет». В России всегда хорошо жилось только высокопоставленным чиновникам, а на рядовых защитниках родины власти вечно экономили. Между прочим, когда погибла атомная подводная лодка «Курск» и весь мир узнал, какие гроши получали тогда наши подводники и в каких условиях жили их семьи, на наглых чиновничьих физиономиях чувство стыда никак не просматривалось.

Стоит, скрестив на груди руки, на берегу Невы бронзовый адмирал. Каждый выходящий из подъезда здания бывшего Морского кадетского корпуса встречается с его испытующим взглядом. Так же смотрел он на моего отца и его товарищей, ступивших на морскую дорогу, по которой до них прошли поколения моряков. Только не было среди тех, других, детей рабочих и крестьян, а были только выходцы из дворян. Много адмиралов руководило Морским корпусом, но только один из них удостоился высочайшей чести, и не из рук царей, а гораздо выше — от своих питомцев. На их пожерт-

вования перед знаменитым зданием ему поставили бронзовый памятник. Когда в Морской корпус привезли поступать Алёшу Бутакова, памятника ещё не было. До назначения директором адмирала, запечатлённого в бронзе, воспитательная работа в Морском кадетском корпусе сводилась к одному — розгам. Секли за всё: за одно — больше, за другое — меньше. Каждый офицер обладал безграничной властью над воспитанниками. Вспоминали потом седые и лысые адмиралы: «Секли с проигрыша, с перепоя, со ссоры между собой, в восторге от актрисы или в досаде на лакея; короче, царил круговой произвол». В помещении дежурного офицера всегда находились два здоровенных детины, барабанщики. Фамилия одного из них навсегда осталась в военно-морской истории — Дубаков. Им и поручалось выполнение самой ответственной части воспитательной работы: беспощадно драть розгами будущих командиров и адмиралов. 11 часов, когда оканчивались занятия, дежурная комната оглашалась воплями кадетов, которых от души пороли барабанщики. Тех, кто не орал во время порки, называли «чугуном» или «стариком».

Последнее считалось более почётным. Количество ударов розгами доходило до пятисот, устанешь считать, не то что бить. А о том, кого пороли, и говорить нечего, после такого наказания дорога была только в лазарет. Одиннадцатилетнего мальчишку, Ваньку Шестакова, за грубость офицеру наказали 200 ударами. Впоследствии Ванька стал Иваном Алексеевичем, вице-адмиралом и морским министром. Вот строки из его дневника: «...одни, сохранившие ещё стыд и врождённые чувства, плакали из сострадания к несчастному; другие скреже-

тали зубами от злобы на его мучителей, трети, потерявши всякую человечность, любовались выхлестами Дубакова и судорогами страдавшего».

Для кадетов младших курсов, которых секли чаще старшекурсников, ещё страшнее было «фрунтовое учение», во время которого ефрейторы, назначенные из старшекурсников, немилосердно лупили младших коллег, в буквальном смысле вбивая им азы строевой подготовки. В корпус, как я уже сказал, принимали дворян, но не всяких, а потомственных, записанных в шестую часть Родословной дворянской книги «Благородные дворянские рода». Но одни из них жили в столице, а другие — в медвежьем углу. Последние образованием не блистали, зато виртуозно владели гнусной бранью, которой так богат наш «великий и могучий». В довершение этого «достоинства» они, несмотря на юный возраст, успевали приобщиться ко всем порокам владельцев расположенных в глубинке деревень. Столичных же деток с малых лет учили иностранным языкам, наукам, манерам, поведению в обществе.

Привозили в корпус отпрысков разных и внешне: наглых верзил в тулупах и лаптях, и благовоспитанных, по-европейски одетых мальчиков. Понятно, что военная форма равняла всех, но выравнивалась и нравственность. Вы, наверно, уже догадались, в какую сторону. В корпусе царила настоящая, воспользуемся современным термином, «дедовщина». Старшие имели свою прислугу из маленьких кадетов. Процветали все возможные пороки. Неудивительно, что некоторые известные адмиралы навсегда остались холостяками. Кадеты деградировали умственно и физически. Бывали всё же исключения.

Иначе бы мы не знали имён командиров и флотоводцев, составивших славу русского флота. В разговорах постоянно слышалась брань, непристойности в стихах и прозе красовались на стенах ретирадных мест и на страницах учебников. Практиковались грубые забавы. В них фантазия кадетов была неисчерпаемой.

Гражданские учителя, по извечной российской традиции, получали скудное жалованье. Соответственно они и трудились. Некоторые просто отсиживали положенное время, ничего не делая. Учитель английского языка, например, часто читал книгу, завернувшись в шинель, ел чернослив и не обращал ни малейшего внимания на 30 бесновавшихся балбесов. Математик развлекался, давая «коксы» по голове: больно бил костяшками пальцев. Историк, вместо занятий, под гогот юных «саврасов» рассказывал о своих похождениях с деревенскими дамами. Добросовестных педагогов почти не было. В кадетской среде господствовал культ силы. Практиковались кулачные бои — рота на роту. Об этих боях местные стихоплёты сочиняли поэмы, не предназначенные для чтения в приличном обществе. Летом играли с мячами в лапту и в подобие футбола. Когда наступали белые ночи, готовилась ночная окрошка. За ужином прятали хлеб с говядиной. Гонцы, посланные в мелочную лавку, приносили лук, квас, печёные яйца, всё это заталкивали под кровать вместе с мисками и ложками, также унесёнными из Столового зала. В десять вечера появлялся дежурный офицер, за которым солдат нёс фонарь. Убедившись, что все спят, дежурный шёл дальше. Едва закрывалась дверь, «спящие» вскакивали и, выставив часовых, принимались готовить ночной ужин,

сопровождавшийся всеобщим весельем. В храмовый праздник, если не давали яблок, ночью били стёкла в окнах, ломали перила на галереях, соединявших корпуса. Драки происходили постоянно. Дрались из-за мундиров, шинелей, носовых платков, сапог и просто так. Синяки забеливали мелом. Слабых и слезливых травили. Они были на посылках, чистили сапоги старшим. Воровство презирали, но оно все же процветало. Однажды в младшей роте у кадета ночью украли из-под тюфяка гостинцы и деньги. Ротный командир, сам выпускник корпуса, построив кадет, рывкнул: «Молитесь, чтобы простили!» Стоят, молятся. Ротный, сурово: «А тот, кто украд, не молится». Возмущённый голос наивного воришки: «Нет, молюсь». Гостинцы оказались уже съеденными, но деньги вернулись к владельцу. Занимались и «коммерцией»: продавали и меняли товарищам леденцы, маковники, булки с маслом, патокой, за гривенник меняли тесные сапоги на свободные.

На старших курсах появлялись иные интересы: бежали в увольнение на свидания к швеям, модисткам. Некоторых прибирали к рукам опытные дамы «из общества». Посещали публичные дома и самые подозрительные петербургские вертепы, для чего переодевались в «статское». Венерические заболевания никого не удивляли. Среди офицеров-воспитателей попадались взяточники, не гнушавшиеся ничем. Кадеты в их ротах откупались от порки деньгами, вещами, принесёнными из дома гостинцами. Встречались среди корпусных офицеров и откровенные хамы, садисты. Некоторые ударялись в другую крайность. Например, князя Ширинские-Шихматовы изводили кадетов своей хан-

жеской набожностью. Мучили голодом во время поста. Мало было среди воспитателей настоящих, достойных людей. Когда читаешь у ностальгирующих по России, «которую мы потеряли», о том, что в царское время офицерский корпус состоял сплошь из рыцарей, настоящих «господ офицеров», прекрасно воспитанных, хочется разочаровать авторов-романтиков царского времени. Офицерский корпус был таким же, как и общество. Читайте классиков или офицерские аттестации вроде: «Нельзя доверить командование пароходом — будет воровать уголь». Ну, а слова «Честь имею», которые, по мнению некоторых режиссеров и авторов, без конца произносили царские офицеры, измусолили уже так, что тошнит. Такими словами подписываются, занимаясь перебранкой в печати, иногда люди, не имеющие вообще понятия о чести. Здание корпуса было запущено, везде грязь, во дворах зловоние, причина которого понятна. Об уровне подготовки будущих офицеров и говорить не приходится. Экзамены в гардемарины и на звание мичмана проходили формально. Морской корпус, как вспоминал один известный русский адмирал, «питал две другие клоаки — Кронштадт и Севастополь». Выпускников можно было смело делить на категории: «пьянствующую» и «картёжную».

В таком состоянии застал Морской корпус, взойдя на престол, Николай I. Чтобы расчистить эти авгиевы конюшни, он назначил директором Ивана Фёдоровича Крузенштерна, надеясь, что «немец», как его называл адмирал Михаил Петрович Лазарев, сумеет навести порядок. И тот действительно сумел. У Крузенштерна уже тогда была международная известность выдающе-

гося мореплавателя. Он оказался и не менее талантливым воспитателем. Адмирал начал с главного: заменил в корпусе офицеров и преподавателей. Младших и старших кадетов разделили. Иван Фёдорович пригласил в корпус известных учёных и профессоров. Офицерский класс, созданный по его инициативе, стал прообразом будущей Морской академии. Впервые внимание стало уделяться методике преподавания, принципу наглядности. Появился музей с моделями кораблей, многие из которых были изготовлены руками умельцев из числа кадетов. Кстати, один из моих коллег по училищу был именно таким умельцем. Его работы украшают залы Центрального военно-морского музея. Преподаватели разрабатывали учебные пособия по различным предметам. Адмирал реорганизовал и отряд учебных судов, на которых кадеты проходили морскую практику.

Николай I внимательно следил за всеми реформами, проводимыми Крузенштерном. Единственное, чего не смог победить адмирал, — воровство кадетской провизии. Эта традиция была неистребима. Однажды из-за недовольства едой кадеты взбунтовались: стучали ногами под столом. Кто-то донёс царю. Тот немедленно приехал в корпус. Всех собрали в Столовом зале. Император обратился к боявшимся шелохнуться в строю кадетам с энергичной речью, наполовину состоявшей из ругательств. Зачинщика тут же высекли и разжаловали в матросы, шестьдесят других послали солдатами и унтер-офицерами в полки на Кавказ, где обстановка была не лучше нынешней. Что же касалось эконома и офицеров, то они как воровали, так и продолжали воровать.

Воровство на Руси — такая же привычная вещь, как восход и заход солнца. Царь приказывал приводить кадетов в Петергоф во дворец. Царские обеды, роскошно сервированные, создавали у подростков иллюзию причастности к высшей власти, особой доверенности царя. Тем не менее, почтительное отношение к царскому семейству не помешало кадетам украсть и съесть роскошную дыню из царской теплицы, за которой всё лето любовно ухаживала императрица. В мраморном бассейне неизвестно зачем убили палкой несчастную черепаху. За эти «подвиги» кадетов не свозили на берег с корпусных судов целый месяц. С приходом Крузенштерна нравы смягчились, но драки, издевательства над новичками не прекращались.

Жалобы начальству считались самым последним делом. За провинности и плохую учёбу наказывали. В карцер сажали на срок до пяти суток. Секли розгами редко, но они все, же были в ходу. Только теперь разрешение высечь провинившегося давал сам адмирал. Вот приказ Крузенштерна от 4 февраля 1830 года: «Кадета 3-й роты Любимова за дурной его поступок предписываю господину капитану 2-го ранга Коростовцу высечь розгами при собрании целой роты и внести в штрафную книгу». При Крузенштерне списки принятых в корпус вывешивали в круглом Компасном зале, где паркет выложен в виде картушки компаса с цифрой 1701 в центре, годом основания Навигацкой школы. Там же новички впервые знакомились между собой. Они с восхищением рассматривали большие картины на стенах картинной галереи, изображавшие морские сражения или сцены из жизни моряков. Могли ли они подумать, что в наше

время картины украдут, и к этому окажется причастным их потомок, курсант! Большое впечатление на новичков производил огромный Столовый зал, украшенный лепными изображениями гербов, офицерского палаша, корабельного руля и градштока. Потолок был подвесной, на цепях. В зале стояла большая модель брига «Наварин». В церкви, куда их затем вели, висели знамёна, а на стенах были укреплены чёрные мраморные доски с именами и фамилиями павших в бою. На досках из серого мрамора перечислялись имена погибших при исполнении служебных обязанностей в мирное время. После молебна священник читал новым кадетам проповедь.

Незаметно подходило время обеда, и проголодавшихся кадетов отправляли в Столовый зал. В тот день играл оркестр. В обычные дни слушали музыку два раза в неделю. Перед обедом все хором пели молитву. Председательствовал за столом унтер-офицер из кадетов. Он разливал по тарелкам суп и раскладывал порции мяса. На каждом столе стояли по два больших серебряных кубка с квасом. Эти кубки были захвачены в морском сражении со шведами и пожалованы Морскому корпусу Екатериной II. После первых восторженных впечатлений начиналась проза жизни. Вставали в шесть тридцать. Поднимали резким сигналом трубы или боем барабана. Было ещё темно и холодно, печи, отапливавшие ротные помещения, за ночь остывали, и утром зуб на зуб не попадал. Умывались ледяной водой из умывальников с сосками, потом пятнадцать минут — зарядка и построение. Дежурный унтер-офицер торопливо бубнил молитву, и шли в Столовый зал пить чай, к которому полагалась сайка или французская булка. Несмотря на строгий

запрет, очень любили принести с собой половину булки в ротное помещение и поджарить её там в печи.

Уроки начинались в восемь часов и продолжались после обеда. Помимо наук были занятия строем и танцами. В один из приездов царя случилась забавная ситуация: шедший впереди всех офицер открывал дверь и громко называл помещение, в которое входили царь и свита. Открыв двери одного из них, офицер объявил: «Танцевальный класс». А там шёл урок закона Божия, танцы в тот день отменили. Царь, посмотрев на окаменевшего от неожиданности попа в длинной рясе, ухмыльнулся: «Это и по учителю заметно». Повседневной формой кадетов были брюки с зашитыми карманами, чтобы отучить подростков держать руки в карманах, и синие фланелевые рубахи. За провинности надевали серую куртку. Такое наказание считалось позорным. Жестоко преследовалось курение — опасались пожара. Крузенштерн берёт казённую копейку и приучал к этому своих воспитанников. При выпуске из корпуса с новоиспечённого мичмана высчитывали даже деньги, затраченные на покупку розог. В корпусе заставляли платить за малейший причинённый ущерб. Алексей Иванович Бутаков вспоминал: «В корпусе приходится за всё платить, за платок, который потерял, за стекло или стакан, который разбил, если не хочешь, чтобы посадили за особенный стол на хлеб и воду, т.е. исключили из порции, чтоб ценой кадетской пищи заплатить за испорченную вещь, а кадетский желудок готов обедать три раза в день, да столько же ужинать».

Несмотря на жестокость воспитания, среди кадетов в период директорства Крузенштерна превыше всего

ценились верность родине, отвага, самоотверженность. Глубоко презирались обман, фискальство, лесть, трусость и жадность. В город отпускали в выходные дни в зависимости от полученных баллов за учёбу и поведение. Когда наступало лето, младшие разъезжались по домам, а старшие отправлялись в плавание. Морская практика начиналась с выполнения обязанностей матросов. Матросы на кораблях обращались к кадетам — «барин». Воин Андреевич Римский-Корсаков вспоминал: «На неуклюжих, но довольно удобно устроенных для кадетского жилья фрегатах мы ели деревянными ложками из общей миски поартельно, а солонину и говядину без ножей и вилок, и право, не вздыхали о корпусном зале. Спали мы отлично в наших койках, всякий свою сам связывал; и хорошо, гладко закатывать койку, делать ей красивые головки, было предметом чванства у многих». Чай пили из оловянных мисок, черпая его, как суп, ложками. Иногда в корпусе проводились балы. Они были событием, к которому тщательно готовились. Из Столового зала всё убрали. Собиралось до пяти тысяч человек. В тот вечер открывали для посещения комнаты Морского музея. Посетители с любопытством рассматривали модели судов, машин, коллекции, привезённые из дальних стран. В рогатых помещениях открывали для гостей и воспитанников чайные буфеты. В зале было жарко и душно. Горели восемь огромных газовых люстр и множество свечей, к тому же шло тепло и от печей. Дамы и барышни постоянно обмахивались веерами. Не хочу вдаваться в детали, но атмосфера была не такая, как в фильме Бондарчука на первом балу Натальи Ильичны Ростовой.

В дни продолжительных праздников для кадет арендовали ложи в театре, многие любили русские оперу и балет. Увлекались и коньками. Каток устраивали во дворе и напротив корпуса, на Неве. Его ограждали срубленными ёлками. Стараниями Крузенштерна в Морском корпусе создали большую библиотеку, физический кабинет, астрономическую обсерваторию. Проходили годы учения. Наступало время выпуска. В Столовом зале оркестр играл церемониальный марш, строился весь выпуск. После официальной церемонии и поздравлений, вручений почётных подарков лучшим выпускникам, мичманы садились за стол. У каждого прибора лежала коробка конфет. Почётные гости сидели отдельно. Затем следовала молитва, и после неё на середину зала в последний раз выходили фельдфебели и унтер-офицеры, по судовому обычаю свистели в серебряные дудки, висевшие у них на цепях на груди: «К вину и обедать». Все приступали к последней трапезе в стенах альма-матер. Праздничный обед состоял из четырёх блюд. Непременно присутствовал гусь с яблоками. Произносились тосты. Начиналась взрослая жизнь. Четыре года кадеты шли одной дорогой, а дальше их пути расходились. Но память о проведенных вместе годах и о человеке, служившем всем примером, сохранялась навсегда, а кадетская дружба оказывалась самой крепкой.

В 1873 году Ивану Фёдоровичу Крузенштерну в торжественной обстановке открыли памятник. Памятник стоял спокойно до наших дней, не считая того, что в смутные времена воровали кортик у бронзовой фигуры. После революции 1917 года в здании Морского корпуса находилось Высшее военно-морское училище

имени Фрунзе. С 2001 года старейшее высшее учебное заведение носит название «Морской корпус Петра Великого — Санкт-Петербургский военно-морской институт». В последние годы появилась традиция, пытаются убедить, что она старинная. Но это ложь. В день выпуска выпускники напяливают на памятник полосатую тряпку, сшитую из тельняшек. Может быть, у кого-нибудь это и вызывает слезу умиления, но у автора, самого бывшего морского офицера, вид вскарабкавшихся на памятник подвыпивших молодых людей в расстёгнутых до пупа офицерских рубашках с погонами симпатии не вызывает. С памятником связана и анекдотическая давняя история, когда некий курсант представился одной не в меру наивной и доверчивой девушке Ваней Крузенштерном. Когда девушка пришла на проходную искать пропавшего кавалера, дежурный подвёл её к бронзовому Ивану Крузенштерну. На одном курсе с отцом автора этой книги учился замечательный поэт Алексей Алексеевич Лебедев. Он погиб во время войны на подводной лодке. Лебедев написал по этому поводу стихотворение, заканчивающееся так:

Стоит пред скорбною девицей
Видавший сотни непогод,
Высокий и бронзоволицый
Великий русский мореход.

И говорит с улыбкой Клава:
«Столетие прошло, как дым,
Но прежде странствия и славы
Вы, штурман были молодым,

Бывали с теми и другими
И действовали напрямик,
Своё не забывая имя,
Как ваш забывчивый двойник».

Но вернёмся к нашему герою. Гардемарин, выпущенный из Морского корпуса, после окончательного расчёта с «альма-матер» знал, что денег нет и не будет несколько месяцев. Чтобы не умереть с голода, закладывали саблю, мундир, кортик, часы — словом, всё, за что можно было получить у ростовщика или в ломбарде деньги. Жили на 30 рублей четыре месяца до выдачи очередной годовой трети жалованья. В те времена каждый месяц жалованье не выдавалось.

Квартиры снимали самые дешёвые, на чердаках и в подвалах. По будням вместо чая заваривали ромашку, обедали через день. Дома в преферанс играли по одной сотой копейки. Все были в долгах как в шелках. Чтобы как-то помогать друг другу, создавали особые суммы, что-то вроде «чёрных касс» советского времени, из которых офицеры могли брать деньги в долг. Младший офицер, на жалованье, которое он получал, достойно содержать семью не мог, потому и женились, как правило, к сорока годам. Зато офицерскому составу вдалбливалась в голову его особая почётная роль в государстве и подчёркивалась иллюзия близости к высшей власти, о которой уже упоминалось. В общем, что-то вроде приёма в Кремле по случаю окончания высших военно-учебных заведений, что было заведено ещё в советское время. Это действовало. Преданность царю у подавляющего числа морских офицеров в первой половине девятнадцатого

века была несомненной. Но только до той поры, пока в России не стал бурно развиваться капитализм. Понятно, что голодные кадеты очень быстро вспоминали всех своих близких и дальних родственников, живших в Петербурге, и с охотой их навещали.

Алексей ходил в гости к родному дяде, Александру Николаевичу, с главной целью поесть, а заодно и выпросить гривенник. Тот служил на неплохой должности в Морском министерстве. Дядя большой щедростью не отличался, но всё-таки помнил, что и он сам когда-то окончил Морской корпус, а потому после непрременной нотации деньги всегда давал. Хуже, если в тот момент внезапно появлялась тётка, Александра Ивановна, дама с довольно тяжелым характером. Она «...переберёт в длинной проповеди все старые закорпусные, корпусные, настоящие и мнимые грехи, и при всех кадетях», а денег не даст и мужу не разрешит. Ничего не поделаешь, женщины в таких вопросах часто более жёсткие, чем мужчины. К тому же дядя, боевой офицер, не боялся неприятеля, но побаивался свою жену. Учился Алексей неплохо, числился в первой десятке по успеваемости. Но лучше всех на его курсе занимался Николай Краббе. Впоследствии судьбы всех братьев Бутаковых, так или иначе, окажутся связанными с этим человеком. Звание мичмана Алексею Бутакову присвоили 21 декабря 1832 года.

В исторической литературе утверждается, что после Морского кадетского корпуса Алексей окончил офицерский класс. Автор вначале сам попался на эту удочку. Но потом решил перепроверить и выяснил, что это не так. Алексей при выпуске из Морского корпуса

действительно был в первой десятке лучших, но в списках выпускников офицерского класса его фамилии нет. К тому же звание лейтенанта он получил на шестом году службы, что означает два варианта: либо он не поступал в офицерский класс, либо его оттуда по какой-то причине отчислили. За год до его выпуска, в мае 1831 года, в Морской кадетский корпус поступил младший брат Алексея Бутакова, Григорий. Как это прекрасно, когда в суровых казарменных условиях, вдали от семьи и дома, есть старший брат, который и поможет советом, и при необходимости вступится за младшего! В корпусе братьев училось много, такая «семейственность» всячески поощрялась, на мой взгляд, вполне разумно.

После выпуска Алексея назначили на строящийся корабль «Остроленка», названный так в честь победы русских войск над польскими повстанцами 14 мая 1831 года у городка Остроленка. Там мичман подружился с другим выпускником Морского корпуса, Павлом Яковлевичем Шкотом, вместе с которым ему доведётся многое пережить и не раз смотреть смерти в лицо. Но тогда они об этом не подозревали. Удивительное дело быть историком: ощущаешь себя буквально всевышним, который знает все судьбы наперёд. Может, и в самом деле существует кто-то там, наверху, кто так же знает всё о нас, о наших собственных судьбах? Автор, скажу на этот раз о себе в третьем лице, давно пришёл к выводу, что никакая выдумка не может сравниться с тем, как складываются подлинные человеческие судьбы, и уже давно переключился в основном на чтение биографических вещей и исторических исследований. Мне они кажутся гораздо интересней любого фантастиче-

ского вымысла. Впрочем, существуют и другие мнения. В девятнадцатом веке офицеров постоянно переводили с одного судна на другое. Посмотрите послужной список любого морского офицера, и у вас зарядит в глазах от названий судов, на которых им довелось служить. Я пытался доискаться причину этого, беседовал с одним из наиболее авторитетных современных военноморских историков, но, к сожалению, услышал только догадки. Везде, где служил Алексей Бутаков, он оставлял о себе добрую память, с матросами всегда обращался по-человечески. В письме отцу 25 ноября 1837 года, явно ожидая от него похвалы, сообщал: «В самом деле, я не следую правилам наших нынешних дисциплинистов в обращении с командою и от того меня однажды спросил мой нынешний командир корвета: “Отчего на вашей вахте люди работают лучше и усерднее, нежели на прочих?”»

Эти вещи убеждают меня по возможности меньше применять усиливающие средства, потому что добром можно заставить работать лучше, нежели палкой». Алексей служил в ту пору вахтенным офицером на корвете «Львица», а «усиливающие средства» — эвфемизм, под которым скрывались порка линьками и мордобой. Служба на Балтике была неинтересной: большую часть года проводили в Кронштадте. Летнее время навигации проскакивало незаметно, да и плавали недалеко. Осенью возвращались в Кронштадт, где мучило постоянное безденежье. Жалованье составляло всего 600 рублей ассигнациями, причём в течение первых двух лет после выпуска у Алексея Ивановича высчитывали по 100 рублей в год, подсчитали, что такой урон он нанёс

Морскому корпусу за время обучения. Снимать одному в городе квартиру было не по карману, поэтому Бутаков договорился снять жильё на паях с другим мичманом, графом Ламсдорфом. Молодые офицеры постоянно находились на дежурствах в казарме, на судне, стоявшем у стенки, в порту, заступали в караул при арестантских домах. Жили впроголодь. Даже чай пили не всегда, обед готовили вестовые, без всяких разносолов, щи да каша. Не зря говорится, что когда денег нет, чувствуешь себя, как кот под дождём. Вестовые по возрасту были гораздо старше своих начальников и умудрённые жизнью, поэтому относились к молодым офицерам, как няньки. Когда граф и потомственный дворянин сидели вообще без копейки в кармане, приносили им чего-нибудь поесть из казармы. Иногда давали жизнерадостным мичманам дельные советы: «Вы бы, барин, от хозяйской дочки подальше держались, а то не ровён час и под венец подведут».

Вечно голодные мичманы регулярно посещали знакомых и друзей родителей, где всегда угощали обедом или ужином. При этом старались избегать тех семей, в которых имелись дочери на выданье. И очень правильно делали.

В 1837 году в России построили первую железную дорогу между Петербургом и Павловском. Впечатление она произвела на жителей примерно такое же, как на автора этих строк и его товарищей по военно-морскому училищу открытие первой линии ленинградского метро. Разумеется, Бутаков не удержался от соблазна прокатиться по ней. Впечатления от поездки, вокзала, ресторана, парка, иллюминации он подробно описал

родителям, упомянув и о часовых, расставленных через каждые 100 сажений вдоль железной дороги. Наверно, тогда украсть цветные металлы или подложить под рельсы бомбу было сложнее, чем в наше время. Алексею легко давались иностранные языки. Ещё в корпусе он прекрасно освоил английский и французский языки, считавшиеся тогда необходимыми для моряков. Немецкий язык в семье все хорошо знали благодаря матери. Его привлёк итальянский, и он сумел его изучить самостоятельно. Позже к итальянскому добавился португальский. Без сомнения, нужно иметь большие способности и много трудиться, чтобы освоить самостоятельно иностранные языки. Знание иностранных языков помогло найти дополнительный заработок. Кто-то предложил Бутакову заняться переводами. Он попробовал — и у него получилось. Стал регулярно печатать свои переводы в журналах «Сын отечества» и «Библиотека для чтения», за что получал маленькие гонорары. Как пошутил по этому поводу Алексей, он получил: «Прибыль воды в мои пустые карманы». Брат Григорий, который служил на Чёрном море, поздравил его с литературными успехами, а заодно и с тем, что Алексей бросил курить. Огорчилась последнему обстоятельству только старшая сестра (тогда ещё не подозревали о вреде курения), потому что хотела подарить ему на день рождения вышитый ею кисет. Но не одно литературное творчество занимало всё свободное время Алексея Ивановича. Интересы у него были разносторонние, связанные с профессией и географическими науками. Тот год был трагическим для России — она потеряла Пушкина. Утрата невосполнимая. Случилось ещё одно трагическое событие, занимавшее

умы, — пожар в Зимнем дворце, от которого практически ничего не осталось. Французский аристократ, маркиз де Кюстин, посетил российскую столицу, когда в невероятно короткие сроки завершилось восстановление дворца. В своей книге «Россия в 1839 году» он написал: «В течение года дворец возродился из пепла... Чтобы работа была кончена к сроку, назначенному императором, понадобились неслыханные усилия... Во время холодов от 25 до 30 градусов шесть тысяч неизвестных мучеников, мучеников без заслуги, мучеников невольного послушания были заключены в залах, натопленных до 30 градусов для скорейшей просушки стен.

Таким образом, эти несчастные, входя и выходя из этого жилища великолепия и удовольствия, испытывали разницу в температуре от 50 до 60 градусов... Мне рассказывали, что те из этих несчастных, которые красили внутри самих натопленных зал, были принуждены надевать на головы нечто вроде шапок со льдом, чтобы иметь возможность сохранить свои чувства в той жгучей температуре... Я испытываю неприятное чувство в Петербурге с тех пор, как видел этот дворец и как мне сказали, жизни скольких людей он стоил... Версальские миллионы кормили столько же семей французских рабочих, сколько славянских рабов убила 12-месячная работа в Зимнем дворце...». Маркиз имел в виду заработки французских строителей дворца в Версале. И смерть Пушкина, и пожар во дворце, будоражили умы, о них говорили в каждом доме, писал об этих событиях своим родным и Алексей Иванович.

Наступил 1838 год. Бутакова перевели служить с «придворного», как он выражался, фрегата «Кастор»,

обслуживавшего царский двор, на пароходо-фрегат «Богатырь». Это чудо техники, с огромными гребными колёсами и густыми клубами дыма из трубы, было первым паровым фрегатом, построенным в России. Плавать на нём было мучение: запас угля маленький, а топлива машина пожирала много, поэтому только и занимались погрузкой угля. На верхней палубе всё вечно было в копоти и саже. Постоянно приходилось отмывать и отскребать палубу и надстройки, к тому же у офицеров и матросов из-за дыма и летевшей сажи часто развивались болезни глаз. Очки с металлической сеткой, заменявшей стёкла, которые выдали личному составу, не защищали от мельчайшей угольной золы. Тем не менее тогда это было новейшее судно, и служба на нём считалась очень почётной. Назначению на «Богатырь» Бутакову поспособствовал бывший командир, капитан-лейтенант Андрей Логинович Юнкер, который, как писал родителям Алексей, «во-первых, сделал из меня порядочного морского офицера, а, во-вторых, накричал обо мне весьма и каждому, что я только звезда с неба не хватаю».

Приобретённый опыт службы на пароходе пригодился ему много позже, только тогда молодой моряк даже в страшном сне не мог представить, при каких обстоятельствах это случится. Пока Алексей осваивал службу на балтийских кораблях, произошло немало семейных событий. Окончил Морской корпус Григорий и даже успел заработать на Чёрном море первую боевую награду, заканчивал учёбу в корпусе брат Иван, которого он всегда навещал, бывая в Петербурге, подошла очередь Дмитрию и Владимиру становиться кадетами.

Алексей написал письмо Григорию, спрашивая, стоит ли ему добиваться перевода в Черноморский флот. Брат категорически отсоветовал это делать, упирая на то, что заниматься литературной работой, к которой Алексей имел склонность, в Черноморском флоте у него не будет возможности. Я много раз перечитывал это письмо, роковым образом сказавшееся на судьбе Алексея, пытался понять истинные мотивы Григория. Может быть, тому не хотелось стать на флоте вторым? Правда, пока служил отец, тот был Бутаковым 1-м, но у отца пенсия была уже не за горами. В 1840 году для доставки грузов на Камчатку предстояло отправиться военному транспорту «Або». По традиции командиру предоставлялось право самому выбрать себе старшего офицера. Командиром транспорта назначили Юнкера, и он, высоко ценя служебные качества Алексея Бутакова, предложил его кандидатуру, которая и была утверждена. В ту пору дальние плавания случались редко, попасть в них считалось большой удачей. Не только потому, что моряки приобретали бесценный опыт, — это был отличный старт для дальнейшего карьерного роста. По окончании кругосветки, как правило, щедро раздавались орденские и денежные награды, длительные отпуска. И, без всякого сомнения, всё это вполне заслуженно и справедливо, потому что каждое подобное плавание для его участников было суровым экзаменом на прочность. Иногда судна попросту исчезали без следа. О том, что с ними случилось, можно только гадать — моря и океаны надёжно хранят свои тайны. Контр-адмирал Иван Николаевич Бутаков, узнав о назначении сына, приехал из Николаева в Петербург, чтобы попрощаться

с Алексеем перед кругосветным плаванием, дать ему последние советы и напутствие.

Второй целью поездки адмирала в столицу было поспособствовать назначению сына Ивана, который заканчивал Морской корпус, на Чёрное море, где уже служил Григорий. Ивана брат Григорий почему-то не отговаривал от службы на Чёрном море. Но все были довольны, и отец, и сыновья, разделяли радость Алексея, поймавшего за хвост птицу удачи. Но никогда не загадывай заранее. Зря так радовались своему назначению Алексей Бутаков и другие счастливчики, попавшие на «Або». Счастье обернулось большой бедой, наложившей отпечаток на всю последующую службу Алексея Ивановича Бутакова и его товарищей и в определённой степени искалечившей их судьбы. Андрей Юнкер, опытный и смелый моряк, плавал на многих судах, прослужил на флоте двадцать лет. Казалось бы, всё прекрасно, кроме одного — за ним тянулся шлейф славы редкостного прохвоста. Правда, если вам скажут, что операцию, для которой вы легли в больницу, будет делать врач, большой души человек, душа любой компании, но очень слабый хирург, то это тоже не самый лучший вариант. При отправлении в кругосветное плавание от капитана требовалось лично проверить готовность экипажа, судовые запасы, как укладывается груз в трюм, не будет ли он смещаться во время сильной качки. И если бы только это! Обязанностей у любого корабельного офицера ровно столько, чтобы не оставалось ни минуты свободного времени. К изумлению экипажа, командир перепоручил свои капитанские обязанности Алексею Бутакову, будто у того не было собственных, и благополучно убыл с оказией в столицу, где предался всем

порокам. Бутаков чувствовал себя обязанным Юнкеру и тем, что тот рекомендовал его на «Богатырь», и тем, что взял старшим офицером на «Або». Ведь именно Юнкер добился его назначения в кругосветное плавание, и поэтому Алексей Иванович безропотно работал за двоих.

Искать ангелов среди моряков — занятие несерьезное, но здесь, как показали последующие события, в роли капитана оказался сам нечистый. Молодые офицеры с «Або» получили воспитание не в пансионе благородных девиц. Сами были не прочь погулять, но всему своё время. На первом месте у военных моряков всегда стояла служба. Капитана между собой осуждали вовсе не за кутёж в столице, а за неисполнение своих обязанностей. В редкие свободные часы во время подготовки транспорта к плаванию молодёжь тоже деятельно отдыхала от корабельных трудов. Деньги летели по ветру, как осенние листья. Юнкер иногда наведывался в Кронштадт, но не за тем, чтобы заняться делом, а для того, чтобы в очередной раз заглянуть в денежный сундук.

В те времена командиру корабля при отправлении в кругосветное плавание выдавали сразу кругленькую сумму в звонкой монете и в векселях самых известных банков мира. В неё входили двухгодичное жалованье офицеров и команды, деньги на закупку продовольствия, медикаментов, на ремонт и экстраординарные расходы. Судовой денежный сундук хранился у капитана, и охранял его у дверей капитанской каюты часовой. Лейтенанты и мичманы пользовались появлением Юнкера, чтобы занять у него денег в счёт будущих периодов выплат жалованья. Дело это совершенно незаконное, и капитан-лейтенанту следовало пристру-

нить подчинённых. Но Юнкер никому не отказывал, вёл себя как Аладдин, внезапно обнаруживший пещеру с золотом, даже поощрял: «Почему бы и не погулять, дело молодое, вот, мол, я в ваши годы...» Разница заключалась в том, что Юнкер проматывал казённые деньги, а лейтенанты и мичманы — своё будущее жалование. Капитан-лейтенант давал в долг с лёгкостью необыкновенной, как будто денежный сундук был бездонным. Часовой у капитанской каюты, охранявший казну, был бутафорией, защитить её от главного расхитителя он не мог.

Перед отправлением из Кронштадта моряки при горячем участии Юнкера закатали грандиозный прощальный обед. Готовили повара, доставленные из Петербурга. Присутствовало множество друзей и знакомых. Обошлось это удовольствие в 3000 рублей — сумму невероятную по тем временам. Цыганский хор и дамы полусвета помогли офицерскому составу расстаться с остатками лейтенантских и мичманских жалований. Теперь все сидели на крючке у капитана. Даже если бы кто и захотел в будущем списаться с корабля — это было исключено. Все находились по уши в долгах у Юнкера, а, точнее, перед казной. Отдавать же было нечем. Алексей Бутаков, увы, тоже не оказался исключением. В качестве его оправдания, напомним, что старшему офицеру стукнуло тогда всего лишь 24 года. 5 сентября 1840 года пароход «Геркулес», вся мощь которого заключалась в его гордом имени, взял «Або» на буксир и, извергая огромные клубы чёрного дыма, натужно потащил транспорт до Толбухина маяка. Там вступили под паруса. Первой портовой стоянкой был Копенгаген.

Обычно у датчан покупали недостающие карты, навигационные инструменты, пополняли провизию. От силы это занимало дня три. Юнкер убыл на берег и ... пропал. Бутаков не на шутку обеспокоился. Стали искать капитана на берегу. Следы его нашлись через две недели в самой шикарнейшей гостинице города. О том, как он пировал и каким оказался щедрым, с восторгом и завистью поведали морякам «Або» офицеры с английского фрегата, которым посчастливилось оказаться с Юнкером в одном ресторане. Гулять так гулять! Англичане остались с глубоким убеждением, что у русских любой мичман получает, как английский адмирал. Весь экипаж скучал на судне. Плавание только начиналось, а от жалованья уже осталось меньше половины. С пустыми карманами на берегу делать было нечего, поэтому и торчали на судне. Наконец объявился не совсем протрезвевший капитан. Он отдал Бутакову приказание выйти в море, а сам удалился в каюту отсыпаться, объявив, что возлагает на Алексея Ивановича свои обязанности. Плавание продолжилось. 10 октября пришли в Портсмут. Северное море крепко потрепало судно, поэтому работ по устранению повреждений от шторма хватило и команде, и портовым служащим. Провизию поставлял англичанин Джон Кеттлер, незамедлительно объявившийся на судне в день его прихода в гавань. Солидный полный джентльмен предъявил пачку рекомендательных писем от русских капитанов. Но едва ли стоило их все показывать: некоторые рекомендации написали большие шутники. С крепкими морскими словечками и хорошо знакомыми русскому уху выражениями, они рекомендовали не слишком доверять предъявителю. Разочаровывать

англичанина не стали, советы предшественников учли и в свою очередь оставили не менее красочно изложенное рекомендательное письмо.

В Портсмуте быстро обзавелись знакомствами с англичанками. Лихие портовые девицы не раз побывали на судне, с ловкостью обезьян карабкаясь по штормтрапу (верёвочной лестнице с деревянными ступеньками. — *Примеч. авт.*). Они оставили массу приятных воспоминаний морякам и много забот судовому лекарю. Всё хорошее рано или поздно заканчивается. Наступила пора расстаться с гостеприимной Англией и её любвеобильными жительницами. В Портсмуте Юнкер жил в гостинице и проводил время отнюдь не хуже, чем Копенгагене. До Канарских островов дошли без особых приключений. Но зато по приходе к Тенерифу капитан вновь сорвался с тормозов. Он устраивал на берегу дикие кутежи, по обыкновению заканчивавшиеся грандиозными драками, в которые умело вовлекал всех присутствовавших. Так и представляешь себе сцену в салуне из какого-нибудь вестерна. Обеспокоенные местные власти сделали всё от себя зависящее, чтобы незамедлительно вытолкнуть «Або» в море. Обычно вальяжно-неторопливые испанские чиновники суетились, как ошпаренные тараканы, организуя пополнение запасов воды на транспорте, чтобы только поскорее выпроводить русских моряков. Для закупки свежей провизии денег уже не осталось. Пятьдесят шесть дней до мыса Доброй Надежды сидели на солонине, разнообразя её горохом. Солонина была из свинины и говядины. Когда открывали бочку, запах, если она начинала портиться, шёл такой, что можно было лишиться сознания. Если

мясо было мягким, значит, оно уже гнило, если твёрдым, то никакой варкой его невозможно было сделать мягким. Некоторые умельцы из твёрдой говяжьей солонины вырезали модели судов и покрывали их лаком. Потом выдавали за красное дерево.

По торжественным случаям открывали консервы с супом и мясом. Консервы представляли собой тяжёлые большие железные банки, покрытые тонким слоем жести. Открывали их с помощью долота и молотка. Стоили консервы дорого, поскольку их изготавливали тогда на английской фабрике вручную. Вкус был такой, что мы с вами их есть не стали бы. Но в плавании консервы были лакомством, потому их и ели по праздникам. Сухари и галеты были заражены долгоносиком. Чтобы как-то очистить продукты от насекомых, клали в бочку с галетами или сухарями пойманную рыбу. Чтобы полакомиться мясом, долгоносики выбирались из своих гнёзд и устремлялись к рыбе, которую потом выбрасывали вместе с любителями поживиться. Как люди выживали при такой еде и тяжёлой работе на паруснике, только диву даёшься. Юнкер, у которого была нетрадиционная сексуальная ориентация, скрашивал себе жизнь, создав целый гарем из двух унтер-офицеров и матроса. Один из них постоянно жил у него в каюте. На берегу капитан не стеснялся гулять в обнимку с кем-нибудь из своих «возлюбленных», селил их вместе с собой в гостиницы. Офицеры кипели от возмущения, но сделать ничего не могли. Любой их протест мог быть истолкован как попытка бунта.

На мысе Доброй Надежды, в Капштадте, Юнкер продолжил береговые оргии с участием своих пассий

и в течение трёх недель не появлялся на судне, пока офицеры под руководством Алексея Бутакова готовили транспорт к переходу через Индийский океан. Жили впроголодь. Выручала только дешёвизна сушёного винограда. Он заменял завтрак, обед и ужин. На солонину не хотелось даже смотреть. 20 февраля 1841 года оставили берега африканского континента.

Индийский океан встретил такими ветрами, что на матросах, работавших на мачтах, рвало рубашки. В последний день марта ночью внезапно налетел шторм. Матросы и офицеры с трудом спустились с мачт, где убирали паруса. По палубе можно было ходить, только держась за натянутые леера. Транспорт «Або» имел водоизмещение 800 тонн и длину 39 метров. Чем меньше судно, тем больше его болтает. В этом на себе пришлось однажды убедиться конструкторам КБ, где трудился в военной приёмке автор, и представителю военной приёмки, когда определяли в натуральных условиях на Севере, удерживаются ли при штормовой погоде ленты с патронами на стеллажах зенитной артиллерийской пограничного корабля. Шторм, в который попал «Або», превратился в ураган. Транспорт несло со скоростью двенадцать с половиной узлов (12,5 мили в час) только за счёт снастей, все паруса были убраны.

Судно содрогалось, казалось, дрожала каждая дощечка в палубе. Вокруг вздымались горы ослепительной белой пены. Только потом моряки поняли, что это светились мириады моллюсков. Ураган сопровождался сильнейшим ливнем. Под ветром струи воды стали горизонтальными, ослепляя людей. Потом море и небо слились в один непроницаемый мрак, разрываемый фио-

летовым светом молний. Раскаты грома не различались в общей какофонии звуков. И вот здесь раскрылся морской талант Юнкера — он показал себя великолепным моряком. Капитан бесстрашно и уверенно командовал судном. По его приказанию у штурвала поставили двух самых сильных рулевых и по четыре человека с каждого борта на тали, которыми управляют рулём в случае его повреждения. Только так удавалось удерживать «Або» по курсу. Воды на палубе было по пояс. Несколько раз черпали бортом, вода не успевала стекать в шпигаты, а вкатившийся с кормы вал едва не смёл всех с палубы. Этот ужас длился два с половиной часа. Рухнула грот-мачта (вторая мачта, считая от носа). Когда она падала, по команде Юнкера успели перерубить удерживавшие её канаты, чтобы судно не перевернуло. Следом за ней на правую сторону упала фор-стенгга (часть носовой мачты), к счастью, никого не убив. Исчез, будто его и никогда и не было, утлегарь (часть горизонтального дерева, выдающегося с носа судна). Вся команда отчаянно сражалась со стихией за жизнь судна и за свои собственные жизни. Им удалось выстоять. В шестом часу утра занялась заря, и ветер начал стихать. Транспорт оказался в ужасном состоянии. Поставили из подручного материала временный, или, как его называют моряки, фальшивый рангоут, с помощью которого кое-как дошли до Малазийского архипелага в Сингапур.

В порту Юнкер признался Бутакову, что денег на ремонт судна нет, да и вообще нет ни на что, даже на продовольствие. К русским морякам в городе все сразу утратили всякий интерес. Русского консула в городе не было, значит, и занять было не у кого. Вот тогда-то

офицеры транспорта по-настоящему осознали размер бедствия и поняли, во что их втянул капитан, когда в портовых кабаках небрежно швыряли деньгами в счёт будущего жалованья. Но, по крайней мере, то были личные, хотя и не совсем законно, раньше времени, полученные деньги, и всё же не казённые, которые все успел промотать Юнкер. Моряки чувствовали и свою вину, понимали, что были косвенными соучастниками преступления, растрачивая то, что им было ещё не положено. Ситуация сложилась дряннее некуда. Юнкер отсиживался в каюте, о своих намерениях он не ставил в известность Бутакова. Тогда на общем совете офицеров в кают-компани под председательством Бутакова решили, что выход остаётся только один: идти к каким-нибудь близлежащим необитаемым островам и там вырубить деревья, необходимые для ремонта. Бутаков доложил это предложение командиру, и Юнкер с облегчением согласился с мнением офицеров. Такими ближайшими к Сингапуру островами оказались Никобарские острова. 25 апреля прибыли к острову Нанковри. Места неизвестные, карты непроверенные, но, делая непрерывно промеры глубин, втиснулись между островами так, чтобы не видно было с моря. Юнкер снова не сходил с мостика, пока не стали на якорь. Все понимали: афишировать здесь своё появление не стоит.

Острова оказались не такими уж необитаемыми, а даже довольно часто посещаемыми, правда, китобойными судами и, видимо, с подобными же целями. Через некоторое время появились на лодочках обнажённые местные жители. Молодёжь оживилась, собираясь поглазеть на южных прелестниц, но печальный

опыт давно научил аборигенов прятать своих красавиц подалее от пришельцев, в лесу, а получать удовольствие от любования голыми тёмнокожими мужиками мог только один капитан. За год или два до прихода «Або» здесь побывало английское китобойное судно. Обычно экипажи таких судов у англичан составляли отбросы общества. Китобои для начала перестреляли в ближайшей деревне всех кур и свиней, затем устроили пир с грандиозной выпивкой, после которой им захотелось приятного женского общества. Захватили жён и дочерей жителей деревни. В ответ мужья и отцы, дождавшись, когда перепившиеся и утомлённые любовными утехами бандиты уснут, ночью их перебили. Судно сожгли. Чудом спаслись несколько человек. На шлюпке они добрались до ближайшего порта, где находились английские суда, и рассказали свою историю, естественно, представив себя невинными жертвами. О пьяной оргии не было сказано ни слова. Воспылавшие праведным гневом колониальные власти решили преподать урок островитянам. Английский военный бриг в виде возмездия огнём из пушек снёс с лица земли туземную деревню вместе с её обитателями. Немудрено, что, имея столь печальный опыт, островитяне встречали белых настроженно. Началась меновая торговля на ананасы и бананы. Моряки набросились на тропические фрукты с такой жадностью, что скоро все стали страдать расстройством желудка, но это были только цветочки. По традициям исторического жанра дальше следовало бы заклеить позором англичан и показать на их фоне, какими высоконравственными и добрыми были наши моряки. Но я там не был, поэтому ограничусь лишь тем,

что замечу: русские вели себя гораздо приличнее, чем китобои, которые сжигали деревни и отбирали у жителей кур и свиней. Поэтому аборигены показали им, где растут подходящие деревья. А росли они, увы, довольно далеко от берега. Началась поистине каторжная работа. В жарком и влажном тропическом лесу, кишашем всевозможной ползающей, летающей, жалящей и кусающейся нечистью, стали сначала прорубать просеку. На пути встречались болота, которые приходилось гатить. Потом, надрываясь, талями тащили срубленные гигантские деревья к судну, где корабельные плотники их обстругивали. Половина команды несла вахту на судне (бдительность терять было нельзя), половина выполняла работу. Затем менялись. Потери людей начались сразу. Первым умер матрос, ужаленный неизвестной змеёй. Потом от тропических болезней люди стали умирать один за другим. Через две недели не осталось ни одного здорового моряка. Особенно мучила людей горячка.

В первой трети мая работы наконец закончили. Распрощались с туземцами и направились в Малаккский пролив. Кстати, именно на Никобарских островах, где Алексей Бутаков познакомился вплотную с бурной тропической растительностью, ему захотелось изучить естественные науки, стать натуралистом. Об этом он писал в письме брату Григорию. В плавании люди продолжали умирать. Жилая палуба превратилась в лазарет. Днём и ночью оттуда доносились стоны страдальцев и хрипы умирающих. Те, кто остался в строю, работали на пределе человеческих возможностей, практически без нормального сна и отдыха. Приходилось делать работу и свою, и умерших или больных товарищей. Малаккский

пролив — гнездо пиратов. Он и в наше-то время печально известен тем же. Приходилось быть начеку, а люди еле держались на ногах. В начале июня вернулись в Сингапур. Нужно было спасти команду, а Юнкер, похоже, вновь собрался на берег пьянствовать. Как вспоминал Алексей, их командир долгое время носил маску рубахи-парня и достаточно долго обманывал многих людей. Бутаков признавался, что и сам был среди этих «бедных дураков».

Но всему рано или поздно приходит конец. Терпение офицеров лопнуло. Отдавая должное Юнкеру, как моряку, все понимали, что ими командует откровенный негодяй. Разъярённый старший офицер без церемоний вошёл к Юнкеру в каюту для объяснений. Капитан был не из трусливого десятка, но по лицу Бутакова понял его состояние и решил не рисковать. Он безропотно достал из сундука оставшиеся деньги. На них наняли местного врача-голландца, который умел лечить от тропических болезней, а для больных сняли домик на берегу. Через месяц, когда больные немного пришли в себя, Юнкер приказал сниматься с якоря. Но люди продолжали умирать. Ослабевший после болезни матрос не удержался на мачте, когда крепили паруса, упал на палубу и разбился насмерть. Вновь вспыхнула эпидемия горячки. Но, похоже, что Юнкера это нисколько не беспокоило. Пропасть между капитаном и офицерами продолжала увеличиваться. В Авачинскую губу вошли 20 сентября, а на следующий день умер еще один матрос. Всего за переход от Никобарских островов до Камчатки похоронили четырнадцать человек.

Петропавловск — это вам не Сингапур, осень здесь сменяется зимой стремительно. Нужно было как можно

скорее сдать груз, принять балласт, подлечить людей и отправляться в море, пока не замёрзла бухта. Но Юнкера на судне не было, он уже всю пользовался гостеприимством камчадалов, истосковавшихся по новым людям и вестям из России. Капитана принимали с почётом, как там всегда было принято. Он не отказывался ни от каких приглашений. Хозяева были тоже не дураки выпить — словом, дым шёл коромыслом. Пришлось обходиться без командира, к чему давно уже привыкли, поскольку практически на транспорте всем распорядился Бутаков. Вскоре офицеры заметили неожиданную перемену в отношении к ним начальника Камчатки капитана 2-го ранга Николая Васильевича Страннолюбского. Его приветливость и любезность сменились холодностью и отчуждённостью. Как позже выяснилось, Страннолюбский находился в Петербурге перед отправлением «Або». Он получил назначение на Камчатку. Ему предстояло добираться туда сухим путём. Пользуясь представившейся возможностью, капитан 2-го ранга попросил Юнкера привезти ему в Петропавловск пианино, несколько ящиков с вином и ещё кое-какие громоздкие вещи. Для этого он дал командиру «Або» две тысячи рублей. С таким же успехом эти деньги Николай Васильевич мог бы подарить первому встречному бродяге. Юнкер на радостях немедленно закатил пир, пригласил на него и Страннолюбского, который, разумеется, не подозревал, что пропиваются его же собственные деньги. Когда «Або» появился в гавани, Страннолюбский обрадовался: наконец-то увидит долгожданные вещи и вино. Велико же было его разочарование, когда Бутаков на вопрос, где пианино и остальное, с изумлением возрился на него.

Страннолюбский забеспокоился, отыскал Юнкера, находившегося в это время в гостях у исправника, и стал выяснять, где же вещи. Тот, не моргнув глазом, заявил, что офицеры ещё в Кронштадте устроили против него что-то вроде заговора и умышленно «забыли» там пианино, деньги они украли, а вино выпили во время плавания. Можно понять реакцию Страннолюбского. Бутаков постарался ему объяснить, что это неправда, всё не так, но кошка между капитаном 2-го ранга и офицерами транспорта уже пробежала. Кого слушать, кому верить, начальник Камчатки не знал. В Петропавловске Юнкер забеспокоился. Одно дело — рассказывать басни доверчивому Страннолюбскому, а другое — отчитываться по шнуровым книгам перед въедливыми чиновниками из комиссариатского департамента. Выход был только один — подделать записи. Решив, что судовой врач — самое слабое звено, он, с военной точки зрения, совершенно правильно начал атаку с него: потребовал, чтобы тот списал растраченные на кутежи деньги как якобы израсходованные на приобретение лекарств. К его изумлению и ярости, всегда тихий покладистый штаб-лекарь категорически отказался заниматься подлогом. Обозлённый сопротивлением там, где он его совершенно не ожидал встретить, капитан пригрозил, что спишет строптивца с судна и оставит на Камчатке.

Нужно заметить, что он запросто мог так поступить, оставить лекаря в Петропавловске без всяких средств существования. Однако такой номер у него не прошёл. Медик помчался жаловаться старшему офицеру, и Бутаков от имени всех офицеров твёрдо заявил, что без штаб-лекаря никто из них в море не выйдет. С того

момента началось открытое противостояние капитана и офицеров, прежде всего Алексея Бутакова и Юнкера. Обязанности разделились: Юнкер пьянствовал на берегу, спуская последние казённые копейки, а Бутаков готовил судно к длительному переходу. Страннолюбский, несмотря на причинённую ему обиду, помогал всем, чем мог, а главное — организовал лечение больных матросов и офицеров на целебных Паратунских ключах. Командир «Або» прибыл с берега на судно в середине ноября. На последние деньги Юнкер купил упряжку из двенадцати собак и нарты, для подарка царю. Побеспокоился он и о юколе, чтобы кормить собак в пути. Слава Богу, хоть о собаках подумал. В конце ноября бухта оказалась уже схвачена льдом. Градусник давно показывал минус десять. Неделю ручными пилами пропиливали во льду канал, чтобы выйти из Петропавловской гавани в Авачинскую губу. Делать эту работу матросам приходилось, стоя по колено в ледяной воде. Наконец 24 ноября с некомплектным экипажем оставили Камчатку, и вышли в открытое море.

Наверно, если специально придумывать всякие козни и испытания для моряков «Або», то вряд ли можно додуматься до того, что им довелось пережить за время плавания. Юнкер, учитывая, что денег на покупку продовольствия и воды практически нет, решил максимально сократить обратный путь. Если обычно капитаны заходили на Гавайские острова, чтобы освежить команду, дать ей возможность отдохнуть от судна на берегу, купить свежих фруктов и овощей, чтобы уберечь людей от цинги, то командир «Або» приказал следовать курсом на Рио-де-Жанейро, не делая оста-

новок в пути. После того как вышли из Авачинской губы, начался самый трудный этап плавания. Влажный снег огромными хлопьями налипал на снасти, рангоут, паруса, глыбами обрушивался с них на палубу. Тонкий слой льда превратил палубу в сплошной каток. Чтобы не скатиться за борт, натянули вдоль палубы леера. Днём и ночью убирали лопатами снег и скалывали лёд. На руки матросов страшно было смотреть. Когда спустились южнее, мороз и снег сменились на штормовой ветер и огромное волнение. Длилась эта пытка почти месяц. 11 декабря огромный вал вкатился с кормы на транспорт, сломал шлюпку и едва не перевернул орудие. Вода вдавила медные решётки люков, а рулевых и вахтенного офицера отбросила к бортам, чудом не смыв их за борт. Воду с палубы вычерпывали потом вёдрами. В каютах и в жилой палубе был настоящий вселенский потоп.

Постоянная сырость, невозможность высушить одежду и постель, отвратительное питание, огонь было не развести, поэтому ели сырую солонину с остатками сухарей, всё это в сочетании с тяжелейшим трудом привело к естественному результату — страшной спутнице моряков, цинге. Не было не только свежего продовольствия, но и водки, без которой на солонину противно было даже смотреть, а не то что есть. Офицеры отдали в лазарет своё продовольствие, закупленное ими для кают-компания. Сами питались наравне с матросами. Цинга тоже не обошла их стороной. Чем питался Юнкер со своими «возлюбленными», никто не знал, да и не интересовался. В те времена на кораблях было принято, чтобы капитан по очереди приглашал к себе на обед офицеров. А те в свою очередь приглашали его на обед в кают-компанию.

Капитан попытался воспользоваться этим обычаем, чтобы расколоть дружное офицерское общество. Но из его затеи ничего не вышло. Офицеры категорически отказывались от капитанского приглашения на обед, а о том, чтобы позвать его в кают-компанию, не могло быть и речи. С ним никто не разговаривал: только «есть» и руку к козырьку. Как рассказывал брату Алексей Бутаков, «общество офицеров было прекрасное, ни малейшей ссоры, раздоров в течение двухлетнего плавания». Это большая редкость в условиях физической и моральной усталости при постоянном нахождении в замкнутом пространстве, невозможности побыть одному. Юнкер попытался «по-доброму» договориться с офицерами, чтобы те подписали шнуровые книги записи расходов.

Понятно, что в них была сплошная липа. Но все с негодованием отвергли его просьбу. Чтобы остановить Юнкера, офицеры «принуждены были иногда подавать рапорты на него самого, не подписывали шнуровых книг, чтобы не марать себя в самом явном воровстве, и на возвратном пути стянули-таки его в ежовые рукавицы», — писал домой Алексей Иванович Бутаков. Обогнули мыс Горн и вскоре, 9 апреля 1842 года, увидели Рио-де-Жанейро. За 137 дней прошли 14 521 миль без захода на Гавайские острова или на остров Питкерн, прославившийся в связи с бунтом на английском судне «Баунти», а в нашей стране — благодаря одной назойливой рекламе. На места, где можно было отдохнуть, запастись свежей провизией, полюбовались лишь издали. Хорошо хоть водой запаслись на Камчатке. Она давно испортилась, приобрела какой-то синеватый цвет и отвратительный запах, пили с отвращением.

Три дня маневрировали на рейде Рио-де-Жанейро, не могли войти в бухту из-за шторма. Это отняло последние силы у тех, кто ещё мог передвигаться. Когда вошли в гавань, из последних сил убрали паруса. К счастью для моряков, в городе оказался на месте русский посланник Сергей Григорьевич Ломоносов. Тот, побывав на судне и увидев, в каком состоянии находились матросы и офицеры, пришёл в ужас. Он немедленно выдал в долг деньги для закупки провизии, выдачи четырёхмесячного содержания команде, нанял на берегу дом под лазарет. Ломоносов передал Алексею Ивановичу похвальный отзыв о нём Фёдора Петровича Литке, что, без сомнения, было очень приятно Бутакову. И вот здесь Бутаков и его товарищи совершили, по молодости лет и неопытности, большой промах. Офицеры написали официальную жалобу управляющему морским министерством, сообщив обо всех «художествах» капитана. Передали её Ломоносову, считая, что он отправит в Петербург по адресу. Но Сергей Григорьевич, осторожный дипломат, послал письмо моряков в Министерство иностранных дел со своим сопроводительным письмом. Жалоба попала в Морское министерство уже с сопроводительным письмом, подписанным министром иностранных дел, Карлом Васильевичем Нессельроде, который сам был в юности моряком, а потому с большим интересом прочитал жалобу моряков. Эта жалоба потом морякам вышла боком. В морском ведомстве считали самым последним делом, когда выносят сор из избы. Что значит выносить сор из избы — это делать достоянием гласности неприглядные вещи в чьём-то ведомстве, а значит, доставлять неприятности большому начальству.

Виноватыми сразу стали жалобщики, а не мерзавец, погубивший столько людей. Но тогда моряки пребывали в наивной уверенности своей правоты.

Семьдесят семь дней пробыл экипаж «Або» в Рио-де-Жанейро, пока не подлечили людей. На переходе в Рио-де-Жанейро от цинги умерли ещё пять человек. И всё-таки, несмотря на всё пережитое, молодёжь оставалась молодёжью. Если в Петропавловске, едва живые после безумного плавания, пытались ухаживать за местными красотками, закутанными в меха, то в Бразилии, где дамам жарко и одеваются они очень легко, и сам Бог велел. Как-то под вечер офицеры отправились «для обозрения окрестностей и на охоту к реке Макакао». А вот дальше история становится тёмной и запутанной. Почему-то вместо охоты оказались около одного трактира, где на пыльной площадке плясали босоногие негры. Из самых благородных соображений, чтобы, как было написано в объяснительной записке для Ломоносова, «оживить пляску, взяли несколько водки». Судя по всему, водки оказалось столько, что пляску негров сочли недостаточно оживлённой. Решили, чтобы исправить положение, заменить собой кавалеров чернокожих чаровниц. Дамы, возможно, и не возражали бы, но их спутники были настроены иначе и быстро вооружились дубинами и палками.

Началась грандиозная драка, сначала на улице. Но под натиском преобладающего в численности противника моряки стали отступать, и драка переместилась в трактир. Естественно, перебили всю посуду и переломали мебель. Прибывшая полиция под конвоем отвела в местную тюрьму всех, кроме мичмана барона

Фридерикса, тому досталось больше других. Негры отделили его так, что он не мог идти, и его под охраной двух конвойных на шлюпке отвезли в тюрьму, находившуюся в порту. Пришлось выручать офицеров из беды всё тому же посланнику Ломоносову. Он замял скандал, оплатив трактирщику все издержки. После этого посланник счёл, что моряки уже достаточно набрались в Бразилии впечатлений и вполне окрепли для продолжения своего плавания. 26 июня «Або» вышел в море. В живых оставалось две трети экипажа. Перед отплытием Юнкер объявил, что зимовать они будут в... Копенгагене. Видимо, у него сохранились от пребывания там тёплые воспоминания. Но Ломоносов, узнав от офицеров о намерениях капитана, категорически приказал ему следовать в Кронштадт. В Кронштадте уже знали обо всём из писем офицеров родным и друзьям. По городу ходили анекдоты, что Юнкер продал «Або» американцам вместе с командой и офицерами.

30 августа вошли в знакомый Портсмут. Снова заняли для ремонта и покупки продовольствия деньги у русского консула. После недолгого пребывания в английском порту вновь вышли в море. В Северном море попали в сильный шторм, получили повреждения, и для Юнкера появился прекрасный повод зайти в Копенгаген. Он проворно обошёл всех в городе, у кого можно было занять денег, и, ощутив при их виде второе дыхание, наплевал на запрет Ломоносова, решил никуда дальше не идти, а остаться зимовать у датчан. На счастье экипажа, в Копенгаген зашёл пароходо-фрегат «Камчатка», который перегонял из Америки капитан 1-го ранга Иван Иванович Шанц, назначенный его

командиром. Шанц когда-то служил вместе с Юнкером и знал того как облупленного. Капитан 1-го ранга, выслушав офицеров «Або», пригрозил Юнкеру, что сам отведёт транспорт в Кронштадт на буксире, если тот не покинет Копенгаген. Иван Иванович был из тех, кто своими словами не бросается, и бывший сослуживец с досадой подчинился.

«Або» пришёл в Кронштадт 13 октября 1842 года, пробыв в плавании под парусами 468 дней. Из 82 человек экипажа домой вернулись двадцать девять. Юнкер запретил офицерам в течение трёх дней сходиться с судна, а сам ринулся к высшему начальству. Он обвинил офицеров, и прежде всего Алексея Бутакова, во всех грехах, представив всё так, будто офицеры были в стоворе против своего капитана. Кому верят в подобных случаях, начальнику или подчинённым? Ответ на этот вопрос знает каждый. Без сомнения, начальник главного морского штаба адмирал Александр Сергеевич Меншиков, человек умный, понял, что ошибся, назначив Юнкера командиром, но не хотел каяться перед царём в своём промахе. Он дал понять главному командиру Кронштадтского порта адмиралу Фаддею Фаддеевичу Беллинсгаузену, что нужно как можно поскорее замять эту историю. Офицеров принялись по одному вызывать «на ковёр» к начальнику. Беллинсгаузен, выслушивая каждого, сочувственно кивал головой, возмущался, а потом... настаивал подписать шнуrowые книги, представленные Юнкером. Офицеры при всём уважении к заслуженному адмиралу категорически отказались это сделать, словом, оказались непонятливыми, чем вызвали гнев уже Беллинсгаузена. Как не хотелось Меншикову объясняться с царём, так не хотелось и адмиралу бес-

помощно разводить руками перед начальником Главного морского штаба. Окончилось всё тем, что Меншиков приказал принять шнуровые книги без подписей офицеров и никаких претензий по записям в них не предъявлять. Все долги Юнкера оплатили из сметы морского министерства.

Мне это напоминает времена моей службы. На службе принципиальность ценится не всегда. Иногда начальство хочет, чтобы подчинённые были «гибче» и «понятливей». Но при этом, если что случится, без зазрения совести свалит всё на них же. Любой морской офицер, в том числе и автор, могли бы привести по этому поводу массу примеров. Стоит ли удивляться, что офицерам транспорта «Або» долго не забывали отказ в адмиральской просьбе. Им выдали деньги за дальний вояж, но лишили наград. Алексей Бутаков в письме к Григорию констатировал: «Капитан наш оказался подлецом в высшей степени, который ухнул тысяч 50 или 60 казённых денег, переморил 20 человек команды из 60, и бесчестил собой русский мундир во всех частях света». Тем не менее тому всё сошло с рук. Юнкера тоже лишили награды, но все же оставили командовать транспортом, а всех офицеров распределили по разным судам, Фридерикса отправили на Каспийское море, что было равносильно ссылке.

Три года Бутаков провёл на кораблях, которые плавали в Финском заливе либо стояли на рейде, а в основном находился в Кронштадте. Ни о каком повышении не шло и речи. Единственный раз ему удалось проявить свои организаторские способности, когда выполнял задание артиллерийского департамента военного министерства

по перевозке пороха на гражданском судне с Охтинских пороховых заводов в Ригу.

Долгие зимние кронштадтские вечера Алексей Иванович использовал для написания «Записок русского морского офицера во время путешествия вокруг света в 1840, 1841 и 1842 годах». Они были опубликованы в журнале «Отечественные записки». У Алексея Ивановича, без сомнения, был литературный дар. Во всяком случае, эти записки выглядят ничуть не хуже путевых заметок Ивана Александровича Гончарова. Спустя десять лет вышел двухтомник воспоминаний другого участника того трагического плавания, бывшего тогда штурманским кондуктором Густава Блока, о плавании на «Або». Но бесполезно искать в опубликованных работах Бутакова и Блока то, о чём я рассказал. Никакая цензура подобного не пропустила бы. Всё оказалось на столетие с лишним надёжно упрятано в архивных документах. В 1847 году Бутакова наконец-то назначили командиром судна. Это была шхуна с жизнерадостным названием «Радуга». Младший брат, Григорий, к тому времени уже год как командовал тендером, обогнав по службе старшего брата. Вот так справедливая жалоба, правда, слово несколько унижительное, оказала роковое воздействие на судьбу Алексея Ивановича. Быть командиром даже маленького судна совсем иное дело, чем исполнять должность старшего офицера, пусть и на большом корабле. Командир — это иное качество для моряка. Оно означает прежде всего самостоятельность в принятии решений.

Лето прошло в плаваниях по Финскому и Ботническому заливам, шхуна выполняла различные поручения

главного командира Кронштадтского порта. Понятное дело, Алексей Иванович не считал свою должность командира шхуны венцом карьеры. Военному человеку строить какие-то личные планы на свою служебную жизнь можно и даже нужно, но при этом всегда следует помнить: намерения начальства могут с ними совершенно не совпадать. В конце года командира «Радуги» вызвали в инспекторский департамент Морского министерства и вручили предписание следовать в Оренбург в распоряжение военного губернатора для составления карты Аральского моря. Вот уж, действительно, сюрприз так сюрприз. Изумлённому лейтенанту пояснили, что его отправляют для выполнения важнейшей государственной задачи — составления карты Аральского моря. Но с чего это вдруг выявилась такая срочная необходимость заниматься описью Арала? А вот с чего — в середине девятнадцатого века Российское государство, которое всю историю своего существования постоянно вело войны, усердно занимаясь расширением собственной территории, обратило внимание на Среднюю Азию. В отличие от Англии, Франции и других стран, водружавших свои флаги за тридевять земель, Россия присоединяла к себе непосредственных соседей. Цели у российских правителей были далеко идущие. Не зря Афанасий Никитин прогулялся до Индийского океана и обратно. Впрочем, даже в наше время находятся мечтатели, правда, больше смахивающие на городских сумасшедших, которые испытывают потребность вымыть сапоги в водах Индийского океана.

Не забывали в России и о Черноморских проливах, которые, по мнению российских правителей, непонятно

почему достались туркам. Не раз пытались устранить это недоразумение, но безуспешно. При этом русское правительство поступило очень дальновидно, без сожалений расставшись с заморской Аляской и отмахнувшись от бредней Миклухо-Маклая, предлагавшего захватить Новую Гвинею и другие острова. Зато теперь каждый, полистав любой учебник истории, может убедиться в мудрости русских царей: рухнули все империи, а Российская, благодаря единству территории, продолжает ещё существовать, хотя и с большими потерями. Впрочем, благодаря усилиям тех, кто разрушил собственную промышленность, армию и флот и усиленно торгует природными ресурсами, — сколько будет длиться это существование, сказать трудно.

Активное наступление на Среднюю Азию началось зимой 1839 года с похода командира Отдельного Оренбургского корпуса генерал-лейтенанта Василия Алексеевича Перовского. Русские войска из-за жестоких морозов в степи при сильном ледяном ветре потеряли массу людей и животных. Поход окончился неудачей даже без боевого столкновения. Завоевать Хиву, как рассчитывал генерал, не удалось. Вернулись несолоно хлебавши. Но царю уже успели наобещать много, поэтому замысел не оставили, а отложили на некоторое время. Перовский пришёл к выводу, что для завоевания Средней Азии необходимо использовать Аральское море и обе впадающие в него большие реки, Амударью и Сырдарью. На имевшихся тогда картах Аральское море изображалось только со слов неграмотных кочевников. Понятно, что пользоваться ими было бесполезно. Требовалась проведение квалифицированных гидрографических работ.

В 1846 году Василий Алексеевич, во время отсутствия адмирала Меншикова, временно исправлял должность начальника Главного морского штаба. В этой должности он лично разбирался с новыми подвигами нашего старого знакомого Юнкера. Тому поручили доставить бронзовых коней, подарок Николая I прусскому королю. Как командир транспорта не пропил царский подарок — тайна, покрытая мраком, но зато он назанимал за границей у доверчивых официальных лиц столько денег, что, когда пришла пора их отдавать, начался международный скандал. По приказанию Перовского подняли все его старые дела, в том числе и по итогам плавания «Або» на Камчатку, опросили бывших подчинённых командира транспорта. Вот тогда-то Перовский впервые познакомился с Бутаковым. Моряк ему понравился. После возвращения Меншикова, Перовский рекомендовал Бутакова начальнику Главного морского штаба на должность командира судна. Благодаря его рекомендации Бутаков и был назначен командиром шхуны. Князь провалами в памяти не страдал, но последние гастроли Юнкера послужили доказательством правоты офицеров транспорта «Або», писавших о недостойном поведении их командира. Когда возникла необходимость отправить для описи Аральского моря опытного инициативного моряка, Василий Алексеевич, занимавший в ту пору должность члена Государственного совета, а с 1847 года ещё и члена Адмиралтейств-совета, посоветовал послать на Арал Алексея Ивановича Бутакова. Замолвил слово за Бутакова и его однокашник, адъютант начальника Главного морского штаба Николай Карлович Краббе, который принимал участие в Хивинском походе Перов-

ского. Позже Краббе ещё раз побывал в Средней Азии и организовал постройку баркасов для плавания по Аральскому морю. Но местным офицерам он больше запомнился успехами у оренбургских дам, которых покорял мгновенно.

Перед отъездом Алексея Ивановича проинструктировал Беллинстаузен и вручил в конце беседы инструкции различных ведомств, в том числе и Академии наук. Все начальники подчёркивали важность и ответственность поручения. У нас это классически умеют делать, посылая человека к чёрту на рога. Генерал Владимир Афанасьевич Обручев, позже сменивший Перовского, занял северо-восточное побережье Аральского моря и основал укрепление Раим. И тогда же в Раим доставили построенную в Оренбурге военную шхуну «Николай». Алексею Ивановичу Бутакову предстояло построить вторую шхуну, перевезти её на Арал, а затем на двух судах приступить к исследованиям. Часть небольшой по численности команды обещали прислать из Астрахани, а остальных предложили набрать из солдат местного гарнизона. Сдав «Радугу» новому командиру, Алексей Бутаков направился в Оренбург. Его ближайшим помощником назначили прапорщика корпуса флотских штурманов Ксенофонта Пospelова, опытного моряка и толкового штурмана. В столице степного края Бутаков обнаружил вполне достойное общество, значительную часть которого составляли офицеры, отправленные туда «для исправления», и ссыльные.

Среди солдат было много разжалованных офицеров, сосланных поляков, а также тогдашних диссидентов, участников различных нелегальных кружков. Военный

губернатор встретил офицера приветливо, ещё раз объяснил, какая у моряка задача, и пообещал всяческое содействие. Впоследствии Бутаков не раз убеждался, что в глубинке и на окраинах отечества начальство гораздо проще и доброжелательнее, чем в столице. Поскольку появление русских военных большого восторга у коренных обитателей Средней Азии не вызывало, Алексея Ивановича предупредили, чтобы он был настороже. Вооружённые отряды кокандцев и хивинцев не раз вырезали малочисленные русские гарнизоны. К тому же в степях бродило немало разбойничьих шаек, занимавшихся угоном скота. Этой публике было безразлично, кому перерезать горло, барану или человеку. Нападали они, как правило, по ночам. Бутаков принял информацию к сведению, но его больше волновало в тот момент строительство судна. Шхуну называли «Константин» в честь брата царя. Когда её строительство завершили, судно снова разобрали на части, чтобы подготовить его для перевозки. Требовалось доставить шхуну из Оренбурга в Раим. Это оказалось не легче её постройки.

Маршрут проложили с заходом в Орскую крепость, место унылое, безотрадное. Таких мест в России предвечное множество. Служили в Орске либо самые невезучие, либо те, кого отправили туда в наказание и для кого даже родина пуховых платков, Оренбург, был столицей. Вот как описывал окружающий пейзаж сосланный туда Тарас Григорьевич Шевченко: «Редко можно встретить подобную бесхарактерную местность. Плоско и плоско. Местоположение грустное, однообразное, тощие речки Урал и Орь, обнаженные серые горы и бесконечная Киргизская степь»... Отправили его

туда служить солдатом. Но чувства великой гордости за то, что ему доверили в наказание за антиправительственную деятельность защищать родину на дальних рубежах, поэт и живописец не испытывал: «Все прежние мои страдания, — сообщал он в одном из писем, — в сравнении с настоящими были детские слезы. Горько, невыносимо горько». Вот тут-то и подвалило счастье ссыльному поэту и живописцу в виде появления Алексея Ивановича Бутакова. Такая же радость была и у моряка, но вовсе не потому, что он был поклонник виршей Кобзаря. Хотя, как человек, возвращавшийся в литературных кругах, он вполне мог слышать о поэте.

Главное заключалось совсем в другом. Алексей Иванович ещё в Оренбурге искал сообразительного человека, способного делать точные зарисовки местности, необходимые для морской съёмки берегов. Ему сообщили: есть такой человек, да к тому же ещё и настоящий живописец, окончивший Академию художеств, поэт Тарас Григорьевич Шевченко. Однако его сослали, запретив рисовать и писать. Бутаков обратился за помощью к военному губернатору, и тот взял на себя ответственность, разрешив Шевченко «срисовывать виды Аральского побережья и местных народных типов».

Следует заметить, что поставленный когда-то в советское время фильм «Тарас Шевченко» с Сергеем Бондарчуком в главной роли не имел ничего общего с реальной жизнью поэта. Если с чем и сравнивать его пребывание в армии, то, пожалуй, только с военкоматовскими сборами на переподготовку «партизан», как их шуточно называли, людей, давно отслуживших действительную военную службу. Да и такие сборы показались бы Шев-

ченко кошмаром после того, как он разгуливал, будучи солдатом, в гражданском платье, жил на частной квартире, а не в казарме, и пил водку с офицерами. Достаточно посмотреть на рисунок «Тарас Шевченко среди товарищей. 1850 г.». На рисунке уж точно изображены не солдаты и матросы, а офицеры. Вот слова приятеля Шевченко, чиновника Оренбургской пограничной комиссии Фёдора Матвеевича Лазаревского: «Доктор по профессии, М.С. Александрийский, бросив медицину, перешел на службу в Пограничную комиссию; всегда спокойный и сдержанный, он был любим и уважаем всеми обитателями Орского укрепления. Женатый на дочери богатого купца, Александрийский всегда жил открыто, и наш Кобзарь был принят у него в доме не как солдат, а как самый близкий знакомый, наравне с другими гостями. Там он, без сомнения, встречался и с батальонным, и с другими гарнизонными офицерами как гость хозяина, а не как рядовой, 191-й номер по списку... он почти никогда не носил солдатской шинели. Летом он ходил в парусиновой паре, а зимой в черном сюртуке и драповом пальто». Что касается общих условий жизни, конечно, они были крайне тяжёлыми, однако их без ропота переносили казаки, солдаты, офицеры и их жёны, не участвовавшие ни в каких нелегальных националистических организациях и ни в чём не виноватые перед Российским государством.

Просьбу Бутакова часто подают как необычайно мужественный поступок, дескать, царь лично запретил Шевченко писать и рисовать, а моряк наплевал на это запрещение. При этом забывают добавить, что в запрещении речь шла только о «пасквилях», которые

запретил писать царь, к тому же Алексей Иванович получил «добро» от военного губернатора и посему ничем не рисковал. Да и мало ли что там, в столице, наприказывают, пусть даже и сам царь. Посидел бы в оренбургских степях, да в Приаралье, может, тоже махнул рукой на подобные приказы. Местное начальство так и поступило. Бутаков, по крайней мере, просил разрешения использовать способности рядового Шевченко для пользы отечеству. И если уж это считать мужеством, то как же оценить «отвагу», проявленную женой генерала Обручева, Матильдой Петровной, чей портрет по её просьбе написал Тарас Григорьевич? Ей перед царём даже оправдываться было бы нечем.

Для доставки судна в Раим потребовались сотни телег, тысячи верблюдов и лошадей. Везти предстояло не только разобранную на составные части шхуну, её оборудование, две пушки, боеприпасы, но и запас продовольствия, и ещё много чего необходимого для службы в крае, где не пойдёшь в соседний магазин и не купишь то, что нужно.

Вели с собой и скот для убоя. Специально выделенный наряд собирал в мешки высохший на солнце лошадиный и верблюжий навоз. В степи это единственно доступное топливо. Запах горящего навоза не прибавлял аппетита, но в конце путешествия к нему притерпелись, и уже не обращали внимания. Белая летняя форма офицеров и солдат быстро изменила цвет и стала серой. Воды хватало только, чтобы приготовить пищу и напоить скот. Пыли наглотались, как шахтёры. В сутки продвигались примерно по 25 вёрст. Каждый лагерь располагали с учётом возможного нападения неприятеля. Но это была

не единственная неприятность: ещё больше опасались укусов ядовитых пауков и змей, прежде всего каракуртов, особенно активных летом, в период размножения. Каждый суточный переход требовал тщательной подготовки, проведения разведки, словом, скучать никому не приходилось.

В конце мая огромный обоз добрался наконец-то до Раимского укрепления. Убедившись, что никого и ничего в степи не потеряли, Бутаков распорядился приступить к сборке шхуны, которой руководил лично. В Раимском укреплении к экспедиции прикомандировали штабс-капитана Алексея Ивановича Макшеева. Ему предстояло описать берега Аральского моря. Кстати, ещё раз о трудной службе поэта Шевченко: Макшеев пригласил Тараса Григорьевича ехать с ним вместе в одной повозке, и тот не шёл, как остальные солдаты, с ружьём на плече. Поэта и художника офицеры оберегали как могли. Вот как об этом вспоминал сам Макшеев: «На первом переходе я познакомился с Т.Г. Шевченко, который, служа рядовым в Оренбургском линейном № 5 батальоне, был командирован, по просьбе лейтенанта Бутакова, в описную экспедицию Аральского моря, для снятия береговых видов. Я предложил несчастному художнику и поэту пристанище, на время похода, в своей джуламейке, и он принял мое предложение. Весь поход Шевченко сделал пешком, отдельно от роты, в штатском плохеньком пальто, так как в степи ни от кого, и от него в особенности, не требовалось соблюдения формы. Он был весел и, по-видимому, очень доволен раздольем степи и переменею своего положения. Походная обстановка его нисколько не тяготила; но, когда, после продолжи-

тельного похода, мы приходили в укрепление, где имели возможность заменять сухари и воду свежим хлебом и хорошим квасом, Тарас Григорьевич шутовски обращался к моему человеку с словами: “Дай, братец, квасу со льдом, ты знаешь, что я не так воспитан, чтобы пить голую воду”».

В разгар лета, в июле, сборку «Константина» завершили. Началась работа, ради которой затратили столько усилий. Как происходила сборка судна, упомянул в записках Макшеев: «После обеда я часто отправлялся на пристань, где Бутаков со своими матросами деятельно собирал шхуну “Константин”. Сделав поход от Каспия до Арала, матросы работали с раннего утра до позднего вечера, несмотря ни на палящий зной, ни на мириады комаров. Только купанье днем и полога ночью спасали их несколько от этих невзгод». 20 июля шхуну спустили на воду. Дадим вновь слово Макшееву: «24 июля были получены печальные известия из Оренбурга. В городе свирепствовала опустошительная холера, похитившая в течение десяти дней более четверти всего народонаселения, то есть 3000 человек из 11 000 умерли. Все письма были наполнены длинными списками умерших. Перечитывание списков производило на всех тяжелое впечатление; но вскоре оно уступило место иным чувствам и мыслям. На другой день мы прерывали всякую связь не только с Оренбургом, но и с Раимом, и отправлялись в не изведенное еще никем море, где бог весть, что еще нас ожидало».

Погрузив на шхуну всё необходимое, отправились в первое плавание. На шхуне находилось двадцать семь человек, из них четыре офицера. В тесной офицерской

каюте разместились семеро: Алексей Иванович Бутаков, Макшеев, штурман Пospelов, топограф Акишев, фельдшер Истомин и два рядовых, Шевченко и Томаш Вернер, так же, как и Шевченко, отправленный служить солдатом за участие в польском революционном движении. Алексей Иванович мог бы оставить в каюте только Макшеева, а остальных отправить к команде, а он решил жить в ней не только младшим офицерам, но и двум ссыльным солдатам. Теснота была не единственной неприятностью на шхуне. Из воспоминаний Макшеева (Алексей Иванович о таких вещах не писал, он видел и не такое во время плавания на «Або»): «Мы терпели большой недостаток в пище и даже иногда в воде. ... Не могли запастись ничем и должны были довольствоваться тою, почти совершенно испортившеюся провизиею, которая была приготовлена в Оренбурге задолго до экспедиции, хранилась, вероятно, в сыром месте и потом провезена во время сильной жары более тысячи верст. Черные сухари обратились в зеленые от плесени, в солонине завелись черви, а масло было так солоно, что с ним невозможно было есть каши, только горох, конечно, без всякой приправы, не изменял нам, но его давали всего два раза в неделю, по средам и по пятницам. Бутаков вывешивал иногда на ванту кусок солонины и, когда били рынду, закусывал им, предварительно сняв с него ножом белый слой червей и посыпав перцем тех, которые уже забрались в поры мяса; но, мне кажется, он это делал не ради гастрономической причуды или даже голода, а единственно для ободрения команды... Убогая наша трапеза принимала праздничный вид, когда кому-нибудь удавалось застрелить на берегу птицу-другую

или выудить около шхуны несколько маленьких рыбок вроде сельдей, но это случалось редко и только раздражало наш аппетит».

Вода была такая же отвратительная, как и пища. Несмотря на то, что по приказу Бутакова ежедневно стирали бельё и меняли два раза в день, всех участников экспедиции заедали вши. На шхуне имелись только две шлюпки, обе маленькие. Одну привезли из Оренбурга, и она от жары растрескалась так, что, как не пытались залить щели варом, она очень быстро набирала воду. Вторую даже нельзя было назвать шлюпкой — это было произведение искусства местных туземных корабелов. Когда в неё садились, каждый думал, что не вернётся из поездки. Макшеев, человек сухопутный, описывал эти поездки с ужасом: «Помню я две-три поездки, когда волны перекидывались уже за борты шлюпки или будары и когда все бледные как смерть молча гребли или отливали шапками воду; но море нас щадило, мы возвращались благополучно и при первом случае снова вверялись непостоянной стихии». Плавание длилось до 23 сентября. За это время удалось провести рекогносцировку Арала, определить широты многих точек, измерить глубины в различных направлениях и значительные по площади, обнаружить острова, о которых, как писали советские историки, не знали даже местные рыбаки.

Но, наверно, всё-таки это преувеличение. Бутаков назвал острова Царскими. Моряки выполнили съёмку самого большого острова на Аральском море, Барсакельмес. В переводе на русский язык это название означает «Кто пойдёт, не вернётся». Весёленькое местечко, ничего не скажешь. Там во время сильного ветра в глаза

попадали не только пыль и песок, но и природная соль, а ветры на острове дули постоянно. Шевченко сделал наброски островного пейзажа. Мы должны быть благодарны Тарасу Григорьевичу за прекрасные пейзажи, написанные им во время того плавания. Они позволяют увидеть и шхуны, и некоторые примечательные места на Аральском море. По зарисовкам художника, конечно, трудно представить себе опасную, полную лишений, жизнь в экспедиции. Жаль, не сохранились портреты его товарищей в странствиях по Аральскому морю. Ситуации бывали иногда критическими. В начале августа Бутаков оставил Макшеева и восемь матросов для исследования острова Барсакельмес, а сам на шхуне отправился к полуострову Куланды продолжать поиски залежей каменного угля. Начался шторм, который длился трое суток. У оставшихся на острове людей продовольствие было на исходе, шхуна не появлялась, и матросы стали уже говорить, что она погибла. Перспектива напрашивалась ужасная. К счастью, шхуна уцелела. Из записок Макшеева: «...Когда мы свиделись с Бутаковым, он встретил меня словами: “Я вытерпел около Куланды сильнейший шторм и крепко боялся, но больше за вас, чем за себя. Если бы шхуну разбило, я бы собрал из обломков лодку и достиг бы Сырдарьи, а вы все умерли бы с голоду”. Бутаков сообщил мне также, что он отыскал на Куланды, на глубине 6-ти футов, пласт каменного угля, толщиной в один фут».

Якорные стоянки у берегов были плохие. Бедный Макшеев набрался морских впечатлений на всю оставшуюся жизнь: «Во время плавания вдоль Усть-Урта мы пытались выйти на берег три раза. В первый раз попытка

наша была неудачна. 19 августа вечером шхуна стала на якорь, казалось, весьма на близком расстоянии от берега. В числе десяти человек мы сели на шлюпку с намерением осмотреть *чинк*, или край Усть-Урта, и взобраться на него; но, против ожидания, мы плыли около часа, а берег казался все в том же расстоянии от нас. Наконец, когда мы приблизились к нему настолько, что могли отличить мелкие береговые предметы, то, к крайнему огорчению, увидели, что утесы совершенно отвесно упираются в море, и около них бушует бурун. Убедясь в невозможности не только взобраться на высоты Усть-Урта, но даже пристать к берегу, мы должны были вернуться назад. Между тем дырявая шлюпка уже успела наполниться водою, ветер стал свежеть и море разыгрываться, а шхуна виднелась едва заметною точкою на горизонте. Бутаков посадил на каждое весло по два матроса, всем сидевшим в шлюпке приказал выливать из нее шапками воду, а сам, управляя рулем, рассказывал, для придания бодрости команде, забавные анекдоты. В это время было, однако, не до анекдотов; не обращая на них внимания, все предалось работе. Гребцы напрягали крайние усилия, от которых могли сломаться весла, и тогда не было бы никакого шанса на спасение, потому что запасных весел мы не имели. Прочие лица, сидевшие в шлюпке, безостановочно выгребали из нее воду, но волны, перекидываясь через борт, снова подбавляли нам ее.

Одна волна так сильно ударила в спину сидевшего на носу, что тот свалился в шлюпку. И ни одной улыбки, ни одного слова по этому поводу, все молча продолжали работу. Когда шлюпка приближалась к шхуне, Бутаков закричал: “Спасательные машины!” Нам были брошены

на веревках пустые бочки, но мы ими не воспользовались и собственными усилиями добрались до шхуны».

Во время описных работ моряки много раз встречались с местными жителями. Не все встречи были дружескими. Приходилось постоянно быть бдительными, чтобы не оказаться по дороге в Хиву с арканом на шее и в качестве раба. Русских рабов в Хиве имелось немало.

Записки полного тэзки Бутакова, Алексея Ивановича Макшеева, были опубликованы в 1896 году, уже после его смерти. Возможно, поэтому мы встречаем в них фамилию Кобзаря. Бутаков в своих печатных трудах нигде не упомянул Тараса Григорьевича Шевченко, в отличие от других помощников: «Считаю приятнейшим долгом воздать печатно-полную справедливость г. Поспелову, за добросовестную и прекрасно выполненную опись восточного берега; г.г. Рыбину и Христофорову, топографам на шхунах “Константин” и “Николай”; фельдшеру Истомину, который, кроме своих медицинских обязанностей, был моим подштурманом и замечал, по хронометру, мои наблюдения, и унтер-офицеру Вернеру, также исправлявшему должность подштурмана и бывшему моим геологом и ботаником...» Как можно было забыть о человеке, выполнившим столь важную часть работы, с которым жил в одной каюте? Мне представляется, что, с одной стороны, Бутаков поосторожничал, чтобы не писать о ссыльном, а с другой, возможно, это связано с неприятностями, о которых расскажу ниже. Тем не менее будем считать, что к поэту, вполне справедливо и в полной мере, относятся тёплые слова, которые Алексей Бутаков нашёл для всех своих рядовых подчинённых: «Благодаря Богу, все удалось нам как нельзя

лучше, при неумолимом, исполненном самоотвержения, усердии всех наших сподвижников.

Невзирая на риски, нередко дерзкие, неизбежные при описной экспедиции на водах бурливых и вовсе не известных, невзирая на все лишения, удары о мели и подводные камни, мы возвратились от трудов наших в целости и с полными комплектами здоровых команд. Вообще говоря, для подобных экспедиций никто не может сравниться с русским человеком, он сметлив, расторопен, послушен, терпелив и любит приключения — мудрено обескуражить его, он смеется над лишениями, и опасности имеют в глазах его особенную прелесть. Команды моих судов состояли из матросов пополам с пехотными солдатами: последние очень скоро привыкли к новому для них делу, и двое из них выучили даже компас и сделались рулевыми».

Претерпели они, действительно, немало: штормы, болезни, мучения от комаров, тучи которых постоянно вились и на берегу, и на шхуне. Начались сильные осенние штормы, поэтому 6 октября Бутаков завершил кампанию и решил остаться зимовать на небольшом острове Кос-Арал близ устья Сырдарьи. Там находился русский форт, обеспечивавший охрану артели русских рыбаков, организованную купцами из Оренбурга. Они поставляли рыбу с Аральского моря в Оренбург для войск и населения. Штабс-капитан Макшеев распрощался со своими товарищами и отправился в Оренбург, везя с собой результаты береговых съёмок. Впоследствии это уберегло его от неприятностей, связанных с Шевченко. Зиму Бутаков использовал для обработки полученных результатов. У Тараса Григорьевича, не обременённого

служебными обязанностями, получилась настоящая «болдинская» зима у моря на краю пустыни.

Он целиком посвятил себя творчеству, создав свыше трёхсот акварелей и сепий. Бутаков разрешил ему для творчества пользоваться материалами, привезёнными из Петербурга для нужд экспедиции. Помимо картин, Тарас Григорьевич написал большое количество поэм и стихотворений. Стихотворение, описывающее быт экспедиции, начинается так:

Мы долго в море пропадали.
Пришли в Дарью, на якорь встали.
С Ватаги письма принесли,
И все тихонько их читали...

Не знаю, кому как, а мне оно показалось очень похожим на лермонтовские строчки:

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики...

Впрочем, я совершенно не разбираюсь в поэзии, а потому не беру на себя смелость судить, шедевр или нет, стихотворение Тараса Григорьевича. Алексей Иванович Бутаков, как уже упоминалось, почувствовал тягу к естественным наукам ещё во время плавания на «Або». Он писал, что когда они находились на Никобарских островах, ему горько было убедиться в своём невежестве в области растительного и животного миров. Перед назначением на Аральское море Бутаков прочитал

массу литературы по естествознанию, истории и геологии. Во время плавания по его заданию подчинённые собирали образцы по этим областям наук и в результате получились довольно приличные коллекции. Между Оренбургом и Кос-Аралом существовала почтовая связь, разумеется, очень редкая и нерегулярная, но и такая была достижением. Алексей Иванович отправил по ней сведения о своей работе не только начальству, но и в Русское географическое общество.

В начале весны почта доставила радостные для Бутакова сообщения: о присвоении ему звания капитан-лейтенанта и о том, что на основании его исследований в январе его избрали действительным членом Русского географического общества. Бутаковы были дружной семьёй, переписка между родными никогда не прекращалась, только письма шли долго. Интересно, что занятия братьев Алексея и Григория совпали, только один описывал берега Чёрного моря и был на виду у начальства, чего не скажешь о втором, занятом описью Аральского моря. 5 мая 1849 года, после тщательной подготовки, Алексей Иванович Бутаков продолжил исследования на Арале. Аральское море было беспокойным, частые ветры вызывали сильное волнение.

Обе шхуны, построенные непрофессиональными строителями, оказались плохо управляемыми, и плавать на них было довольно рискованно. Алексей Иванович не знал, что в том же году его однокашник Геннадий Иванович Невельской возглавил экспедицию на Дальний Восток и Амур. Описные работы на Чёрном море, на берегах Восточной Сибири и в устье Амура проводились по заданию и под контролем высших морских

начальников, поэтому исполнителей знали в Петербурге, что способствовало их продвижению по службе и наградам. Алексей Бутаков находился в подчинении военного министерства, и то, чем он занимался, особенного внимания великого князя Константина или начальника главного морского штаба Меншикова не привлекало.

Это обстоятельство в какой-то степени стало для него роковым. Так сложилось, что в военном министерстве считали его прикомандированным, а потому полагали, что заботиться о нём должны морские начальники, а в Морском министерстве о нём и не вспоминали, уверенные, что им занимается армейское командование. Между тем служба Алексея была уж точно не легче, чем у брата Григория на Чёрном море. Об условиях плавания на Аральском море можно судить даже по короткой строчке в записках Бутакова о своём коллеге Поспелове: «18 мая он бедствовал так же, как я: у него также рвались канаты, и он, как и я, был на краю гибели». Помимо естественного риска мореплавания на ненадёжных судах в неисследованном море, экспедицию подстерегала и другая опасность: в любой момент можно было ожидать нападения как хивинских войск, так и бандитов. Вот упоминание об этом начальника экспедиции: «...Чтоб не возбудить подозрений хивинцев, я отправил ночью гг. прапорщиков Поспелова и Акишева на шлюпке, чтобы промерить далее к югу, дав им глухой фонарь, компас, достаточное количество огнестрельного и белого оружия, и приказав обвертеть вальки весел, чтоб не было слышно гребли. Сам же я остался на судне, приведя его в совершенную готовность отразить всякое нападение...»

Как командир, Бутаков поступил совершенно верно, но, чтобы не сложилось впечатление, будто самые рискованные дела он поручал подчинённым, приведём ещё одну цитату из записок Алексея Ивановича: «Ночью, приготовив шлюпку со всеми предосторожностями тайны и военными, и выбрав гребцов, умевших хорошо плавать, я взял с собою прап. Акишева (оба мы также умели плавать), и мы потихоньку направились к берегу. Приблизясь настолько, что шлюпка не могла дальше идти, мы с прап. Акишевым разделись и таким образом с футштоком перешли поперек через все устья, готовые пуститься вплавь, если б глубина которого-нибудь из них оказалась слишком велика... Глубоких устьев, однако мы не нашли, хотя в одном из них, имевшем 3 ф., быстрина была так сильна, что сбивала нас с ног... Мы возвратились из этой поездки за час до рассвета, не замеченные никем...» Очень важным открытием оказалось обнаружение залежей каменного угля. Это позволяло использовать на Арале и реках пароходы. Раньше предполагали, что топливом для них может служить только саксаул — кустарники или небольшие деревья, произрастающие в пустыне. Саксаул рубить намучаешься, дерево очень прочное.

Помимо главных задач, по просьбе министра внутренних дел Льва Алексеевича Перовского, увлекавшегося археологией, экспедиция провела археологическое обследование вновь открытых островов. Перовский предполагал, что в районе Аральского моря могли сохраниться следы древних цивилизаций. Однако, к большому разочарованию высокопоставленного любителя-археолога, ничего стоящего не нашли.

К концу августа все намеченные исследования завершили. Дальше предстояло подготовить окончательный отчёт, но это требовалось сделать в более цивилизованных условиях в Оренбурге. Осенью 1849 года, погрузив на лошадей и верблюдов собранные материалы исследований, Бутаков с караваном направился в Оренбург, куда прибыл 31 октября. С собой он забрал самых нужных ему помощников: Пospelова, топографов, унтер-офицера Томаша Вернера, Шевченко и денщика. Когда в Петербурге в обоих министерствах получили обстоятельный отчёт с картами и описаниями для лоции, то о Бутакове наконец-то вспомнили. В гидрографическом департаменте высоко оценили его труд, о чём доложили Меншикову. Прислал ходатайство о награждении офицера и генерал Обручев. Алексею Ивановичу дали орден Святого Владимира 4-й степени и назначили пенсию 157 рублей в год. Не бог весть, какие деньги, но все же приятно. Наградили деньгами и всех остальных участников экспедиции на Аральском море.

О своих открытиях Бутаков сообщил в Берлинское гидрографическое общество. Оттуда ответили, что его избрали почётным членом общества. Алексей Иванович вступил в переписку по поводу своих исследований со многими русскими и иностранными учёными, в частности с Александром Гумбольдтом, знаменитым немецким географом и путешественником. В общем, по принципу: если я не скажу о себе, то кто же скажет обо мне? Гумбольдт в 1829 году побывал в Орске и Оренбурге, поэтому хорошо представлял условия, в которых Бутаков занимался своими исследованиями и по достоинству оценил его труды. У Александра Гумбольдта были прекрасные

отношения с прусским королём Фридрихом Вильгельмом IV. Поэтому для него не составило труда убедить короля наградить прусским орденом Красного Орла 3-й степени русского военного моряка за составление карты Аральского моря. Захотел вот человек доставить радость коллеге, и правильно сделал. Николай I разрешил принять эту награду. Где Пруссия, а где Аральское море? Но в те времена награждали и вообще, ни за что, прибыл в другое государство с визитом дружбы — получи орден. Да что там девятнадцатый век! Помнится, как в более близкие времена Хрущёв вручил звезду Героя Советского Союза президенту Египта Насеру просто так, за здорово живёшь. Украшали орденами других стран и наших генсеков, космонавтов. А если посмотреть на нынешних высокопоставленных чиновников, то орденов у них не меньше, чем у маршалов советского времени.

Наверно, прусский орден грел честолюбие Бутакова. Ему хотелось международного признания своих заслуг, так оно и получилось. Другое дело, что наши историки любят изображать, будто зарубежные географические общества вдруг сами, без его инициативы, заинтересовались деятельностью моряка на Аральском море. Мне кажется, что правда несколько не умаляет значения совершённого Алексеем Ивановичем, поэтому зачем приукрашивать? Точно так же его инициатива присутствовала и в переписке с Чарлзом Дарвином, который использовал в своём труде сообщение Бутакова о сайгаках, обнаруженных экспедицией на аральских островах. Эти сайгаки никогда не видели людей и были совершенно непугаными, за что, бедняги, жестоко поплатились. «Мясо сайгаков вкусное», — с удовольствием отме-

тил в записках Алексей Бутаков. Всё складывалось как нельзя лучше. Однако в Оренбурге произошло событие, последствия которого печально отозвались и на Шевченко, и на людях, хорошо к нему относившихся, в том числе и на Бутакове. Дело в том, что Тарас Григорьевич подружился со штабс-капитаном Карлом Герном и его женой Софьей, очень красивой женщиной.

Вообще, когда читаешь воспоминания современников, то невольно отмечаешь, как много собралось тогда в Оренбурге красивых женщин. Или в степи все становятся красивыми? Герны предоставили поэту квартиру в своём доме, ввели в оренбургское общество. Шевченко написал портрет Софьи Николаевны. Казалось бы, живи и радуйся. Но, как давно сказано, ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным. Не осталось оно безнаказанным и для Гернов. На свою беду, Софья Николаевна увлеклась двадцатилетним прапорщиком Николаем Исаевым. Шевченко решил, что именно он обязан открыть глаза мужу на безнравственность супруги. Один из близких друзей поэта уговаривал не делать этого, не лезть в чужую жизнь, но Тарас Григорьевич не послушал доброго совета. Возможно, ему самому нравилась Софья Николаевна, которую он видел каждый день, а та предпочла молоденького прапорщика, и, терзаемый далеко не самыми высокими чувствами, Тарас Григорьевич таким образом ей отомстил.

Впрочем, кто его знает, как там было на самом деле, чужая душа — потёмки. Сначала поэт занялся слежкой за Софьей Николаевной, сбором доказательств, а затем рассказал Герну о коварстве и измене жены. Не знаю, как у кого, но у автора этих строк поступок Кобзаря восторга

не вызывает. Разразился грандиозный скандал. Прапорщик Исаев в этом деле оказался ничем не лучше Тараса Григорьевича и ответил не менее достойно: написал два доноса, один губернатору, а второй — жандармам, в Третье отделение, о том, что приказание царя в отношении Шевченко о запрете писать и рисовать не выполняется, а начальство занимается попустительством. В общем, всё, как когда-то учили нас на комсомольских и партийных собраниях: «Не проходите мимо».

Губернатор попытался неприятную историю замять, да не тут-то было, тогдашние чекисты из Третьего отделения оказались ребятами бескомпромиссными. Им очень хотелось отличиться, а там, глядишь, удастся и очередное звание получить, и перебраться из этой беспросветной дыры куда-нибудь поближе к столице. Делу немедленно дали ход. И началось. У Шевченко провели обыск, ему пришлось забыть об унтер-офицерстве, которое ему пообещал губернатор на основании ходатайства Бутакова. Кобзаря отправили из Оренбурга, где он жил припеваючи в доме Гернов, в Новопетровское укрепление, в казарму. Всех его начальников, как обычно происходит в таких случаях, наказали. Сам генерал Обручев тоже получил высочайший выговор, а вскоре его и вообще отстранили от должности. Алексею Бутакову, который не имел ни малейшего понятия об истории, которую я вам рассказал, воодушевлённый полученными наградами, увлечённо занимался работой с отчётами, картами и научными коллекциями. Вдруг, как снег на голову, свалился выговор, да к тому же ещё и от самого царя, за нарушение высочайшего повеления о категорическом запрещении Шевченко рисовать и писать.

Понятно, какие чувства испытали все оказавшиеся вольными или невольными участниками тех событий. Если вас интересует, что же стало впоследствии с супругами Герн, ответчу: «А ничего. Они помирились». Софья Николаевна впоследствии родила четверых детей и жила со своим мужем до самой его смерти. Тот дослужился до генерала. Как вспоминала она Тараса Григорьевича, можно лишь догадываться, полагаю — «незлым тихим словом».

К счастью, злополучная история с поэтом всё же не заслонила огромную работу, проделанную Бутаковым и его сослуживцами. В 1850 году на основании исследований Алексея Ивановича гидрографический департамент морского министерства издал официальную морскую карту Аральского моря. В том же году Бутакова откомандировали в Швецию для приобретения двух пароходов для будущей Аральской флотилии. И ещё одно событие в семье случилось в тот год: братья Алексей и Григорий сравнялись в звании — Григорий досрочно получил звание капитан-лейтенанта. Время для Швеции, когда туда приехал Алексей Иванович, было не самое лучшее. И без того только сорок процентов земель были пригодны для земледелия, да тут ещё один неурожай за другим. Безработица росла, а заработная плата падала. Многие шведы решили эмигрировать в Соединённые Штаты, куда их охотно принимали. Поэтому заказ, с которым приехал Бутаков, был принят на «ура» судостроительной компанией. Меня удивило, когда я прочитал в архивных документах, что Алексея Ивановича послали в Швецию. Эта страна тогда была задворками Европы, с очень слабой промышленностью, в основном сельскохозяйствен-

ной. Уровень сельского хозяйства был не лучше, чем в России. Промышленность только начинала развиваться. В общем, вместо того чтобы поместить этот заказ у себя, по неведомым соображениям помогли соседям.

О пребывании Алексея в Швеции известно только то, что он прекрасно справился с поручением, и уже в 1852 году два маленьких железных парохода проверенным маршрутом в разобранном виде доставили в Раимское укрепление. Пароход побольше назвали «Перовский», а другой, даже не пароход, а паровой баркас, — «Обручев». Видимо, тщательно взвесили заслуги каждого начальника края, прежде чем присвоить название. Командиром парохода назначили Бутакова, а баркаса — лейтенанта Христофора Эрдели. Теперь русские войска имели огромное преимущество при ведении боевых действиях в районе Аральского моря. Побывал в заграничной командировке и Григорий. Но не в захудалой тогда Швеции, а в Англии и в конце года тоже получил назначение командиром пароходо-фрегата «Владимир». Быть командиром лучшего парохода на Чёрном море и командиром маленького пароходика на Аральском — разница существенная. Младший брат вырвался по службе далеко вперёд. А тем временем в Русском географическом обществе заслушали доклад о географических открытиях, сделанных Алексеем Бутаковым. Доклад опубликовали в следующем, 1853 году в «Вестнике» общества. Это событие не прошло мимо недреманного ока английской разведки, внимательно следившей за всем, что происходило в Средней Азии. Английское правительство подозревало русских в коварном плане проникнуть в Индию. В журнале

Королевского географического общества опубликовали сведения об экспедиции Бутакова и его карту Аральского моря. Это был сигнал русскому правительству о том, что его действия в Средней Азии находятся под пристальным вниманием. Международная известность, которую получил Алексей Иванович Бутаков, была, без сомнения приятной, но и в то же время... опасной. Со всеми русскими, которые приближались к границам Британской империи в Индии, всегда случалось что-то плохое, какая-нибудь беда. Но Алексей Иванович об этом не думал, потому что его голова была занята куда более привлекательными мыслями.

Недолгое пребывание в Петербурге после возвращения из Швеции оказалось счастливым. Он познакомился с дочерью генерала Николая Александровича Безобразова, Ольгой. Любовь не обходит стороной никого. Свадьба состоялась не в самое удачное время, осенью началась Крымская война. Но если выбирать для свадьбы время, да ещё и с учётом внешнеполитических обстоятельств, можно вообще никогда не жениться. К месту службы Алексея Ивановича молодые поехали вместе, ну а там вскоре пришлось расстаться. Бутакову предстояло принять участие в боевых действиях. Пока внимание великих держав было приковано к европейской части, где шла ожесточённая война, завершившаяся потом жестоким поражением России, на Дальнем Востоке бескровно, а в Средней Азии «малой кровью», как говаривал красный маршал Клим Ворошилов, русские войска заняли огромные территории. Об этом забывают, когда говорят о поражении России в Крымской войне и скорбят о потерянных территориях в европейской

части. Все эти потери — просто копейки по сравнению со сделанными без особого шума новыми приобретениями. В 1853 году Обручева сменил генерал Василий Алексеевич Перовский, который лично возглавил новый поход, на этот раз более удачный. У кокандцев захватили крепость Ак-Мечеть, переименовав её в форт Перовский (генерал особой скромностью не страдал). В результате последующих боёв захватили территорию вдоль нижнего течения Сырдарьи, где возвели несколько укреплений. Успех этих действий подкреплялся огнём и высадкой десанта с парохода, которым командовал Алексей Иванович Бутаков. За боевое отличие его наградили орденом Св. Анны 2-й степени.

Братья Алексея Ивановича, Григорий, Дмитрий и Владимир, воевали в Крыму. Брата Ивана носило ветрами по морям и океанам в экспедиции вице-адмирала Путятина. Алексею довелось завоёвывать чужую землю, а не защищать свою. В 1854 году Бутаков командовал отрядом из 300 казаков и 50 башкир, доставляя из Оренбурга в Аральское укрепление обоз с семьёю разобранными железными гребными судами и прочим военным имуществом. Затем на него навалились обязанности по организации верфи, созданию порта — словом, можно загибать много пальцев, чтобы перечислить, чем он занимался в абсолютно необжитой местности и в условиях постоянной угрозы нападения. Письма он получал нерегулярно и редко. В 1855 году пришло горькое известие о смерти в симферопольском госпитале брата Дмитрия, смертельно раненного на бастионе.

В 1856 году Бутаков возобновил исследования, на сей раз Сырдарьи, от устья до урочища Кум-Сухта.

Армейское командование планировало продвижение вдоль реки, где никак было не обойтись без моряков. Но кому неизвестно: не зная брода, не суйся в воду. Предварительно следовало изучить условия плавания по реке. 30 августа Алексею Ивановичу присвоили звание капитана 2-го ранга. Младший брат Григорий к тому времени стал контр-адмиралом. Теперь у него, а не у Алексея была приставка к фамилии — Бутаков-1-й. Иван имел приставку 3-й. Стал контр-адмиралом и Геннадий Иванович Невельской. А вот у Алексея Ивановича продвижение в званиях двигалось черепашьими темпами. Одно дело быть на виду у начальства, а другое — совершать подвиги там, где тебя не видят. Правда, иногда бывают и такие начальники, что лучше от них быть подальше. Например, вице-адмирал Павел Иванович Суцёв славился своей строгостью. В бытность начальником 1-й флотской дивизии на вопрос командира брига «Казарский» Николая Потулова, почему он не получил положенной награды, вице-адмирал рывкнул: ««Пока я жив, Вы не получите ничего!» На что Потулов, которому уже нечего было терять, ответил: «Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, я подожду». Смысл сказанного дошёл до Суцёва только после того, как нахальный капитан-лейтенант покинул адмиральскую каюту.

Закончилась Крымская война. В Морском министерстве все были заняты послевоенными реформами, и, кроме того, ломали головы, куда пристроить офицеров Черноморского флота, покоившегося на дне Севастопольской бухты. О Бутакове в такой обстановке даже и не вспоминали. Встречи с женой были редкими. Ольга Николаевна подолгу жила в Оренбурге, а когда стано-

вилось ясно, что муж опять застрял в Аральском море или на реках на неопределённый срок, уезжала домой в Петербург. Она оказалась талантливой художницей, училась живописи у хороших мастеров.

В Оренбурге Ольга Николаевна открыла для себя красоту степных пейзажей и написала много картин и офортов со степной тематикой. Дочь военного и жена моряка не боялась житейских трудностей, много ездила по степным укреплениям, жила с мужем на Арале, в форте №1. Для европейской женщины в то время такие поездки по пустыням требовали немало храбрости и выдержки. К тому же, помимо постоянной опасности нападения разбойников, была и масса естественных неудобств, которые испытывала молодая женщина, находившаяся в степи в окружении мужчин. Поэт Алексей Плещеев, отправленный, подобно Тарасу Шевченко, осваивать оренбургские степи за участие в кружке петрашевцев, писал о ней: «Говорят, замечательная женщина. Путешествовала, занималась разными предметами, вызывающими на размышления, акварельные портреты пишет...»

К сожалению, приходится довольствоваться вот такими крохами сведений о жене Бутакова, творческая жизнь которой заслуживает своего отдельного исследования. Пока жена рисовала пейзажи, муж воевал и исследовал дикую местность, население которой жило ещё в Средневековье. Оба, и муж, и жена, спали и видели, чтобы вырваться из этих пустынных просторов. Отец Алексея Ивановича давно был не у дел, на пенсии, связей у него не осталось, помочь не мог. Оставалась надежда только на брата, занявшего после войны высокий пост.

Нужно отдать должное Григорию: он предпринял всё от него зависящее, чтобы вырвать брата из песков Средней Азии. Может, вспомнил, что не без его рокового совета тот оказался в песках, но всё было непросто — разные министерства. Вот отрывок из письма Алексея, отправленного 30 ноября 1856 года, в котором тот с отчаянием пишет: «...Грицко, вот и декабрь на дворе, а мы всё здесь...» В 1857 году во главе отряда из 300 казаков Алексей Иванович Бутаков подавил вооружённое восстание населения в урочище Арыкбалык на реке Сырдарье. Может быть, это и бросает тень на светлый облик героя, но что было, то было. В то же время сохранились свидетельства о его дружеских отношениях со многими местными жителями. После этой военной операции ему 6 июня присвоили за отличие звание капитана 1-го ранга и наконец-то вызвали в Петербург. Но радоваться оказалось преждевременно.

А случилось вот что: 16 октября того же года царь согласился с предложением государственного канцлера Александра Михайловича Горчакова отправить посольство в Хиву и Бухару для проведения глубокой разведки, противодействия дипломатическими путями проникновению в Среднюю Азию англичан и с целью усиления влияния России. В январе 1858 года Особый комитет, созданный для рассмотрения этих вопросов, также высказался за отправку посольства, но, кроме того, предложил максимально использовать плавание по Амударье, чтобы проникнуть как можно дальше в глубь территории Средней Азии. Для этого и понадобился Бутаков. Во главе посольства назначили молодого, но уже опытного талантливого разведчика графа Николая

Павловича Игнатьева. Полковник Игнатьев служил до своего нового назначения военным агентом, как тогда называли военных атташе в Лондоне, и был хорошо знаком с политикой англичан в Средней Азии. Поводом для дипломатической миссии послужил визит вежливости в ответ на поздравление Александра II делегациями из Хивы и Бухары в связи с коронацией.

Совместно с Игнатьевым Бутаков участвовал в разработке плана и в снаряжении посольства. Ему присвоили пышный титул начальника Аральской флотилии. Правда, такое название должности обещало и повышение оклада жалованья. Обговорив с начальством все вопросы, Алексей Иванович вместе с женой в марте возвращался в Оренбург. И, надо же такому случиться, вот уж поистине мир тесен: на почтовой станции во Владимире они встретили Тараса Григорьевича, который уже давно простился с оренбургскими степями. Прошло восемь лет со времени их последней встречи, а кто старое помянет, тому глаз вон! В письмах друзьям Шевченко вспоминал о Бутакове тепло: «Это мой друг, товарищ и командир...» Да и что иного он мог сказать о человеке, который так хорошо к нему отнёсся? Неизвестно, испытывал ли к нему такие же тёплые чувства Алексей Иванович, но всё дурное со временем забывается, а помнится только хорошее. Их связывали общие воспоминания об экспедиции, где обоим пришлось пережить всякое. Беседовали они долго. Бутаков рассказал, что едет с женой в Оренбург, а затем он уже один отправится на Сырдарью. Ольга Николаевна была наслышана о Шевченко и от мужа, и от знакомых в Оренбурге и Петербурге, видела его работы. Сама талантливая художница, она

по достоинству оценила картины, написанные Тарасом Григорьевичем.

Некоторые исследователи творчества Шевченко утверждают, что Ольга Бутакова позднее сделала по ним прекрасные офорты. Сохранила она, понимая их ценность, и некоторые картины Тараса Шевченко, находившиеся в материалах экспедиции на Арале, и за одно это благородное дело заслужила, чтобы остаться в памяти потомков. Бывшие сослуживцы расстались, чтобы больше никогда не увидеться. Тарас Григорьевич записал в своём дневнике об этой встрече: «...У меня при одном воспоминании об этой пустыне сердце холодеет, а он, кажется, готов навсегда там поселиться». Насчёт слов поэта о готовности Бутакова навсегда там поселиться, конечно, некоторое преувеличение, позволенное творческой личности. Но то, что для одного из них было ссылкой, для другого — местом службы отечеству. К тому же на здоровье Алексея Ивановича не могли не сказаться плавание на «Або» и жизнь на Арале и в степях и песках Средней Азии. 15 мая 1858 года миссия в сопровождении конвоя и обоза двинулась в путь из Оренбурга к Аральскому морю. Бутаков уехал туда раньше. Ему предстояло подготовить суда для плавания.

В распоряжение Алексея Ивановича прислали опытных офицеров, участников экспедиции вице-адмирала Ефима Васильевича Путятина и 80 человек матросов и унтер-офицеров из 45-го астраханского флотского экипажа. Сборкой судов занимались мастера с Воткинского завода. Собралась компания моряков, побывавших в разных жизненных переплётах, им было о чём рассказать друг другу, тем более что все знали

братьев Бутаковых. Алексей Иванович разместил участников посольства на пароходе «Перовский» и на двух железных баржах. Лейтенанту Александру Фёдоровичу Можайскому он поручил командовать одной баржой, а другой — лейтенанту Александру Александровичу Колокольцеву.

Удобства для жизни на баржах и пароходе были не из тех, которым стоило завидовать, да ещё в условиях азиатской жары. Но что поделаешь, приходилось терпеть, и не такое видели. По ряду причин отправились позже, чем намечали, и, когда подошли на судах к устью Амударьи, оно уже обмелело, что создало дополнительные трудности. Гигантские камыши, которыми поросли не только все отмели, но и дно на глубине до трёх метров, можно было сравнить только с джунглями. Тучи комаров как будто специально сидели на голодной диете, дожидаясь появления русских. Впрочем, в камышовых зарослях можно было встретить не только комаров, но и других живых существ, покрупнее, включая тигров. Хивинское правительство сразу раскусило истинные намерения посольства и отказалось пропустить суда в Амударью. Начались длительные изматывающие переговоры Игнатьева с хивинским ханом. Они осложнились из-за того, что хану стало известно о съёмках местности, проводившейся под руководством Бутакова. Кроме того, хивинцы посчитали вмешательством в свои внутренние дела отказ Алексея Ивановича выдать укрывшегося у него на пароходе беглого раба, перса. Бывшему владельцу раба капитан 1-го ранга заплатил выкуп из личных денег, но всё равно это вызвало большое недовольство у хивинцев. Тем не менее, пока Игнатьев вёл переговоры,

Бутаков продолжал вести подробные исследования от низовьев Амударьи до Кунграда. Несмотря на запрещение хивинских властей, он вошёл в Кунград, чтобы облегчить положение посольства, которому уже явно начинали угрожать.

То, что Бутаков сумел довести пароход до Кунграда, не посадив его на мель, было просто чудо. Обычная глубина в тех местах не превышала брюха лошади. Ситуация складывалась непростая не только для Игнатьева, но и для Бутакова. Запас угля у него был ограниченный, оставалось около семисот пудов. Остальной находился на барже у Колокольцева, но тот не мог передать уголь на пароход по навигационным условиям. Топить паровой котёл было нечем, поскольку на берегу росли только фруктовые деревья, рубить которые Бутаков никогда бы не решился, прекрасно понимая последствия такого поступка. Задерживаться в Кунграде было нельзя. В случае ещё большего понижения уровня воды пароход оказывался в ловушке, Бутакову тогда пришлось бы там зимовать без продовольствия, а, учитывая настроение хивинцев, их могли попросту уморить голодом. Посоветовавшись, Игнатьев и Бутаков решили, что пароход отправится к Сырдарье, где находился русский порт. Колокольцеву поручили доставку продовольствия для посольства. Можайскому, на барже которого находились вьючные лошади и верблюды, Бутаков приказал сдать баржу лейтенанту Зеленину, а лошадей и верблюдов берегом доставить Игнатьеву. Тот собирался направиться в Бухару, и у него имелись серьёзные опасения, что хивинцы не дадут ни лошадей, ни верблюдов. Убедившись, что посольство Игнатьева обеспечено всем

необходимым, Бутаков взял на буксир обе баржи и перешёл в форт №1. Можайского Игнатьев оставил при себе в составе посольства.

Из Хивы посольство Игнатьева двинулось караваном в Бухару. Здесь ему удалось добиться полного дипломатического успеха, играя на противоречиях между двумя среднеазиатскими правителями. На следующий год, следуя по обследованному пути, Алексей Иванович участвовал в боевых действиях на Амударье. Погрузив на свой пароход сто сорок человек десанта, он подошёл к Кунграду, который осаждали хивинские войска. Появление русского десанта заставило хивинского хана снять осаду Кунграда. Затем на паровом баркасе «Обручев» Бутаков дважды прошёл мимо хивинской крепости Нукус. Видимо, это было непросто и очень важно для русских, потому что этот, вроде бы совсем незначительный, эпизод особо отмечен в его послужном списке. На Новый год Бутакова назначили в свиту императора. Приказ об этом подписан 1 января 1860 года. Он получил звание флигель-адъютанта. Помимо почётной приставки к морскому званию, увеличивалось и денежное содержание, добавлялись «свитские». По результатам проведённой Бутаковым операции Военное и Морское министерства пришли к общему выводу о том, что необходимо наращивать морские силы на Арале. Для этого прежде всего требовались суда.

На этот раз Бутакову вручили приказ ехать в Англию для заказа железных пароходов, плавучего понтонного дока и барж. Ну и, слава богу, появилась возможность не видеть некоторое время ни вечно мутных вод Амударьи, ни вечно синих — Аральского моря. Из Англии его напра-

вили в Соединённые Штаты. Вырваться, хоть и на время, из Тмутаракани в цивилизованные страны была большая удача. По результатам своей командировки Алексей Иванович опубликовал в «Морском Сборнике» статью о пароходах с небольшой осадкой, у которых колесо находится в кормовой части. Задумаешься, что было легче и дешевле: организовать производство пароходов, скажем, на Воткинском заводе или везти их из заморских стран? Но, как сказал великий грузинский поэт: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны», — наверно, тогда считалось выгоднее купить за рубежом. Перевозка обошлась в солидную копеечку. Если бы это происходило в наше время, то все участники и посредники такого оборонного заказа просто обогатились бы.

Вообще-то, воровали и в те времена. Разница с нынешними — только в масштабах. Но, несмотря на то, что пароходики стали буквально золотыми для казны, на благосостоянии Алексея Бутакова это никак не отразилось, не был Алексей Иванович казнокрадом, так же, как и его отец и все братья. Не передать, каких нервов ему стоила доставка заказанных судов. Их сплавливали по Волге до Казани, а затем пришлось перегружать на телеги и верблюдов и тащиться по грязи в степях, раскисших от небывалых в тех краях проливных дождей. Дорог не было, остались только направления. Стояла поздняя осень, и скоро ливни сменились морозами и метелями. Вместе с Алексеем Ивановичем была и Ольга Николаевна. Всё-таки замечательные жёны были у русских морских офицеров! Чего им только не доводилось испытать. Вот уж вправду о них можно было сказать: «Есть женщины в русских селеньях...» Сначала груз, а он представлял собой свыше шести

тысяч пудов железа, везли на телегах, потом переложили на сани. Зима началась очень рано. 30 сентября был буран при 8 градусах мороза. Но все части пароходов доставили в Оренбург благополучно, а вот с личными вещами семейства Бутаковых оказалось хуже — они остались в степи, занесённые снегом. Кое-что потом всё же удалось спасти. Часть животных погибла, и Алексей Иванович приказал своё имущество бросить, а вести казённый груз. Один только этот переход по морозной степи можно считать подвигом всех, кто сопровождал караван.

В наше время молодёжь книг читает мало, больше предпочитает смотреть кино по телевизору или в кино-театрах. Поэтому я мечтаю о том, что, возможно, когда-нибудь поставят правдивые, без ненужного пафоса, исторические фильмы о службе русских морских офицеров в девятнадцатом веке. Новый командующий Оренбургским отдельным корпусом генерал Александр Павлович Безак и его жена тепло приняли Бутаковых. Они хорошо понимали, чего стоило такое путешествие. После короткого отдыха у гостеприимного начальника Бутаков получил от генерала задание произвести опись Сырдарьи. Супруги отправились дальше, в форт № 1 на Аральском море. Добрая жена Безака на дорогу снабдила Бутаковых, по словам Алексея Ивановича, «великолепнейшей кулебякой и колоссальным ростбифом». В домике, где они поселились в форте, Ольга Николаевна постаралась создать уют. Если муж в пути переживал за железо, которое доставлял на Арал, то Ольга Николаевна — за домашние вещи, оставленные в степи. Втайне от мужа она ухитрилась благополучно довести до места назначения обои, купленные в Петербурге, и теперь их

жилище выглядело, как писал брату Бутаков, «очень мило». Спасла она и книги, которые помогали коротать время до начала навигации. «...Что касается до живой беседы, — читаем в письме Алексея Григорию, — эта роскошь здесь неизвестная и выпадающая на нашу долю случайно, очень и очень редко». Появление каждого нового человека было событием для обитателей форта.

«Мы отрезаны от остального человечества и знаем новости только из газет», — сетовал он. В 1862 два парохода, «Арал» и «Сырдарья», под руководством Алексея Ивановича собрали и спустили на воду Аральского моря, а в следующем году завершили сборку понтонного дока. Бутаков со своими подчинёнными исследовал Сырдарью на участке протяжённостью в 1500 вёрст от устья реки. Несведущий человек может подумать: «Эка невидаль плавать по реке. Вот два берега и плыви между ними». На самом деле речная навигация — вещь исключительно сложная, особенно на таких реках, как Амударья и Сырдарья. Но в подробности вдаваться не будем. Специалист и так понимает, а далёкий от морского дела читатель пусть верит автору на слово, которому преподавали соответствующий предмет в военно-морском училище. В августе 1863 года командир отдельного Оренбургского корпуса получил приказ откомандировать Алексея Бутакова для продолжения службы на Балтийском флоте. Наконец-то, слава богу! Почти шестнадцать лет провёл Алексей Иванович в Средней Азии, на окраине империи, способствуя продвижению России на юг.

Его однокашник, Краббе, к тому времени уже три года управлял Морским министерством, сделав невероятную карьеру, находясь постоянно в поле зрения боль-

шого начальства в Петербурге. При этом он не совершил ни дальних плаваний, ни великих военных подвигов. Не отрицая того, что Николай Карлович Краббе был очень умным человеком, скажем, что и Алексей Иванович был не глупее и насмотрелся на службе всякого. Да что Краббе! Вон младший брат Григорий уже давно стал контр-адмиралом, генерал-адъютантом. А старший брат проторчал большую часть своей службы на маленьких судёнышках в жутких условиях в таких местах, откуда дальше и послать нельзя. Тарас Григорьевич Шевченко так отозвался об Аральском море: «...плавал по нему два лета. Господи, какое мерзкое! Даже вспоминать противно, не то, что рассказывать добрым людям». А Бутаков проплавал на нём пятнадцать лет!

В столице горечь, которую испытывал в душе Алексей Иванович, прошла. Его встретили прекрасно. По представлению Краббе 19 апреля 1864 года Бутакова назначили исправляющим должность начальника штаба практической эскадры, которая состояла из броненосных судов. Ему присвоили звание контр-адмирала с назначением в свиту царя и дали особую пенсию, которая называлась аренда, в 1500 рублей, сроком на двенадцать лет. Казалось, что вот наконец-то по достоинству оценили и начнётся настоящая служба, по уму и по способностям. Но, увы, здоровье было непоправимо подорвано постоянным напряжением физических и духовных сил, плохим питанием, отвратительной водой, постоянным пребыванием в непривычном климате. Болела печень, после стольких лет, проведенных в Средней Азии, невозможно было не заразиться гепатитом там, где ни о какой санитарии даже и речь не шла. В сто-

лице его смотрели и слушали лучшие врачи, но ничего обнадеживающего они не сказали.

На следующий год Бутакова назначили командовать отрядом судов на Неве, затем младшим флагманом на броненосную эскадру. Он командовал шхерной эскадрой из десяти мониторов. Плавал с этими первенцами русского броненосного судостроения в Стокгольм. Посыпались ордена, как юбилейные медали в конце жизни на наших ветеранов: шведский — Святого Олафа, итальянский — Святого Маврикия и Лазаря. На следующий год — Святого Владимира 3-й степени, через год — Святого Станислава 1-й степени. Украшали красивыми железками, стараясь в какой-то степени загладить вину перед человеком, которого продержали столько лет там, куда ссылали только государственных преступников, либо тех, кого таковыми считали. Служить на море ему стало невмоготу по состоянию здоровья. Алексея Ивановича перевели на берег членом артиллерийского отделения Морского технического комитета. Там он встретил своего однокашника по Морскому корпусу, Невельского, которого назначили членом Морского учёного комитета. Тот тоже угробил своё здоровье на Дальнем Востоке. Что-то общее было в судьбах этих двух человек. Но даже в тех комитетах, где никто не надрывался от непосильного труда, им обоим было тяжело работать, оба без конца болели. Добросердечный Краббе, который особенно любил тех, кто никак не мог быть ему конкурентом, сначала перевёл Бутакова на должность эскадр-майора при царе, ведать царскими судами, а потом вообще освободил

от обязанностей, назначив, чтобы можно было получать денежное содержание, в распоряжение главного командира Санкт-Петербургского порта.

В 1867 году Лондонское географическое общество за исследования Аральского моря и устья Амударьи присудило Бутакову золотую медаль общества. Медаль для него в Лондоне получил капитан 1-го ранга Александр Егорович Кроун. Самому ехать за ней у Алексея Ивановича уже не было сил. Чарлз Дарвин, при издании в 1868 году книги, наделавшей так много шума не только в научном мире, но и в обществе, в подтверждение своей теории упомянул сведения, полученные от Бутакова при посредничестве английского адмирала Саливана. Но ничто уже не радовало Алексея Ивановича. В январе 1869 году ему стало совсем плохо. Врачи сказали, что надо срочно ехать на воды в Германию, где испокон веков лечились русское начальство и знать. Алексею Ивановичу разрешили заграничный отпуск, и в сопровождении жены он отправился на курорт Швальбах в Пруссию. Однако пить целебные воды было уже поздно. 28 июня Алексей Иванович Бутаков скончался. Ему шёл всего лишь пятьдесят четвёртый год. Где находится его могила, мне выяснить так и не удалось. Ольга Николаевна пережила мужа почти на тридцать лет. Замуж она больше никогда не вышла. Своих детей у Алексея Ивановича и Ольги Николаевны не было. Они взяли к себе на воспитание дочь военного врача и казашки, Татьяну, оставшуюся круглой сиротой. Судьбу девочки можно было бы узнать, занявшись исследованием в различных архивах России и среднеазиатских государств, но этот подвиг уже не для автора.

***

Эту короткую повесть о судьбе Алексея Ивановича Бутакова я разместил на своей страничке сайта Проза.ру. Через некоторое время одна из читательниц и авторов этого сайта Марина Руденко сообщила мне, что контр-адмирал Алексей Иванович Бутаков покоится не в Швальбахе, а на русском кладбище в Висбадене. И в самом деле, поблуждав в интернете, обнаружил сведения о захоронении Алексея Ивановича в Висбадене. По старой военпредовской привычке ничего не принимать на веру (есть ещё две заповеди военпреда: ничего не подписывай и ни на что не соглашайся) решил сам проверить на месте. С дочерью и зятем мы поехали сначала в Бад-Швальбах, где скончался Алексей Иванович, а потом в Висбаден, где его похоронили. Оба курортных города очень красивы, великолепные парки, повсюду зелень во дворах и на улицах, а вокруг возвышаются горы, густо поросшие лесом. У меня сложилось впечатление, что местные источники минеральной воды были для приезжавших туда больных последней надеждой. Судя по огромным немецким кладбищам, эта надежда, увы, уже часто не сбывалась. Не помогли воды и нашему соотечественнику. Когда зять вёз нас по серпантину, я представил себе, как досталось жене Бутакова, когда она везла по горной дороге в повозке тело мужа.

Над Висбаденом, на горе Нероберг, возвышается прекрасный православный храм с позолоченными куполами. Он является одной из главных достопримечательностей города. Храм постепенно разрушался, денег на его восстановление не было. Немецкие власти решили помочь.

К тысячелетию крещения Руси были проведены реставрационные работы немецкими мастерами, кото-

рые обошлись немецким налогоплательщикам в сто сорок тысяч евро. Неподалеку от церкви в 1856 году открыли небольшое русское кладбище, поэтому захоронение Бутакова относится к одним из самых ранних.

Посещение церкви стоит два евро. Два приветливых служителя, у которых Вадим купил свечку, а я — крестик для своей жены, дали нам книгу о русском некрополе в Висбадене и справочное пособие с планом кладбища и указанием могил, кто в них захоронен. Не знаю, была ли автор книги о некрополе сама на этом кладбище, или довольствовалась тем, что узнала из различных публикаций и справочников, но то, что она написала о могиле Алексея Ивановича Бутакова и похороненном в этом же ряду вице-адмирале П.К. Розене, не соответствует действительности. Взяв у служителей под залог десяти евро ключ от ворот, мы направились к кладбищу. Должен заметить, сразу чувствуется, что это наша, российская, а не немецкая территория, она когда-то была выкуплена ещё царём. Кладбище окружает каменный забор, правда, с тыльной стороны сейчас его закрывает проволочная сетка с огромными дырами. Ну, а забор для наших соотечественников всегда обладал какой-то необычайной притягательной силой.

Сразу вспоминается Николай Васильевич Гоголь: «Что это за скверный город! только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — черт их знает откуда и нанесут всякой дряни!» Схема кладбища была составлена так, что требовалось даже не увеличительное стекло, а микроскоп, чтобы прочитать номера могил. На поиск у нас ушло два часа. Интересно, что могила Бутакова в кладбищенском перечне вообще не значится, хотя её номер на схеме имеется.

Автор книги о некрополе написала, что на могиле Алексея Ивановича гранитное основание, а на нём лежит крест, и что памятник более скромный, чем у вице-адмирала Петра Карловича Розена. Оценить, насколько он скромнее, мы не могли по простой причине — могила вице-адмирала Розена вообще исчезла без следа. Адмирал Розен был похоронен на год раньше Бутакова. Похоже, что могила Алексея Ивановича Бутакова не зря исчезла из перечня. Судя по всему, её ждёт судьба могилы старшего по званию моряка. В самой старой части мемориального кладбища, наиболее прилично выглядящей, появились захоронения с дорогими памятниками, на которых выгравированы русские фамилии, датированные 2010 годом. В целом русское кладбище, и без того не самое весёлое место, производит просто удручающее впечатление. Но нам к таким вещам не привыкать. Только вот уж очень бросается в глаза разница в отношении к памяти усопшим на русском и немецком кладбищах. Вадим принёс воду и вымыл небольшой кубический камень с очень плохо читаемой надписью, и крест на камне, скреплённый цементом из обломков. Больше ничего мы сделать не могли.

Постояли, помолчали над могилой российского моряка, верой и правдой, служившего своей родине. Когда мы возвращали служителю ключ от кладбищенских ворот, я рассказал ему о том, кем был Алексей Иванович Бутаков, и почему память о нём нужно сохранить. Сделал это в слабой надежде, что место, где покоится адмирал, не купят наши нувориши. Как выяснилось, служитель даже и не слышал такой фамилии. А я ещё раз подумал: что-то неправильно у нас в отечестве.

ФЛОТОВОДЕЦ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

Григорий Иванович Бутаков, один из наших самых знаменитых адмиралов, имел в Морском корпусе довольно обидную и злую кличку «Гунявый», которая приклеилась к нему с лёгкой руки одного преподавателя, почему-то невзлюбившего мальчишку. Но мало ли, кого и как дразнили в детстве. Упомянул я об этом просто для того, чтобы сразу же не сбиться на пафосный тон, присущий всем историческим «житиям» выдающихся моряков России. В 1831 году, когда он стал кадетом, нравы в корпусе царили жестокие, поэтому иметь защитника в лице брата-старшекурсника оказалось большой удачей.

Брат Алексей через год окончил учёбу, но самое трудное время в Морском кадетском корпусе — это первый курс, поэтому Григорий всегда с благодарностью вспоминал поддержку старшего брата. Все остальные годы он учился с братом Иваном, поступившим в Морской корпус на следующий год, и уже, сам, как старший, опекал его. Григорий по традиции, установленной Алексеем, регулярно навещал в увольнении дядю, Александра Николаевича. После казармы даже не слишком приветливый дом родственника казался тёплым. У дяди было увлечение: он любил украшать ракушками шка-

тулки, коврики и всевозможные безделушки. Этому его научила какая-то знакомая. В доме для таких целей Александр Николаевич держал большой запас мелких морских раковин. Его сын, Николай, как и Григорий, кадет Морского корпуса, однажды по примеру отца украсил ракушками ящичек для лото. Естественно, похвастался своей работой перед товарищами в корпусе. Коробочка вызвала неподдельный интерес особенно в малолетней роте, где учился Григорий, и была весьма выгодно продана им состоятельным кадетам. Когда читаешь об этом в письмах Бутакова, то сразу вспоминаются «Приключения Тома Сойера» и его «сокровища» в виде мраморного шарика, чёрного жука в коробочке и дохлой крысы на верёвочке.

Успешно проведённая торговая операция воодушевила новоявленных бизнесменов. Они развернули производство украшений из ракушек, добывая их из дядюшкиных запасов. На вырученные деньги Ванюшка, дворовый мальчик, покупал им в лавке леденцы и мак. Неизвестно, сколько бы продолжалось это предпринимательство, но, на их беду, Ванюшка попался с поличным дяде, был бит и немедленно выложил, откуда у него деньги на покупки сладостей. Началось дознание. Нечего и говорить, какой крик подняла тётка. Николай струсил и всё свалил на Григория, которого дядя обвинил к тому же и в краже денег из своего кабинета, о чём написал его отцу в Николаев. Пришлось объясняться и с разгневанным отцом. Обида жгла душу долго и осталась зарубкой на всю жизнь. Уже офицером Григорий Иванович, вспоминая тот случай, писал домой: «Слово “воровать” поразило меня, и чтобы доказать, что я не воровал, я

рассказал, что гривенник, на который Ванюшка побежал купить леденцов, я не украл, а получил за раковину, которую взял на чердаке... как заброшенную вещь... И в корпусе всегда был честным, потеряв платок, никогда не сводил у другого, даже за потерянную пуговицу готов был всегда отдать несколько булок, и сам не есть, нежели потихоньку отвинтить у другого. Сын дяди, Коля, вёл себя подло... Я едва ли когда прошу ему, хотя не стану никогда и мстить! Об этом... я говорил Ивану Шестакову, когда он хвалил мне Колю, “да, он добрый человек и хороший малый”, но есть вещь, которую я ему никогда не прошу!». Но... раковины-то всё-таки были взяты тайно, без разрешения.

Выводы для себя Григорий сделал. В одном из писем, написанных уже в зрелые годы, есть такие строки: «Воспоминание о моём детстве побуждало меня посылать Мите и Володе денег, чтобы им не приходилось ни в каком случае прибегать к чему-либо подобному».

Чтобы как-то утешить младшего брата, Алексей пообещал ему, что, как только попадёт в дальнейшее плавание в тёплые моря, обязательно купит там попугая. Затем братья выучат его «ругаться по-нашему, по-баковому», и подарят птицу тётушке Александре Ивановне. Здесь требуется пояснение: на баке, носовой части палубы, находилось единственное место, где разрешалось курить. Там, вокруг обреза с водой для окурков, собирались покурить и поболтать вместе и матросы, и офицеры. Можно не сомневаться, что лексические познания тётушки при посредстве попугая, который слушал и запоминал то, что говорилось, могли бы существенно расшириться. Успехи в учёбе у Григория были довольно скромными,

поэтому в офицерский класс он не мог попасть при всём желании, туда брали одних отличников.

Честь и хвала тем, кто прекрасно учился, но не всегда из отличников получались выдающиеся командиры и прекрасные офицеры. Для этого, помимо замечательной памяти, требуется иметь ещё и некоторые другие способности, хотя в жизни нередко хорошая память вполне заменяет ум. Кроме того, существует ещё немало причин, по которым далеко не самые умные и талантливые выпускники поднимаются по служебной лестнице на военный Олимп. Сужу по судьбам круглых отличников, стипендиатов, которых знал в военно-морском училище, и тех, кто в училище «блистал» лишь надраенными пуговицами и бляхой на ремне, но зато впоследствии далеко обошедших в должностях и званиях своих однокашников.

Двадцать третьего декабря 1837 года для Григория и его товарищей по учёбе наступил долгожданный счастливый момент — выпуск из Морского кадетского корпуса и присвоение первого офицерского звания — мичмана. Порядок фамилий в списке выпускников составлялся в зависимости от успехов в учёбе. Григорий Бутаков числится в списке из 56 человек тридцать третьим. Некоторые его однокашники тоже дослужились до адмиральских званий, но они были рядовыми служаками и ничем особенным в истории флота не запомнились. Другое дело — его сокурсник Николай Путилов. Он оказался не меньшей звездой, чем Бутаков, но совсем в другой области. В отличие от Григория Бутакова Путилов прекрасно учился, шёл вторым в списке выпускников, и его оставили продолжать учёбу в офицерском классе.

В те годы офицерами становились в семнадцать лет. Сейчас в таком возрасте наши мальчишки оканчивают среднюю школу. Может быть, и гражданская зрелость у тогдашних юношей наступала намного быстрее?

По просьбе отца Григория направили служить на Черноморский флот. Туда охотно шли служить те, для кого морская служба действительно была призванием. Но посылали и таких, за кого хлопотали друзья и родственники. Среди последних хватало мичманов, чьи аттестации приводили начальников в ужас. Послужив не один год, как сейчас бы сказали, в экстремальных условиях, не все, но некоторые из них исправлялись и становились хорошими офицерами и моряками. А других судили и отправляли продолжать службу уже в качестве матросов. На Чёрном море плавали круглый год. Это вам не Балтика, где три месяца плавали, а потом — «море на замок», потому что замерзал Финский залив. Климат в девятнадцатом веке был существенно суровей современного. К тому же Черноморский флот постоянно участвовал в боевых операциях: шла нескончаемая война на Кавказе, горцы упорно сопротивлялись вхождению в состав империи, несмотря на всё счастье и радость, которые несли им на штыках русские солдаты.

Как и государства Средней Азии, в завоевании которых участвовал старший брат Григория Алексей, так и государства Кавказа, в завоевании которых участвовали Григорий и остальные братья, как только появилась возможность, постарались отделиться от Российской империи. Процесс этот естественный, но чрезвычайно болезненный, и ни один доктор не скажет, когда и чем он завершится. После учёбы в столице вид Николаева, где размещалось коман-

дование Черноморского флота и портов, нагонял тоску. Летом его улицы и площади покрывали толстые слои пыли, навоза, мусора, а в дождливое время всё это превращалось в непроходимую грязь, пропитанную всевозможными нечистотами. Горожане, не особенно себя утруждая, глину и мусор выбрасывали прямо на улицу, естественно, стараясь сделать это поближе к соседям. Водопровода в городе не было, и водовозы в бочках развозили её из источников в Боявленске и Спаске. После радостной встречи с родными Бутаков отправился представиться главному командиру Черноморского флота и портов вице-адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву.

О чём там шла беседа, осталось неизвестно, но адмирал своих друзей не бросал, а их сыновей опекал особо. Он всегда хотел лично убедиться, кто из юношей на что способен, и если сынок оказывался толковым, то его быстро продвигали по службе. Бутаков-отец, близкий друг Михаила Петровича, в то время занимал должность командира Дунайских портов и 3-й бригады пятой флотской дивизии. Неудивительно, что Лазарев назначил младшего Бутакова своим флаг-офицером на флагманский корабль «Силистрия», названного так в честь победы над турецким гарнизоном захудалого болгарского городка Силистрия. Для юного мичмана служба на большом корабле мёдом точно не казалась, зато учила многое понимать в сложном флотском механизме. И всё же положение Григория на корабле было не таким, как у какого-нибудь только что выпущенного из Морского корпуса офицера без всяких связей.

Очень скоро мичман убедился, что состоять флаг-офицером у Лазарева — это не портфель с бумажками

носить за начальником. Сначала отправился с адмиралом на пароходе в Севастополь, а затем на «Силистрии» в Керчь. Там на корабль погрузили десант для доставки на Кавказское побережье. Поясним, какая обстановка в те годы сложилась на Чёрном море. Захват Россией Кавказа не вызвал восторга ни в Турции, границы которой неумолимо оттесняла огромная Российская империя, ни в европейских странах. Самой озабоченной среди европейских держав была Англия. Ей также не улыбалось продвижение русских войск всё дальше и дальше на юг, где недалеко и до Индийского океана. Поэтому англичане, как могли, помогали кавказским народам вести, иногда даже очень успешно, войну с русскими войсками, снабжая горцев оружием, порохом, солью и другими необходимыми вещами, при этом тайно надеясь, что кавказская война будет продолжаться бесконечно. И, похоже, что они как в воду смотрели.

Население Кавказа условно можно было поделить на тех, кто пас скот, пахал землю и выращивал всякие полезности, вроде фруктов и овощей, и на тех, кто презирал этим заниматься и предпочитал грабить мирных соседей, уводить в плен людей и потом торговать ими, как скотом. К рабству эти бандиты относились как к вполне нормальному явлению. Действия русских мешали такому увлекательному и прибыльному занятию, как продажа туркам женщин и мальчиков, захваченных во время набегов. Поэтому сыны гор, не мыслившие своего существования без этого криминального ремесла, воевали с русскими войсками особенно яростно. Достаточно вспомнить стихи и прозу Михаила Юрьевича Лермонтова, повести Льва Николаевича Тол-

стого и других современников. А можно обратиться и к более поздним временам, и даже к современности, например к войне с грузинами, которые, к слову сказать, единственные добровольно вошли в состав Российской империи и к тому же являются единоверцами.

В девятнадцатом веке русские дипломаты были намного успешнее наших нынешних дипломатов. У адмирала Лазарева имелось указание царя пресечь поставки контрабандных товаров и оружия воюющим кавказским народам. Военную контрабанду на Кавказ доставляли морем, из Англии или из Турции. Сухим путём провозить её было и сложнее, и дороже. Разобраться, откуда кавказцы получают оружие и боеприпасы, удалось с помощью армейских разведчиков, отчаянных смельчаков. Капитан Георгий Новицкий, подпоручик барон Фёдор Торнау и другие, менее известные офицеры, по заданию русского командования переодетые в горцев, провели глубокую разведку и снабдили генералов нужными сведениями.

Командование Черноморским флотом сформировало специальную Абхазскую эскадру, разделённую на два отряда, Сухумский и Геленджикский, для постоянного крейсирования вдоль побережья от Анапы до поста Св. Николая, находившегося за грузинским городом Поты. Корабли эскадры перебрасывали войска на побережье Кавказа, заодно поддерживая их огнём корабельной артиллерии, а транспорты доставляли продовольствие и военное имущество. Второй главной задачей Абхазской эскадры было пресечение контрабанды на море. Борьба с контрабандистами не могла быть эффективной без ведения разведки на постоянной основе. Такая разведка

велась тремя министерствами: иностранных дел, военным и морским. Следует отметить, что все три ведомства работали очень слаженно. Каждое из них создало собственную агентуру из местных жителей, но полученными сведениями между собой делились.

Вот несколько примеров такого взаимодействия. 29 июня 1838 года наша миссия в Константинополе сообщила во второе отделение штаба корпуса (разведка) о готовящейся высадке на Кавказский берег в местечке Абезах-Скелеси людей с турецкого судна. Очевидно, что среди них был российский агент, потому что в секретном предписании даётся указание: «...Жабермисова нужно отпустить с его товарищем». 6 июля 1838 года Коцебу, российский консул в Трапезунде, сообщил командиру Отдельного Кавказского корпуса, что брат английского разведчика Белла, находившегося у горцев, нанял в Лондоне небольшую шхуну для снабжения повстанцев оружием.

Получив от корпусного командира эти сведения, Лазарев приказал командиру Абхазской эскадры контр-адмиралу Захарьину не допустить шхуну к берегу, соблюдая при этом правила, указанные в секретной инструкции. В сентябре того же года Лазарев передал Захарьину сведения о месте нахождения двух турецких судов и инструкцию, как их внезапно захватить. В конце секретного письма есть приписка: «Поимка этих судов тем важнее, что, по слухам от лазутчиков, на них находятся русские пленные, которых везут в Синоп». Когда требовалось принимать срочные меры по перехвату контрабандистов, начальник штаба корпуса обращался непосредственно к командиру отряда Абхазской эска-

дры, ответственного за соответствующий участок побережья, минуя командование флота. В одном из таких сообщений, полученных в 1838 году контр-адмиралом Захарьиным, говорится: «Преданный нам черкес сообщил, что горцы ожидают прибытия в самом скором времени турецких судов с солью, свинцом и порохом между фортами Александрия и Туапсе поблизости от аула Вардана или Субаша».

Позже к упомянутым выше ведомствам подключилось ещё одно — Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии. Сотрудники этого ведомства, помимо ведения политического сыска, занимались выявлением агентуры других государств и эмиссаров польских эмигрантских центров. Информация, добытая жандармами, сообщалась только высшему командованию армии и флота. Наиболее успешно русские войска могли продвигаться не по горам, где не было дорог, только тропы, а вдоль побережья, получая с моря снабжение всем необходимым. В год выпуска Григория Бутакова завершалось создание непрерывной цепи укреплений, получивших название Черноморская береговая линия. Вдоль побережья, чаще всего в местах, удобных для выгрузки контрабандных товаров, там, где в море впадали реки, русские войска строили форты и укрепленные посты. Забегая вперед, скажу, что во время Крымской войны эта линия была ликвидирована самими русскими, потому что, после того как Черноморский флот оказался запертым в Севастополе, обеспечивать её снабжение стало невозможно.

Результат блокады побережья не замедлил сказаться. Суда Абхазской флотилии стали массово перехватывать

турецких и английских контрабандистов. В январе 1838 года попался большой английский торговый бриг «Цезарь». Иногда, задержав, англичан вскоре отпускали, не желая ненужного дипломатического шума, какой поднялся, например, при аресте шхуны «Виксен», но хорошо давали понять, что второй раз лучше не встречаться. «Виксен», кстати, владельцам не вернули, а команду выпроводили за пределы империи. С турецкими контрабандистами поступали вообще без всяких дипломатических церемоний: их суда либо конфисковывали, если они были неплохо построены и годились для вспомогательной службы, либо уничтожали огнём артиллерии. В 1838 году царь приказал занять всё Черноморское побережье Кавказа, для чего понадобилось высадить десанты. За два года Черноморский флот осуществил восемь больших десантов, оборудовал временные пристани в построенных сухопутными войсками укреплениях, жизненно необходимые для перевозки грузов с транспортов. Но не стоит завидовать офицерам и солдатам, которые несли службу там, где сейчас расположены черноморские курорты. Кормили в гарнизонах ещё хуже, чем на кораблях. Люди жили в постоянном напряжении, окружённые внимательными и беспощадными врагами, выжидавшими только удобный момент для нападения. Вооружение укреплений составляли допотопные тульские кремнёвые ружья и чугунные пушки изготовления 1813 года, с гнилыми лафетами, которые рассыпались после нескольких выстрелов. Командовавший войсками Раевский по этому поводу писал военному министру один рапорт за другим, но они оставались без ответа.

В довершение всех бед людей изнуряли болезни, особенно малярия. О том, чтобы привезти с собой семьи, на первых порах не могло быть и речи, потому что нередко случалось, что гарнизон поста или форта полностью вырезали, не оставляя никого в живых. Прибыв к месту высадки войск, к устью реки Туапсе, Лазарев отправил на казачьей лошади своего нового флаг-офицера с секретными документами к начальнику Черноморской береговой линии генерал-майору Николаю Николаевичу Раевскому, которого историки часто путают с отцом, героем Отечественной войны 1812 года. Морской и армейский начальник прекрасно сработались, флот оказывал большую помощь войскам Раевского.

Ещё до подхода армейцев огнём артиллерии линейного корабля «Екатерина II» уничтожили все укрепления горцев в долине. Благодаря этому войска Раевского вступили в неё без потерь. Когда высаживали с кораблей десант на мыс, стрельбу из орудий пришлось прекратить, чтобы не перебить своих. Отряды местных жителей приободрились и стали оказывать отчаянное сопротивление. Однако его подавил десант, высадкой которого командовал капитан-лейтенант Владимир Алексеевич Корнилов. Бутакову Лазарев приказал принять участие в десанте, после чего поступить в распоряжение командира тендера «Луч». В десанте состоялось первое знакомство Бутакова и Корнилова. Несмотря на большое численное превосходство и поддержку корабельной артиллерии, русским войскам пришлось ещё трое суток, 12, 13 и 14 мая 1838 года, вести упорные бои с горцами, выбивая их из родного селения. С такими упорными защитниками поступали жестоко — их селения сжигали и ровняли с землёй.

На месте захваченной территории принялись немедленно строить укрепление, получившее название Вельяминовского, в честь скончавшегося в марте генерал-лейтенанта Алексея Александровича Вельяминова, предшественника Раевского. Для строительства использовали камни и дерево из разрушенных домов. Долину реки Туапсе называли в честь корабля Екатерининской. Там Бутакову довелось принять боевое крещение. По собственному признанию Григория Ивановича, никаких особых подвигов он не совершил, но и не трусил в бою.

Позже за участие в сражении мичмана вполне заслуженно наградили орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Должен сказать, что царское правительство на награды никогда не скупилось. Тендером «Луч», куда Бутакова направил служить Лазарев, командовал лихой моряк, выходец из старинного дворянского рода, лейтенант Александр Иванович Панфилов. Он принял адмиральского протеже без всякого восторга. По отзывам людей, знавших тогда обоих, командира тендера раздражал казавшийся вялым мичман с тонким, почти детским голоском (напомню, что Григорию было в ту пору лишь семнадцать лет), и он за глаза говорил о Бутакове, что ничего путного из этого юнца не получится. Однако вскоре произошло событие, заставившее лейтенанта резко изменить своё мнение. В ночь с 30 на 31 мая мая внезапно разразился сильнейший шторм, который более правильно было бы назвать ураганом. «Луч» стоял на якоре, на рейде Туапсе, в числе других тринадцати судов. Ветер, обрушившийся с юго-запада, был такой силы, что якоря не могли сдержать

его напора, все суда понесло к берегу, и в конце концов ветер и волны выбросили их на мели или на камни.

Примерно в четыре часа утра стало прижимать к берегу и тендер. Командир, чтобы облегчить судно и подальше выброситься на берег, приказал отправить за борт всю артиллерию. Волны подхватили тендер и вышвырнули на берег, покрытый галькой и камнями. Сначала морякам здорово повезло — судно повернуло палубой к берегу, и волны обрушивались на корпус тендера. Но эта радость длилась недолго. Накатившая огромная волна развернула его палубой в сторону моря. Теперь волны совершенно залили «Луч». В современных справочных материалах о волнении на Чёрном море все авторы сходятся на том, что высота волн при сильных ветрах достигает 10 и даже более метров. Шкалу, по которой определяется волнение, разработал в 1806 году английский адмирал Бофорт. Толковый англичанин хорошо потруился: даже спустя полтора с лишним столетия этой шкалой пользовалась комиссия, членом которой состоял автор, участник отработки подводного старта баллистической ракеты. Но каким именно было по шкале Бофорта волнение в ту ночь, с 30 на 31 мая 1838 года, одному богу известно. Командир приказал команде спастись, самостоятельно выбираясь на берег.

Сам Александр Иванович, как и положено капитану, покидал тендер последним, неся на себе больного матроса, о котором, кроме командира, все в сумятице забыли. Матрос не умел плавать, перетрусил и отказывался покидать судно. Тогда командир тендера схватил его за шиворот, вытащил на палубу, а затем, взвалив матроса себе на плечи, вынес на берег. В это время

черкесы решили, что настал их звёздный час: появилась прекрасная возможность расправиться с безоружными русскими, потерпевшими крушение. Сначала они пробовали их обстреливать, но ружья тогда были такие, что под проливным дождём с ураганным ветром удалось сделать лишь несколько выстрелов, не причинивших никому вреда. Тогда горцы бросились на моряков с пашками. По команде Панфилова: «Ребята, бей их камнями!», матросы и офицеры стали отбиваться камнями, и тем, что попадало под руку. Началась рукопашная схватка. Трудно сказать, чем бы она окончилась, но внимание нападавших отвлекли радостные вопли коллег, которые грабили оставленный командой и выброшенный на берег бриг «Фемистокл».

Панфилов обратил внимание на самообладание своего нового офицера, с каким тот держался во время урагана и в схватке, когда отбивались от горцев. Экипаж тендера, швыряя камни в самых настырных противников, дошёл до разлившейся от ливня реки. В обычное время реку Туапсе могла спокойно перейти вброд курица, но во время бури и непрерывного ливня она превратилась в широченный бурлящий поток. Это явление знакомо любому путешественнику или туристу, кому «повезло» хоть раз оказаться в горах во время ливневых дождей. Спасли моряков армейцы. Они сначала перебросили выстрелом из мортирки тонкий линь (верёвку), за который матросы вытащили на свой берег трос и закрепили его. Затем солдаты и офицеры на лодках переправились через реку, удерживаясь за трос.

Когда экипаж тендера оказался в безопасности, командир проверил личный состав. Оказалось, что из

48 человек экипажа утонули при переправе с тендера на берег двое, одного матроса зарубили шашками черкесы, четыре человека, как пишут теперь в полицейских протоколах о происшествиях, имели ранения разной степени тяжести. У экипажей других судов потери были более значительными. Погода постепенно наладилась, и тогда войска из Вельяминовского укрепления отогнали горцев от судов. Тендер частично отремонтировали своими силами. С помощью пароходов его стащили на воду, а затем на буксире отвели в Николаев. Личные вещи экипажа, естественно, пропали, но судовое имущество удалось спасти. Докладывая по своей линии военному министру, генерал-майор Раевский писал: «Я не моряк, но следующие рассуждения принадлежат всякому: если бы из 13 судов, здесь стоявших, спаслось хотя бы одно, то можно было бы подумать, что другие не приняли должных мер для спасения — но они все погибли...» Раевский прекрасно знал, что министр немедленно поспешит с его рапортом к царю, и, как очевидец трагедии, поддержал адмирала Лазарева, которому предстояло держать ответ за гибель такого количества судов. Николай I был человеком суровым, мог и не посмотреть ни на какие заслуги.

Потеря тринадцати судов — это не шутка. Поэтому Лазарев со своей стороны постарался как можно убедительнее и красочнее описать в рапорте причины случившегося несчастья. Позже он разберётся с тем, что следовало сделать командирам для уменьшения потерь от разбушевавшейся стихии, а пока докладывал своему начальству: «Бедствие, постигшее мелкие суда наши на рейде Туапсе, есть одно из тех происшествий, которые случаются чрезвычайно редко, и которые превосходят почти всякое

вероятие. По действию, которое буря имела на суда наши, снабжённые и управлявшиеся наилучшим образом, видно, что ураган свирепствовал с необыкновенной жестокостью, и что огромное волнение, отражавшееся от берегов, кипело, как в котле. Оно, по-видимому, вливалось в таком количестве, что не успевало уходить в открытые порты и тяжестью своей подавляло суда вниз так, что они не могли с необыкновенной лёгкостью подыматься на волнении...»
Описав фатальность трагедии, вице-адмирал подчеркнул, что командиры действовали правильно и во время гибели судов, и при спасении людей.

В этой части рапорта нам интересно, как он оценивал действия личного состава судна, на котором находился Григорий Бутаков: «Суда погибли, но действия и распоряжения командиров в опасностях, которые их окружали, заслуживают особого внимания, в особенности лейтенанта Панфилова, который в бурю, выплывя с командой на берег противу толпы вооружённых и стреляющих из ружей черкес, прочистил себе дорогу ничем другим, как отражая нападения их камнями и обломками вёсел. Впрочем, воинственный дух всей этой горсти людей, составлявших команду тендера “Луч”, всегда был замечен, и трудно было найти военное судно в лучшем порядке». Получив информацию от военного министра и выслушав доклад начальника главного штаба адмирала Меншикова, царь согласился с тем, что моряки действовали правильно. Он распорядился выплатить офицерам и матросам компенсацию за погибшее личное имущество в размере полугодового жалованья и приказал Лазареву принять меры по восстановлению тех судов, которые можно было ещё спасти.

Позже моряков, переживших ту ужасную ночь, наградили. Бутакову за мужественное поведение вручили орден Св. Станислава 3-й степени, чему Григорий Иванович очень обрадовался. Но потом, когда выяснилось, что наградили «оптом» всех, кто имел несчастье оказаться во время бури на судах эскадры, его восторг угас. Люди вели себя в критическую минуту по-разному, не все оказались героями. Григорий обиженно написал Алексею: «...если бы я во время бури прятался в кубрике, чтоб меня не смыло с палубы, или не задело пулей-дурою, то и тогда я получил бы его (орден)». Но, как бы там ни было, молодой офицер получил, почти одновременно, две боевые награды. Контр-адмиралу Бутакову было не стыдно за своего сына перед Лазаревым и сослуживцами. Командиры и сослуживцы пристально присматривались к мичману, но и он критически оценивал окружающих.

Нельзя сказать, чтобы все люди, с которыми он общался, вызывали у него восхищение. Когда Алексей спросил совета младшего брата, стоит ли ему просить перевода на Черноморский флот, Григорий ответил: «...как бы ни приятно было бы мне, чтоб ты служил в одном со мною флоте, не советую, если могу советовать, переходить сюда. Трудно, почти невозможно, ужиться почти со всеми командирами, через которых можно бы выбраться на ветер. Все они чудные моряки, каких от души желаю более, русскому флоту, но капризны, вздорны, дерзки до чрезвычайности, и, правду сказать, почти нельзя обращаться с “черноморами” иначе, как с матросом, потому что, как редки минуты истинного счастья для человека, так редки здесь образованные люди. Далее, зачем упустишь ты на ветер репутацию, которую

ты заслужил в том флоте, и которая даром достаётся, да не нашему брату». Честолюбив был Григорий Иванович. Искал таких командиров, какие будут помогать ему двигаться вверх по служебной лестнице. Да и к товарищам по службе относился свысока, хотя и скрывал своё отношение. Он поздравил брата с успехами в литературных трудах, которыми тот мог спокойно заниматься зимой, и предупредил его, что такой вольготной жизни у черноморцев нет в связи с зимним крейсерством у абхазских берегов. Зимнее крейсерство парусников в районе нынешних курортов в те времена можно смело назвать каторжным.

На Чёрном море поздняя осень и зима — время сильных штормов. Паруса и снасти покрывались льдом, матросы срывали ногти, работая с мокрыми заледенелыми парусами, иногда, не удержавшись, падали с мачт на палубу или в море, и то и другое было верной смертью. Кормили на кораблях отвратительно. В штормовую погоду питались всухомятку, горячую пищу не могли приготовить из-за невозможности развести огонь в камбузе. Конечно, у офицеров еда была лучше, они покупали кое-что для себя дополнительно, да и в свободное от вахты время имелась возможность выпить горячего чая в кают-компании под аккомпанемент ледяных капель, падавших с отпотевшего потолка. Без водки опостылевшая солонина не лезла в горло. Правда, и водка, именовавшаяся остряками «трюм-вейн», была не лучше: желтоватая, с сильным и едким сивушным запахом. Питьевая вода хранилась в водяном трюме. Пресной воды всегда не хватало, портилась она очень быстро. Умывались забортной водой. Эту радость знают

те, кто сам умывался, мылся и стирал матросскую робу в морской воде.

Офицерские каюты имели спартанскую обстановку, на их оборудовании экономили. Проветривались они плохо, несмотря на устанавливаемые виндзейли (специальные рукава из парусины, через которые шёл воздух с верхней палубы), зато простуда от них гарантировалась. Воздух в каютах был наполнен запахами сивушного масла, табака, плохо очищенных длинных чубуков курительных трубок, которые были тогда в моде, смолёных тросов и невымытых тел. В матросских кубриках непривычный человек вообще мог потерять сознание от духоты и нестерпимого зловония. Морскую офицерскую форму того времени придумал какой-то человек, которому самому носить её не грозило, настолько она была неудобная, какая-то кургузая, с фалдочками сзади. По аналогии вспомнил приключения российской формы, когда министр обороны, получивший образование и опыт по мебельной части, пригласил модельера, создававшего фасоны для дам нашей элиты, и тот переключился на фасоны для военных. Хорошо хоть, что в плавании разрешали надевать фуражки вместо дурацких чёрных киверов с медными орлами.

Офицеры подбивали свои сюртуки каким-нибудь дешёвым мехом суслика, белки, зайца, иногда и просто ватой, носили галоши. От дождя защищались зюйдвестками и плащами из смолёной парусины. У матросов не имелось и таких возможностей. Зюйдвестки и плащи выдавали только вахтенным. Работать в них на мачтах было неудобно и опасно. Все были простужены, покрывались болячками, фурункулами. Ко всему этому

добавлялись ежедневный мордобой и порка линьками за самые незначительные проступки. При адмирале Лазареве — нашей гордости, выдающемся моряке, о котором положено говорить только с придыханием, обучение и служба матросов были поставлены так, что многие новобранцы не выдерживали условий корабельной жизни и умирали. Выживали лишь наиболее крепкие люди, происходил, язык не поворачивается это произнести, естественный отбор. Зато из оставшихся в живых создавали великолепные команды, прославившие себя в Синопском сражении и на севастопольских бастионах, как говорится, мы за цену не постоим.

Как-то уж очень часто это повторялось в отечественной истории. Смертность на Абхазской эскадре была самой высокой в Черноморском флоте. Иногда умирали целые команды. В море находились неделями. Когда появлялась возможность сойти на берег в местах, где стояли русские гарнизоны, радостным пребывание на берегу назвать было трудно. Ряды малочисленных защитников фортов и постов косили, как и моряков, малярия и другие болезни. Развлечений никаких, женщин не было. Оторванность от семей, общества, жизнь в тяжелейших условиях служили причиной всеобщего пьянства. Флотское командование, чтобы сократить потери личного состава, разделило отряды Абхазской эскадры на три смены, но обстановка постоянно вынуждала привлекать для высадки десантов и крейсерства большое число судов, и заметного облегчения матросам и офицерам эта мера не принесла. Григорию Бутакову, на его счастье, в Абхазской эскадре плавать долго не пришлось, в отличие от его младших братьев, Ивана, Дмитрия и Владимира,

которым довелось сполна испытать все прелести службы у кавказских берегов. Да и зря мичман обижался, что всех наградили «чохом». Начальство его не забыло: он получил даже не полугодовой, а годовой оклад жалованья, а главное, был назначен в октябре 1838 года на шхуну «Ласточка», идущую в заграничное плавание.

Судя по наградам, Лазареву понравился сын его старого друга и сослуживца. Заграничное плавание считалось тогда такой же большой удачей, как и во времена Советского Союза: во-первых, интересно и познавательно побывать в других морях, посетить разные страны, а во-вторых, денежное содержание при плавании за границей было выше, чем при плавании во внутренних водах. Одно дело получать надбавку за крейсерство вдоль необжитого Черноморского побережья, а другое — ещё большую надбавку, плавая по поручениям русских посланников, посещая места истоков человеческой цивилизации.

На денежную помощь из дома братья Бутаковы никогда не рассчитывали. «Наши живут в Николаеве ни бедно, ни богато, но в удовольствии. Всякое воскресенье папа обедает у Михаила Петровича (Лазарева. — *Примеч. авт.*), а часто и маменька с Сашей. Дяденька живёт открытее, у него по вторникам собираются играть в карты», — сообщал Григорий своему старшему брату. Принимать гостей у себя дома, вести светский образ жизни влекло за собой значительные расходы, но без этого было не обойтись — надо же знакомить дочерей с потенциальными женихами! Немало денег тратилось и на образование девушек, которых посылали учиться в Петербург, Киев или Москву. Делалось это опять-таки

для повышения статуса невесты. Отрывок из письма Григория в 1838 году: «Саша — очень миленькая девочка, и серьёзная петербургская барышня, или “баришня”, как здесь произносят. Говорит, что один уланский офицер играл с ней вдвоём на фортепьяно». И затем с грустью добавляет: «Только, кажется, он ищет не только жены, а приданого и жены».

Унизительное чувство постоянной нехватки денег доставило немало горьких минут Григорию Ивановичу. Память о пережитом скандале в доме дяди, о положении бедного родственника навсегда осталась с ним. Несколько месяцев, которые Григорий Бутаков провёл в Севастополе в ожидании назначения, для него не пропали даром. Немецкий и французский он знал с детства благодаря матери. Теперь же мичман принялся изучать английский язык. Он стал частым посетителем морской библиотеки, брал учебники и книги на английском языке.

Ещё не зная о своём назначении, Бутаков готовился к заграничному плаванию, не без оснований считая, что при выборе кандидатов получит преимущество за знание иностранных языков. Лингвистические способности у него были хорошие. Вскоре Григорий принялся изучать итальянский язык. В этом отношении на него большое влияние оказывал Алексей, которому тоже легко давались языки. Однако какие бы способности ни были у человека, за всем этим всегда стоит большой труд. Попасть в заграничное плавание мечтали все, только вот мечтается всем всегда легко, а упорно трудиться для осуществления своей мечты способны, увы, немногие. В этом месте многие читатели захотят ещё добавить, что неплохо иметь к тому же влиятельных

друзей или родственников, и будут, без сомнения, правы. Библиотека в те далёкие времена служила основным источником знаний. Не зря Михаил Петрович Лазарев вложил столько сил в создание великолепной морской библиотеки, о чём мне хочется когда-нибудь рассказать в отдельном очерке.

Помимо приобретения знаний, существовала и ещё одна цель у Григория Ивановича. В библиотеке имелась возможность завязать полезные знакомства. Мичман, в отличие от большинства своих товарищей, сидевший по вечерам с книгами и учебниками, а не за столиком с водкой в одном из многочисленных питейных заведений, был, конечно, замечен старшими по службе. Комитет директоров морской библиотеки состоял из самых авторитетных командиров Черноморского флота, фамилии которых знакомы любому, интересующемуся историей отечества и российского флота: адмиралы и капитаны 1-го ранга Нахимов, Вукотич, Корнилов, Матюшкин, Новосильский, Метлин, Юхарин. Бутакова, по предложению Корнилова, назначили в ревизионную комиссию библиотеки. Комиссию составили из наиболее образованных, подающих надежды молодых офицеров. В ней Григорий Иванович работал вместе с молодыми лейтенантами и мичманами, Лесовским, Шестаковым, Поповым. Они знали друг друга ещё по Морскому корпусу, хотя и учились на разных курсах. Библиотека свела их вместе, и молодые офицеры подружились. Пройдут десятилетия. Юные мичманы и лейтенанты станут заслуженными, убеждёнными седидами адмиралами и... лютыми врагами. Такими они и уйдут из жизни, никогда не примирившись друг с другом. Грустный финал.

Перед началом плавания шхуна зашла в Одессу, там командир получил «звонкой монетой» денежное содержание на экипаж и на судовые надобности. Из Одессы Григорий 23 сентября послал Алексею огромное письмо, как он писал, «не письмо, а настоящее письмище. Желаю от души, чтоб оно дошло, потому что такого я, верно, не скоро соберусь написать другой экземпляр. В нём ты увидишь почти всё подробно, что со мной было в Черномории...». Чаще, чем с другими членами семьи, Григорий общался в письмах со старшим братом, правда, с годами письма стали реже. Молодой офицер не мог радоваться, что своими глазами видит страны, о которых раньше только читал, поэтому, называя в письмах порт стоянки шхуны Пирей, никогда не забывал добавить — «7 вёрст от Афин». В том порту он встретил Ивана Шестакова. Иван Алексеевич служил на корвете «Ифигения» (боевые суда Черноморского флота, непонятно почему, называли именами героев и героинь греческих мифов). С деньгами у обоих было не густо, поэтому Бутаков был очень доволен, когда узнал от приятеля, что наиболее дешёвые книги можно купить во Флоренции. Он собирался приобрести книги Байрона, Шекспира, Шиллера и других авторов, которые ему нравились. Из английских писателей Григорий увлекался тогда Фредериком Марриатом. Этот автор в своё время был лихим моряком, искателем приключений. «Ласточке» предстояло посетить Мальту, а затем Ливорно, откуда Бутаков мог за день добраться до Флоренции.

Из Греции мичман написал родителям о своих недавних турецких впечатлениях. Открытие того, что Стамбул — город контрастов, принадлежит вовсе не герою

кинофильма «Бриллиантовая рука», а Григорию Бутакову: «..любовался неописано прелестным видом Стамбула со стороны пролива, и видел, как гнусен он внутри, где подле часового мастера или модного магазина, режут баранов или продают рыбу пелаמידу. Получал толчки от встречного и поперечного, потому что в этих узких улицах глупый турок идёт, и не дует себе в ус». Поразил моряка и вид турецких фрегатов, на которых «по грот-штагу (снасть стоячего такелажа. — *Примеч. авт.*) развешена баранина, чтоб с неё стекала кровь». По переписке чувствуется, что Григорию Ивановичу были свойственны ироничность и чувство юмора. Вот, например, как он описывает встречу с русским посланником: «Когда мы вышли из карантина, к нам приезжал наш посланник, и капитан представлял нас ему, сказавши обо мне, что я “сын Ивана Николаевича Бутакова, если изволите помнить, ваше превосходительство”, и Катакази сказал — “А”, а консул Попергопуло сказал: “А, Ивана Николаевича?!”».

За время заграничного плавания на шхуне побывали многие иностранные посланники, команда утомилась салютовать им из орудий. Английский посол в Турции, сам бывший моряк, не преминул подпустить шпильку, заметив, что шхуна отделана с такой исключительной роскошью, что на потраченные деньги в Англии можно построить линейный корабль. Молодой офицер старался рассеять сомнения, возникшие в его душе, и, описывая этот эпизод родителям, сослался на авторитет Лазарева: «Михаил Петрович говорил, что шхуна стоит 80 тысяч, только на кораблях белую полосу красят извёсткой, и всякое утро поправляют её, и потому они из зависти говорят, что это лишнее. Англичане щеголяют только

скоростью маневров, тогда как русские щеголяют и отделкою самого судна, и быстротою действия. Да здравствует Российский флот и Россия!» Больше подобный пафос в его письмах мне ни разу не встретился. Служба на шхуне в Средиземном море после пребывания на Абхазской эскадре казалась раем. Всё-таки иногда неплохо быть сыном вице-адмирала, который по воскресеньям обедает в доме главного командира Черноморского флота и портов. «Ласточка» выполняла различные поручения русского посольства в Греции. К Греции в отечестве всегда было особое отношение.

В России не забывали, что христианство и многие его традиции пришли от греков. Первыми просветителями славян были также греки, братья Кирилл и Мефодий. Но вся эта историческая лирика использовалась для маскировки главного — стремления правителей России обосноваться в Средиземном море, чему мешало владение турками проливами. Ясно, ради чего христианской Греции придавалось такое большое значение в русской внешней политике. Царское правительство много потрудилось, способствуя созданию в девятнадцатом веке греческого государства. Первым его правителем стал граф Иоаннис Каподистрия, бывший статс-секретарь и фактически некоторое время министр иностранных дел России. Не приходится удивляться, что его политика было пророссийской. Но в Греции переплелись интересы многих держав. Каподистрия убили, после чего между Россией, Турцией, Англией и Францией началась борьба за влияние на греческое правительство. Конечно, Григорий Иванович, по молодости лет и незначительности своего служебного положения,

был далёк от высокой политики, другие вещи, более земные, занимали его ум.

Плавание по Средиземному морю казалось необременительным: тёплый климат, мирный характер поручений, который выполняла шхуна. Это позволило Бутакову приобрести морской опыт в благоприятных условиях, практиковаться в иностранных языках, расширять свой кругозор, посещая старинные средиземноморские города и знакомясь с культурой и историей различных стран. С профессиональной точки зрения много дали встречи с иностранными моряками и осмотр их судов. Внимательный глаз всегда ведь увидит что-нибудь полезное. После заграничного плавания Григорий Иванович получил назначение командиром тендера «Поспешный». Это было одномачтовое посыльное и разведывательное маленькое судно. Но суть не в размерах, а в должности. Бутаков стал командиром судна, и это стало первой существенной ступенькой в продвижении по службе.

Плавание на тендере вдохновило его написание своей первой статьи для «Морского сборника». Она называлась «Несколько слов о тендерах и управлении ими». Ему было на кого равняться в литературном творчестве, но подписаться своим именем он не решился. По статье чувствуется, что молодой офицер ещё полон романтики: «...тендер должен быть боек, ловок и легок, как мысль: вечно готовый пуститься к указанной цели, обреченный на всегдашнюю деятельность, даже в минуты отдыха в море он обязан быть настороже и по первому знаку вспорхнуть, как птица! ...тендер выходит на рейд, но не для того, чтобы красоваться, как яхта, или ожидать посетителей, не стоять ради эффекта (его могут даже и

не заметить), — а для того, чтобы быть готовым ежеминутно сорваться с цепи и лететь, куда толкнет его воля начальника. Едва успела команда тендера оправиться, как уже зловецкие вымпелы летят к клотику флагмана. Подвижный командир тендера несется к кораблю начальника — и неожиданно получает приказание: перебросить пару слов на какие-нибудь сотню миль!»

Его приятель Иван Алексеевич Шестаков также был назначен командиром тендера «Скорый». Двум молодым командиром адмирал Лазарев дал очень важное поручение. Точные записи и промеры на Чёрном и Азовском морях производились с 1825 по 1836 год под руководством капитана 1-го ранга Егора Павловича Манганари. На основании его трудов издали атласы этих морей. В 1845—1848 годах, по договорённости с турками, Манганари производил опись турецких берегов. Оставалась ещё недостаточно обследованным побережье Чёрного моря от Босфора до Дуная. Вот эту задачу Лазарев и возложил на двух молодых командиров, Бутакова и Шестакова. Замечу попутно, что некоторым историкам, которым то ли хотелось возвеличить роль Бутакова и Шестакова в области гидрографии, то ли фамилия основного исследователя не понравилась, зачем-то написали о Манганари в уничижительном тоне. Между тем это был очень достойный и знающий офицер, смелый моряк, к которому, по воспоминаниям, хорошо относились сослуживцы. Можно не сомневаться, что немалое значение при выборе кандидатов для такой почётной миссии сыграли дружеские отношения Лазарева с их отцами. Оба офицера прекрасно понимали, насколько дальнейшее продвижение по службе

каждого из них зависит от того, как будет выполнено столь ответственное поручение. Бутаков и Шестаков начали с изучения, как бы сейчас сказали, нормативной документации.

В Морском корпусе, конечно, давали понятия, как производить опись. Но для выполнения такого задания общими понятиями не обойтись, требовалось влезать в подробности и детали. Влезли. Подготовка и консультации заняли немало времени. Из архивных документов не видно, чтобы Лазарев ограничил их жёсткими сроками. Оба командира не горели желанием поскорее отрапортовать начальству о выполнении задания. Во-первых, не забывали старинную мудрость: все забудут, что ты быстро сделал работу. Но если она будет выполнена плохо, то это запомнится надолго. А, во-вторых, в этом поручении имелась и приятная сторона — их никто не дёргал с неожиданными заданиями. Они сами планировали свою работу.

Пока другие утюжили море у кавказских берегов, занимаясь обеспечением боевых действий войск, Бутаков и Шестаков неторопливо выполняли гидрографические работы, на что у них ушли три года, срок для человеческой жизни немалый. Неторопливо шла переписка с министерством иностранных дел, ведь не полезешь в чужие воды без разрешения, поэтому командиры тендеров описывали родные берега. Турки наконец не только дали согласие на ведение описи в своих территориальных водах, но и выделили в помощь два военных брига. Их командиры попутно присматривали за русскими. Большую часть работы пришлось выполнять Бутакову, потому что у Шестакова всё время происходили какие-то непри-

ятности: то тендер на мель посадил, то лечиться на воды поехал, потом продолжал курс лечения в Константинополе. В 1847 году Бутаков получил за отличие по службе орден Св. Анны 3-й степени.

Такие награды шли по разнарядке для офицеров, которые хорошо несли службу. Опись Чёрного моря командиры тендеров завершили 10 сентября 1850 года. Вместо смертельно больного Лазарева флотом фактически командовал начальник штаба Владимир Алексеевич Корнилов. Он высоко оценил проделанную работу и приказал передать все рабочие материалы гидрографам. Авторы получили щедрые награды. Бутакову досрочно присвоили звание капитан-лейтенанта и вручили царский подарок — перстень с бриллиантом. На следующий год гидрографический департамент издал «Лоцию Чёрного моря с 36-ю литографированными планами портов». Но как бы удачно ни складывалась служба, корабельный офицер всегда должен быть готов получить взыскание. Получил свой «фитиль» и Бутаков от командира Севастопольского порта вице-адмирала Степана Петровича Хрущева за отвратительный почерк.

За что только не наказывают командиров! Возмущённый адмирал в приказе написал: «...начальная буква фамилии более имеет вид ракушки, чем литеры “Б”, почему предписываю вашему благородию на будущее время, при подписи бумаг по службе, означенный приказ главного командира № 570 исполнять без отступлений» (адмирал Лазарев отдал в своё время приказ «О разборчивости в письме». — *Примеч. авт.*). Я совершенно искренно разделяю гнев почтенного адмирала, поскольку сам немало намучился в архиве с разбором

почерка Григория Ивановича. Увы, таким недостатком страдали многие выдающиеся личности.

К началу пятидесятых годов Бутаков приобрёл известность, как один из наиболее образованных офицеров форта. Неформальное общение в библиотеке с видными командирами Черноморского флота не только расширяло кругозор, но и вводило в их круг, что также способствовало будущей карьере. Недаром в письме Корнилова адмиралу Лазареву, написанному в 1846 году с представлением исправленного по замечаниям адмирала перевода английского «Артиллерийского учения», автор, опасаясь пропусков, спросил: «Нельзя ли будет поручить Шестакову или Бутакову прочесть потом с Поспеловым. Они, конечно, это сделают аккуратнее других». В марте 1851 года Бутаков получил неожиданное, весьма лестное, но вполне заслуженное назначение командиром строившегося в Англии буксирного парохода «Дунай». Ему предстояло произвести приёмку готового парохода и привести его в Николаев. В дальнейшем судно предполагалось использовать на Дунае для буксировки гребных судов Дунайской флотилии. Говорить о том, что Николай I и командование Черноморского флота, в частности адмирал Лазарев, не сознавали, что флот следует оснащать паровыми судами, просто несерьёзно. Все всё прекрасно понимали. В докладной записке Корнилова от 6 мая 1853 года упоминается, что Николай I приказал строить только винтовые суда. Не знаю, кто придумал и другую, без конца повторяющуюся в учебниках и исторических трудах басню о том, что передовые русские адмиралы стремились создать паровой флот, а косное правительство тому мешало.

Никто им не мешал. Просто страна ужасающе отставала от западных держав в техническом отношении. При всеобщем понимании этого обстоятельства делалось очень мало, чтобы создать собственное современное судостроение. Когда изучаешь историю, то создаётся впечатление, что политические деятели в Российском государстве всегда были заложниками того самого общественного строя, который сами же создавали и поддерживали. Торговые интересы побуждали установить пароходное сообщение с Константинополем. Правительство способствовало созданию Черноморского пароходного общества, и даже предоставило ему льготы, освободив от некоторых платежей. Вопрос упирался, как обычно, в отсутствие денежных средств. Их хватало на многое, например на щедрое содержание царского двора или Священного Синода, но только не на строительство судостроительных предприятий. На царский двор и многочисленные резиденции царей у нас всегда находились деньги, эта традиция живуча и поныне.

В 1841 году Николай I утвердил заказ в Англии пароходо-фрегатом «Крым», «Одесса», «Херсонес» и «Бессарабия». Они предназначались и для коммерческого, и для военного использования. Сейчас эти пароходики показались бы нам очень маленькими, водоизмещение у них было, как у тральщика. Однако тогда они смотрелись весьма солидно. Оснащение русского коммерческого и военного флота паровыми судами велось давно, начиная с 1820 года. Но всё происходило черепашьими темпами. Сначала строили сами в Николаеве, Петербурге, Одессе. Затем стали заказывать пароходы в Англии, потому что качество постройки английских судов было намного

лучше, а стоили они дешевле. Лишь в сентябре 1852 года в Николаеве заложили 135-пушечный винтовой корабль «Босфор». Потом, правда, спохватились, что слишком вызывающе звучало имя линейного корабля, и посему его переименовали, после знаменитого сражения, в «Синоп». В августе 1853 года там же, в Николаеве, заложили второй однотипный корабль «Цесаревич». Они простояли на стапелях всю Крымскую войну, достраивали суда уже после войны, а после спуска на воду их пришлось, по условиям Парижского мирного договора, отправить на Балтику. Крымскую войну парусный Черноморский флот встретил эскадры союзников, укрывшись в Севастопольской бухте и преградив вход в неё своими же затопленными кораблями.

В 1846 году Лазарев отправил в Англию капитана 1-го ранга Владимира Алексеевича Корнилова руководить офицерами-черноморцами, контролировавшими постройку и вооружение пароходов для Черноморского флота. Кроме того, ему предписывалось собирать сведения об английском военно-морском флоте. Этой работой он занимался в течение двух лет. Отвлекаясь несколько в сторону, замечу, что и современному российскому флоту полезно было бы перенять этот опыт: производить постоянную ротацию военных представителей, которых следовало бы назначать из опытных флотских офицеров, предварительно подготовив их на курсах в Военно-морской академии. Разумеется, для реализации такого предложения потребуются служебные квартиры на местах и создание соответствующих курсов в академии. Но зато избавимся от коррупции, разъедающей военные представительства. Может быть,

тогда перестанут тонуть подводные лодки, а ракеты начнут летать в ту сторону, какая требуется.

До Корнилова приёмкой первых пароходов занимался капитан-лейтенант Александр Игнатьевич Швенднер. Затем он плавал в качестве командира на одном из них. Тот самый Швенднер, с которым Григорий Иванович так жестоко и, как позже выяснилось, несправедливо расправился после Крымской войны. Командировка Бутакова в Англию послужила трамплином для его дальнейшего продвижения по службе. Григорий Иванович отправился в Лондон сухим путём через европейские страны. Сначала на его пути была Вена, где он собирался навестить адмирала Лазарева, которого безуспешно пробовали спасти австрийские врачи.

К моменту приезда Бутакова Лазарев скончался, и Григорию Ивановичу довелось участвовать в отправке на родину тела адмирала. В Вене он встретил брата Ивана, сопровождавшего тело адмирала в составе почётного караула. В столице Австрии в русском посольстве ему передали письмо от сестры Анны. Та писала, что все ждут от него известий о здоровье Лазарева. В Николаеве ходили по этому поводу печальные слухи. Написала Анна и о неудаче, постигшей самого младшего брата. Владимир, уже мичман, тоже служил на Чёрном море. «Вообрази, — писала Анна, — бедный наш ошибся в расчёте попасть в заграничную компанию. Комплект офицеров везде полный, к Лесовскому назначен Ильинский. Володя предполагал к Степану Степановичу (Лесовскому. — *Примеч. авт.*), вот будет досадовать на судьбу».

В Англии Бутаков поселился в одной квартире со старым приятелем Иваном Алексеевичем Шестаковым

и с бывшим адъютантом Лазарева капитан-лейтенантом Платоном Юрьевичем Лисянским, который по заданию Михаила Петровича заказал пароходы для Чёрного моря. Жить в одной квартире было экономней, оставалось больше денег на еду и покупку разных вещей. Командировка Григория совпала по времени с командировкой брата Алексея в Швецию. Братья часто обменивались письмами, Европа — не Россия, письма доставляли быстро. В середине сентября 1851 года заводское начальство уведомило Григория Ивановича о проведении ходовых испытаний парохода на Темзе. Испытания показали, что пароход имеет более глубокую осадку, чем было задано при его строительстве. Осадка судна определяла возможность плавания его по Дунаю, поэтому Бутаков немедленно доложил о выявленном отступлении по команде, но получил в ответ приказ завершить приёмку в кратчайшие сроки, принять командование судном и следовать на нём в Николаев. Несмотря на большую занятость на заводе, Григорий Иванович умудрился написать статью о компасах, «A Russian Mariner's Compass», и отправил её в морское издание «The Nautical Magazine and Naval Chronicle». Статью опубликовали в декабре. Это издание есть в Центральной Военно-Морской библиотеке в Инженерном замке. Особенно дотошные читатели могут ознакомиться со статьёй, что в своё время автор и сделал. Ничего революционного в ней нет, но флотское начальство наверняка для себя ещё раз отметило, что офицер Бутаков — думающий. Побывал он и на балу в Букингемском дворце. Приглашение русским офицерам прислали через посольство. Англичанки, судя по

всему, не произвели большого впечатления на русского офицера, хотя некоторые его коллеги впоследствии обзавелись жёнами с туманного Альбиона. Совершить впервые плавание на маленьком парходике, водоизмещением всего 262 тонны, по Бискайскому заливу и далее по Средиземному и Чёрному морям в осеннее время потребовало большого напряжения от командира. Команду набрали с бору по сосенке, поэтому ухотребовалось держать остро.

Тем не менее «Дунай» благополучно добрался до Одессы, а оттуда прибыл в Николаев. Начальство осталось довольным. Григория Ивановича назначили с повышением командиром брига «Аргонавт», но командовал им он недолго. Через пять месяцев его снова перевели на «Дунай» командиром. Со стороны могло показаться, что это понижение по службе, но только незнающему человеку. Начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал Корнилов разыгрывал многоходовую кадровую перестановку. В 1852 году на Черноморский флот прибыл император, чтобы лично убедиться в его боеготовности. Из Николаева царь перешёл в Севастополь на пароходо-фрегате «Владимир», лучшем пароходе Черноморского флота. Командовал им Николай Андреевич Аркас, который участвовал в контроле за строительством «Владимира», а потом сделал его образцовым боевым кораблём. Переход царя состоялся в благоприятных погодных условиях, ему всё понравилось, и царская благодать пролилась на командира. Аркасу досрочно присвоили звание капитана 2-го ранга, назначили в свиту и перевели служить в Петербург в Гвардейский экипаж. Словом, ухватил Николай Андреевич за хвост

птицу счастья завтрашнего дня. Видимо, Корнилов предполагал что-то подобное, потому, когда встал вопрос о назначении нового командира «Владимира», Бутаков оказался лучшей кандидатурой — командовал разными судами, в том числе бригом, а главное, пароходом. Владимир Алексеевич Корнилов следовал политике своего учителя Лазарева — создавал на флоте ядро хороших командиров, которые к тому же будут всегда помнить, кому они обязаны своей карьерой. 3 декабря 1852 года назначенный командовать «Владимиром» Григорий Бутаков вошёл в элиту черноморских командиров.

Нужно сказать, что командиры пароходов, совершавших плавания у кавказских берегов и в Константинополь, получали наиболее высокое денежное содержание. Ещё при жизни Лазарева по предложению Корнилова хороших командиров и старших офицеров больших парусных судов, обременённых семейством, посылали на год или на два командовать пароходами, чтобы те могли поправить свои денежные дела. Таким образом, командование Черноморского флота удерживало на службе опытных и толковых моряков. Пароходо-фрегат входил в состав 5-й флотской дивизии, начальником которой был вице-адмирал Павел Степанович Нахимов. «Владимир» базировался в Севастопольской бухте. Теперь Григорий Бутаков постоянно был на виду у флотского командования. Севастополь моряки любили больше, чем Николаев. Город, раскинувшийся по берегам прекрасной бухты, был очень красив. Улицы в центре — широкие, прямые. На Екатерининской площади по вечерам играла музыка. Улица Морская — хорошие дома, палисадники, сады. Морская и Екатерининская улицы сходились на

Театральной площади. Там построили красивый театр, устроили фонтан.

Две главные улицы опоясывали городскую гору. Когда я пишу эти строки, то думаю о том, как мне повезло в своё время пожить и на одной, и на другой исторических улицах. В красивых домах с палисадниками и садами росли персики, миндаль, черешня, летом от солнечного зноя прохожих укрывала тень акаций. На Екатерининской площади располагался дворец, в котором останавливались царь и высшие петербургские и николаевские начальники. Батареи Александровская, Константиновская, Михайловская, построенные из белоснежного инкерманского камня, тоже украшали город. На Павловском мысу красовались Павловская и ещё три большие, тоже каменные, батареи. В Южной бухте находилось адмиралтейство, величественные каменные казармы, сухие доки, водопровод. А на Городском холме высилось роскошное здание библиотеки. В 1852 году в Севастополе насчитывалось 46 тысяч жителей и свыше 2500 домов. На Корабельной стороне и на окраинах в домиках, построенных из ракушечника, жили матросские и солдатские семьи, городская беднота. Ракушечник — это жёлтый камень из мелких ракушек и обломков моллюсков, когда-то находившихся на дне моря. Тогда он был очень дешёвым материалом.

Пароход — не парусный тендер, который можно гонять по делу и без дела. Каждое плавание требовало расхода угля, стоившего немалых денег. Каким ветром занесло Бутакова в село Щербань 10-го кавалерийского округа Новороссийских военных поселений, я так и не докопался. Но в результате его пребывания в тех краях в

штабе Черноморского флота появилось дело «Об открытии капитан-лейтенантом Бутаковым месторождения каменного угля...». Найти месторождение каменного угля в месте, удобном для доставки его к берегу Чёрного моря, было событием большой важности.

Как выяснилось, Григорий Иванович сам с киркой и лопатой на поиски антрацита не ходил, а просто оказался внимательным слушателем рассказов сельских жителей, давно топивших свои печи углём, в правдивости чего он убедился лично. Бутаков доставил в Николаев образцы угля.

Главный командир Черноморского флота и портов адмирал Мориц Борисович Берх организовал совместную комиссию из представителей флота и департамента военных поселений, для проверки открытия. Члены комиссии, капитан 2-го ранга Николай Андреевич Аркас, оказавшийся тогда в Николаеве и которого быстро приставил к делу Берх, и вольнонаёмный механик англичанин Витворт, побывали на «месторождении». После поездки они доложили адмиралу, что уголь есть, но его мало. Оказалось, что ещё в 1849 году инженер военных поселений подпоручик Ковалевский, имевший специальное образование по горной части, искал каменный уголь по берегам Буга, но обнаружил лишь незначительные запасы. Требовались специальные средства и силы, чтобы вести более широкую разведку. Берх, не без оснований, рассудил, что флоту нужно заниматься более близкими по профилю делами, и «открытие» капитан-лейтенанта благополучно оставили пылиться в архиве, ждать, когда на эту папку набредут пытливые «рудознатцы» отечественной истории, к коим относит себя и автор этой книги, стряхнувший с папки

вековую пыль. А капитан-лейтенант Бутаков вернулся к своим прямым обязанностям командира корабля и занятиям боевой подготовкой. Каждый должен заниматься своим делом. Посещение Николаем I Черноморского флота для проверки его боеготовности более правильно было бы назвать ознакомительной поездкой. Понятное дело, что всё командование флота стояло, как говорится, на ушах.

Вице-адмирал Станюкович, командир Севастопольского порта, на всякий случай сказался больным, о чём подал официальный рапорт. Подальше от царей — голова целей. Отдуваться за него пришлось Корнилову. На всех судах флота занялись наведением блеска на всё, что могло блестеть. Скребли и драили палубы, и, на всякий случай, отрабатывали действия по снятию с якоря: царь собирался проверить готовность судов флота к перевозке 5-го армейского корпуса из Николаева в Севастополь. Меншиков предупредил Корнилова, что император будет проводить церемониальный смотр на рейде, а на смотр в море у него нет времени. Матросов и офицеров стали усиленно учить громко и чётко отвечать на приветствие царя, подбирали высоких мичманов, унтер-офицеров и матросов, чтобы поставить их в первую шеренгу. Лихорадочно красили казармы на берегу, приводили в показной порядок столовую в адмиралтействе. Из госпиталя убрали всех венерических больных, а двух душевнобольных, мичмана и доктора, перевели в самую дальнюю угловую комнату.

В общем, всё шло, как обычно в таких случаях. Хорошо помню, как меня, начинающего ракетчика в высоком звании лейтенанта, отправили с группой солдат сбивать

листья с деревьев (события происходили тоже осенью), чтобы к приезду маршала Москаленко они не нападали на дорожки. Помню и как перед приходом Хрущева из пульверизаторов красили белой эмалью грязные сугробы снега вдоль дороги на полигон. Однажды мне довелось беседовать с одним майором, который в приливе откровенности рассказал, как во время своей службы в Группе войск в Германии единственной его обязанностью в части было перед приходом высокого начальства набрасывать красивые узоры толчёным кирпичом на подметённые дорожки в гарнизоне. Благодаря такому замечательному таланту он пробыл в Германии два срока. Черноморские адмиралы занимались показухой не менее успешно, чем и все остальные.

Между тем международная обстановка, благодаря совместным дружным усилиям правительств европейских стран и России, стала резко осложняться, и в воздухе запахло даже не грозой, а войной. Поясим, в чём дело. В первой половине XIX века Османская империя стала рассыпаться, как карточный домик. Это никого из ведущих стран Европы не радовало. И вовсе не потому, что все сочувствовали турецкому султану. Великие державы устраивало, что проливы находились в руках слабого турецкого государства — ни одна из европейских стран не хотела, чтобы проливы достались кому-либо из своих соперниц. Константинополь в те далёкие времена считался важнейшей стратегической точкой. Особенно страстное желание стать хозяином проливов было у царя. Русские монархи считали Босфор и Дарданеллы ключом от своего дома. Николай I ещё в 1844 году, во время пребывания в Англии, договорился с

английским правительством содействовать сохранению Оттоманской империи, а если она будет окончательно разваливаться, то вступить в переговоры о будущем её территорий. Почему-то царь полагал, что у англичан не может быть союза с третьим важнейшим игроком, Францией. А вот это — совершенно напрасно.

В 1850 году, принимая в Зимнем дворце Корнилова, Николай I в ответ на беспокойство начальника штаба Черноморского флота по поводу позиции западных держав, успокоил адмирала, заявив: «Что же касается до покушения неприятеля на Севастополь, то он (царь имел в виду собственную особу. — *Примеч. авт.*) никого не опасается». Свой интерес к турецким территориям был и у соседки России, Австрийской империи. В 1852 году случился конфликт между католиками и служителями греческой ортодоксальной церкви. Священники никак не могли поделить права на святые места. Горячий спор плавно перешёл в грандиозную драку. Святые отцы лупили друг друга мётлами, вёдрами, всем, что попадало под руку. Когда утомились, то обе стороны обратились в поисках справедливости к турецкому султану. Ситуация забавная: спор христиан предстояло решить мусульманину.

Под нажимом Франции турецкое правительство передало католикам права, которые раньше были гарантированы православным. Султан при этом сморозил большую глупость. В его империи православное население составляло почти одну треть, а католиков была небольшая кучка. Николай I увидел прекрасный повод для вмешательства в «спор о святых местах», тем более что ещё с 1774 года правители России считали себя гарантами всего христианского населения Отто-

манской империи. Турки, пока Россия не вмешивалась в их внутренние дела, относились к «гарантам» очень спокойно. Ну, считают себя гарантами, и слава аллаху, важно только, чтобы никуда не лезли во внутренние дела. А вот здесь они заблуждались. Русский посол предъявил серьёзные претензии к турецкому правительству, весьма напоминавшие неприкрытую угрозу. Тогда французы для моральной поддержки султана прислали в Константинополь свой новейший корабль «Шарлемань». В ответ Николай I приказал привести в боевую готовность два армейских корпуса у турецкой границы, Черноморский флот и укрепления вдоль кавказского берега. Но предварительно, оставляя объявление войны как последнее средство, император решил напугать турок так, чтобы они сами бросились в его объятия. Он назначил руководителем переговоров с турецким правительством адмирала Меншикова, дав ему указание не церемониться и разговаривать с турками на языке диктата. Светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков славился острым умом и резкими манерами, поэтому особенно напрягаться, выполняя указания императора, ему не пришлось. 28 февраля 1853 года русская делегация во главе с Меншиковым на пароходе «Громоносец» прибыла в Константинополь для ведения переговоров.

Адмирала сопровождали начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал Корнилов, начальник штаба 5-го армейского корпуса генерал Непокойчицкий и большая группа офицеров, что должно было служить ясным намёком туркам о возможном военном продолжении дебатов. В числе офицеров находился и командир пароходо-фрегата «Владимир» капитан-лейтенант Бута-

ков. 2 марта Меншиков нанёс визит великому визирю, отказавшись проводить переговоры с министром иностранных дел, которого царь считал виновником конфликта. Турки принимали делегацию с большим почётом. Тем разительнее было поведение адмирала, который сделал всё возможное, чтобы продемонстрировать хозяевам пренебрежительное отношение, начиная с дипломатического этикета, когда он явился на приём не в военной форме, а во фраке и прошёл мимо министра иностранных дел, не повернув в его сторону головы, и оканчивая требованиями, изложенными в ультимативной форме. Оскорблённый министр иностранных дел подал немедленно в отставку. Григорий Иванович в переговорах не участвовал, он был ещё не та фигура, хоть и вошёл в элиту, но в самый нижний её слой. У него и у других офицеров имелось задание от своих непосредственных начальников произвести разведку турецких укреплений.

В 1852 году царь приказал Меншикову разработать план захвата Константинополя и проливов. Разработку морской части операции Меншиков возложил на Корнилова. Такой план разработали. Десант из 13-й пехотной дивизии с артиллерией предполагалось погрузить на суда в Севастополе, а 14-ю дивизию погрузить на суда Черноморского флота в Одессе. В случае реализации этого плана необходимо было знать, не изменилось ли что-либо в системе турецкой обороны, поэтому Корнилов выбрал наиболее доверенных офицеров, которым приказал собрать разведывательные сведения, необходимые для разработки плана. Часть из них делала это «официально» под видом поездок на экскурсии и для

покупок товаров. Три морских офицера по заданию Меншикова перешли на нелегальное положение и под видом купцов собирали подробные сведения о турецких, английских и французских судах и об укреплениях Босфора, прилегающего побережья и Дуная до Рушука.

Корнилова адмирал вскоре отправил на пароходе «Бессарабия» в Севастополь готовить флот к боевым действиям и захвату Константинополя, но при этом регулярно сообщал ему из Константинополя о ходе переговоров с турецким правительством. Вместе с Корниловым вернулись и офицеры, в том числе и Бутаков. В Турции остались вести разведку только нелегалы. Конечно, турецкое правительство напугалось, но не настолько, чтобы пойти на попятную в вопросе, из-за которого разгорелся сыр-бор. И в объятья Николая I они тоже не поспешили. Результат оказался совершенно противоположным задуманному. Султан обратился за помощью к Англии и Франции. Царь был готов к провалу переговоров, но чувствовал себя очень уверенно, без всяких на то оснований считая, что европейские державы в войну не вяжутся, а с турками удастся справиться без особых трудностей.

Корнилова беспокоило, что о планах десанта в Босфор и Килиос станет широко известно, поскольку скрыть подготовку большого десанта невозможно. Он предлагал для дезинформации противника распустить слух о высадке десанта в Варне или Бургасе. Его опасения действительно оправдались: посольства Англии и Франции в Константинополе узнали о планах русского императора и доложили о них в свои столицы. Из Тулона в турецкие воды направилась мощная французская эска-

дра, с Мальты — английская. А что же Николай I? Он всё ещё пребывал в иллюзии, что европейцы не рискнут вмешаться в случае войны с Турцией. Правда, от планов захвата проливов пришлось отказаться. Александр Сергеевич Меншиков по приказу царя прервал переговоры и выехал из Константинополя. После его отъезда русское правительство объявило дипломатический, но не коммерческий разрыв с Османской империей. Объяснялось это просто: в водах Турции оставалось ещё много русских торговых судов, дарить которых туркам не собирались. Русские войска, не встречая сопротивления, заняли Дунайские княжества.

Корнилов по возвращении в Севастополь застал там напряжённую обстановку, вызванную трением адмиралов с армейским командованием. Адмирал Мориц Борисович Берх самоустранился от командования флотом, а поскольку власть не дают, а берут, то флотом фактически начал командовать нахрапистый генерал-лейтенант Александр Николаевич Лидерс, командир пятого армейского корпуса. Берху в далёкой молодости довелось командовать только небольшими судами, а вся остальная служба у него прошла на берегу. Его назначили командовать Черноморским флотом, когда ему стукнуло 77 лет. Пора бы и на пенсию. Мы в своё время немало насмотрелись на старичков из Политбюро и знаем, что из этого вышло. Где он теперь, Союз нерушимый? Чем руководствовался Николай I, назначая в преддверии войны главным командиром Черноморского флота и портов не энергичного Корнилова, а старика Берха, можно только гадать. Положение Корнилова было крайне двусмысленным: вся реальная власть, право

последней подписи были в руках Берха, а он этой властью не пользовался. Корнилов, с которого лично спрашивали и Меншиков, и царь, вроде бы за всё отвечал, но не мог принимать самостоятельных решений. Ему постоянно приходилось обращаться за утверждением своих распоряжений то к Берху, то к Меншикову.

Доведённый до точки кипения такой дурацкой ситуацией, он написал рапорт Меншикову. В нём вице-адмирал резал начальству правду-матку: «...я обращаюсь снова с покорнейшей просьбою к вашей светлости избавить Черноморское управление от выживших из лет Юрьева, Ресницкого, Чигиря и других стариков, которые при слабом управлении Морица Борисовича могут привести Черноморский флот в такое положение, что служить в нём будет не честь, а позор. Я Вам должен сказать откровенно, что такой ход многих офицеров, полезных службе, приводит в совершенное отчаяние». Но при этом Владимир Алексеевич забыл, что если вице-адмиралу Фёдору Афанасьевичу Юрьеву и другим перечисленным им адмиралам было по 70 лет и старше, то и Меншиков их догонял — ему уже исполнилось 66 лет. Без сомнения, светлейшего князя задела резкость высказывания Корнилова, что не могло не сказаться на их взаимоотношениях. Тем не менее Александр Сергеевич доложил мнение Корнилова царю, и адмиралов, о которых написал Корнилов, убрали с Черноморского флота.

В августе Корнилов провёл флотские учения. Отрабатывали отражение нападения на Севастополь с моря. На долю Бутакова выпало прикрывать гребные суда. Затем начались маневры практического плавания. «Владимир» принимал участие в маневрах, в целях экономии угля,

не под парами, а под парусами, причём заслужил особенную похвалу Корнилова. Маневры, без сомнения, были делом полезным, полученные навыки потом оченьгодились во время Синопского сражения. Начальник штаба флота лично занимался разведкой, в том числе и нелегальной. Он получал информацию из Тулона о движении иностранных судов от лейтенанта Андрея Николаева. Из Константинополя ему докладывал о движении судов лейтенант Соколов. По понятным причинам информация о подробностях деятельности нелегальных морских офицеров-разведчиков скупая. Зато результаты впечатляют.

Например, удалось перехватить письмо старшего офицера с эскадры английского адмирала Чарльза Непира. И, хотя Непир командовал флотом в Ла-Манше, но в письме приводились сведения общего характера, рекомендации, как обучать команды боевым действиям. Располагал Корнилов также инструкцией о приведении в боевую готовность судов эскадры. Капитан-лейтенант Воеводский доставил подробную информацию о турецких и англо-французских судах, об их артиллерийском вооружении и боеприпасах. Лейтенант Андрей Николаев из Франции перебрался в Грецию и слал донесения Корнилову о движении судов союзников в Средиземном море и в проливах. О том, как добывались такие сведения, можно судить по короткой записке Меншикова: выдать 32-го флотского экипажа лейтенанту Попову 40 голландских червонцев «для исполнения известного Вам поручения, на сего офицера, возложенного и не подлежащего гласности». После чего появляются донесения Попова с описанием и схемами укреплений Констан-

тинополя и расположения судов турецкого флота. Это было уже после разрыва дипломатических отношений с Турцией, офицер работал на чужой территории нелегально.

Поскольку затея с десантом для захвата Константинополя провалилась, царь приказал перевезти на Кавказ 13-ю пехотную дивизию под командованием генерал-лейтенанта Обручева. Никому тогда из русского командования не пришло в голову, что она больше пригодилась бы для обороны Севастополя. Правда, это сейчас хорошо быть таким умным, когда знаешь, чем всё закончилось. Перевезти шестнадцать тысяч человек, обозы, артиллерию, 825 лошадей — задача непростая. Как написал потом Корнилов своей жене: «Всё, что способно плавать, кроме парохода “Громоносец” и брандвахты, поплыло». Адмиральские жёны знали и знают много чего, что им знать не положено, но...

Парусными судами при перевозке дивизии командовал Нахимов, а пароходами — Корнилов. Несколько жён пехотных командиров хотели отправиться к новому месту назначения вместе с мужьями. Самая храбрая из них на ялике подошла к кораблю и закричала вахтенному офицеру, что хотела бы переговорить с Нахимовым. Она пояснила, что её муж, князь Г., служит в дивизии и что она хочет попросить у Нахимова разрешения идти вместе с мужем на корабле. Когда вахтенный офицер доложил адмиралу о просьбе, тот глянул на него так, что лейтенант пулей вылетел из каюты, сопровождаемый гневными словами Нахимова: «Нам только баб не хватает!» Павел Степанович женский пол не жаловал и погиб холостяком. Для плавания выбрали день с хоро-

шей погодой, но у погоды коварный характер — она имеет свойство меняться.

Корнилов опасался, чтобы Черноморский флот не постигла судьба испанского флота в 1588 году, когда большая часть его погибла во время шторма вместе с десантом. К счастью, всё обошлось благополучно, погода не подвела. Адмирал шёл на «Владимире», которым командовал Григорий Иванович Бутаков. На буксире парохода находился транспорт «Рион» с лошадьми. Палуба и внутренние помещения «Владимира» были забиты солдатами, плавание для которых, даже несмотря на хорошую погоду, оказалось пыткой. Бедняги не могли толком ни поесть, ни поспать, получали постоянные тычки, окрики и брань от офицеров и даже от матросов, которым люди, скучившиеся на палубе и в судовых помещениях, мешали работать.

Десант благополучно высадили в Сухуми. Трудно сказать, как развивались бы события, доведись высаживать такой десант в боевой обстановке на Босфоре. В конце сентября Турция потребовала от русского правительства вывести свои войска из Дунайских княжеств. Не получив удовлетворительного ответа, султан 4 октября объявил войну России, а затем и царь издал манифест о войне. Если раньше переговоры в верхах не затрагивали рядовых людей, то война касалась их уже напрямую. На всех судах полным ходом шла боевая подготовка.

Григорий Иванович своих подчинённых обучал иногда своеобразно. В июне 1853 года на пароходе «Владимир» проходили учения стрельбой по щиту. По окончании стрельб Бутаков отправил шлюпки, чтобы те отбуксировали щит к следующему буйку, находившемуся на

более близком расстоянии. Когда шлюпки с ничего не подозревавшими матросами и офицерами, отошли от парохода достаточно далеко, над их головами внезапно засвистели ядра. Шлюпки заметались из стороны в сторону, но ядра продолжали ещё некоторое время летать над растерявшимися людьми. Позже выяснилось, что командир парохода решил таким образом приучать матросов и офицеров не бояться летящих снарядов, не поставив их предварительно в известность.

Неизвестно, правда, остались ли благодарны подчинённые своему командиру за тот педагогический эксперимент. Пройдёт много лет, и Григорий Иванович вновь вернётся к своим опробованным «педагогическим» методам обучения личного состава. В конце октября в составе эскадры под командой Корнилова «Владимир» вышел в плавание к европейским берегам Турции, чтобы уничтожить турецкую эскадру, о которой поступили сведения от капитанов торговых судов. Во время этого похода Корнилов прислал на пароход своего адъютанта, полного тёзку Бутакова, лейтенанта Григория Ивановича Железнова с приказом осмотреть рейды Бальчика, Варны, Сизополя и Бургаса, нет ли на них военных судов. Погода стояла очень плохая, осень — всегда дожди и штормы. Но в данном случае Бутаков был доволен: легче остаться незамеченным. Оба Григория Ивановича были давними друзьями. Железнов, помимо всевозможных служебных достоинств, имел столь счастливый характер, что его любили все — и начальники, и сослуживцы, и женщины. Никто не сомневался, что его ждёт блестящее будущее.

Но что любой из нас знает о своём будущем? Бутаков, помня, что у турецких судов вдоль борта наносилась

краской широкая белая полоса, приказал замаскировать пароход. На борта быстро набили гвоздями куски полос старой парусины. Начинало смеркаться, поэтому командир «Владимира» был уверен, что в темноте турки посчитают его пароход своим. Во всех осмотренных местах находились только торговые суда, крепостные батареи молчали, видимо, русский пароход с отсвечивающей в темноте белой полосой не вызвал подозрений. Капитан встретившегося австрийского судна сообщил, что турецкий флот вернулся в пролив.

Получив от Бутакова эти сведения, Корнилов передал командование эскадрой контр-адмиралу Фёдору Михайловичу Новосильскому, а сам перешёл на «Владимир» и направился в район действия эскадры Нахимова. 5 ноября на рассвете сигнальщики заметили дым парохода. Бутаков доложил адмиралу. Поднявшись на мостик, Корнилов увидел, что, судя по клубам дыма, неизвестный пароход держит курс на Севастополь, и решил, что Нахимов послал входящий в состав его эскадры пароход «Бессарабия» за углём. После настоятельной просьбы Бутакова всё-таки проверить принадлежность судна, он нехотя дал разрешение приблизиться к нещадно дымящему неизвестному пароходу, выделив на это только час времени. Когда суда сблизались, незнакомец поднял турецкий флаг. Завязалась перестрелка. Бутаков увидел, что на турецком судне имеются только бортовые орудия, а на «Владимире» были пушки на носу и в корме. Это преимущество Григорий Иванович постарался максимально использовать. Начались сложные «танцы» на воде: турки стремились встретить русских бортом, а те, не менее упорно, удерживались в кильватере. Преимущество было у русских.

В зрительную трубу Бутаков хорошо видел, что попадания ядер и бомб с «Владимира» производили большие разрушения на пароходе противника. У русских ни потерь, ни повреждений не было. Несмотря на безвыходное положение, турки сражались мужественно. Бутаков не подставлял пароход под вражеские выстрелы и расстреливал противника с безопасного расстояния. На мостике «Владимира» вместе с командиром находились Корнилов и Железнов. Бой длился уже почти три часа, и адмиралу не терпелось поскорее его закончить. Дальше цитирую по воспоминаниям Григория Ивановича. Корнилов с раздражением обратился к Бутакову: «Однако же, скоро ли мы с ним кончим?» Григорий Иванович переспросил: «Угодно сейчас?» — «Разумеется, угодно». Командиру не оставалось ничего иного, как скомандовать: «Полный ход! Картечь!» Выстрелы с «Владимира», казалось, смели всех живых с палубы. Хорошо видели, как турецкий капитан схватился за бок и рухнул навзничь. Потом он с трудом поднялся, и продолжал командовать. Выстрел картечью с турецкого парохода оказался более удачным, чем ядрами. Одна из картечин пробила дымовую трубу «Владимира» и наповал сразила Григория Железнова. Остальные картечные пули убили горниста, стоявшего внизу, под мостиком, и ранили трёх других матросов, занятых у орудий. Одному оторвало ногу, другому — руку, третий получил лёгкое ранение. Это был последний выстрел с турецкого судна. Его капитана ранило второй раз, а следующим залпом снесло и площадку, стоя на которой тот так храбро распоряжался.

На корме появился человек, как позже выяснилось, старик лоцман, который спустил флаг. Бой закончился

победой русских. Прояви Корнилов больше выдержки, не поддайся начальственному нажиму Бутаков, команда «Владимира» могла бы вообще не иметь потерь. Неизвестно, испытывал ли Владимир Алексеевич Корнилов чувство вины за гибель Железнова и матросов. Возможно, его нетерпеливость была связана с болезненным состоянием. В донесении царю о первом в истории морских сражений бое двух пароходов он упомянул: «В этом деле погиб лейтенант Железнов, подававший большие надежды». Десантная партия с «Владимира» высадилась на вражеское судно. Оно оказалось не турецким, а египетским. Русские моряки увидели «...страшную картину разрушения и гибели: обломки штурвала, компасов, люков, рангоута и перебитые снасти, перемешанные с оружием, трупами, членами человеческими, ранеными, кровью и каменным углём, которым была завалена его палуба, чтобы иметь большой запас!».

Египетский пароход требовалось привести в такое состояние, чтобы он не затонул по пути в Севастополь. Внезапно сигнальщик закричал, что на горизонте появились две эскадры. Одна из них была несколько ближе другой. Пленные показали, что в море находятся две турецкие эскадры. Но и наши эскадры тоже крейсировали близ анатолийских берегов. Все, и победители, и побеждённые, задались одним очень интересным вопросом: чьи же это корабли, наши или турецкие? Положение Бутакова с захваченным судном, на котором шла борьба за живучесть, с голодными матросами (команда последний раз ела в шесть утра, а был уже вечер), измученными тяжелейшей работой у орудий, было не менее интересным. Особенно при встрече с вражеской эскадрой.

Из победителя можно было без промедления превратиться в жертву. Командир спустился в каюту доложить обстановку Корнилову. Адмирал, усталый, лежал на диване. «Что бы Вы сделали, если бы меня здесь не было?» — спросил Корнилов. «Пошёл бы к ближайшей, и, опознав её, действовал бы, смотря по тому, чьею она окажется». — «Так и делайте». Бутаков приказал десантной партии следовать на захваченном призе в Севастополь, а сам поспешил навстречу неизвестной эскадре. К его величайшей радости, она оказалась своей, под командой Новосильского, и шла на выручку, слышав стрельбу. Корнилов дал новые указания Новосильскому и вернулся на «Владимир». Он приказал Бутакову догнать призовое судно, которое тем временем медленно двигалось к Севастополю.

Пробоины в корпусе «Перваз-Бахри», так назывался египетский пароход, закрыли пластырями, трубу, которая не давала тяги из-за того, что была изрешечена ядрами и шрапнелью, обмотали войлоком. С «Владимира» перевели часть машинистов и кочегаров во главе с механиком. Пришлось пополнить их состав пленными из числа машинной команды. Оказалось, что руководил машинной командой на «Перваз-Бахри» молодой парень, англичанин. Его тоже приставили к делу. Всех мёртвых отправили за борт, а раненых принялись оперировать русский судовой медик и пленный негр, мичман, числившийся врачом. Эта бригада из двух эскулапов довольно быстро оказала помощь всем раненым, но, несмотря на их усилия, а, может быть и благодаря ним, большинство раненых не дотянули до Севастополя и отправились в лучший мир вслед за товарищами, кото-

рые умерли сами, без помощи медиков. Тела Железнова и матроса-горниста уложили на юте, накрыв их Андреевским флагом, а в ногах положили турецкий флаг.

В первом дореволюционном биографическом очерке о Бутакове написано: «Вместе с медиком нашим съездили туда двое из пленных офицеров, чтобы привезти товарищам своим платья, подушки и одеяла (матросы перебрались на «Владимир» с полным багажом), а комиссар египетский был послан привезти для своей команды белых сухарей и рису, так как пища русских матросов не шла им в горло. Что касается до офицеров, они прекрасно пообедали за столом нашего адмирала». То, что пища русских матросов «не шла им в горло», удивляться не приходится, если вспомнить, что русские матросы питались малосъедобной солониной из свинины, предварительно выпив обеденную порцию спиртного.

Мусульманская команда египетского парохода, во-первых, не пила спиртное, а, во-вторых, не ела свинину. Хороший аппетит пленных офицеров, которые обедали за одним столом с Корниловым, объясняется тем, что адмиральская еда, видимо, отличалась от матросской пищи в несколько лучшую сторону. Измученные и подавленные пленные матросы и офицеры после обеда уснули крепким сном, а экипаж «Владимира» нёс службу по их охране и обеспечивал ход обоих пароходов.

Победители могли только завидовать побеждённым. Руль у «Перваз-Бахри» был разбит ядром, поэтому он сильно рыскал, когда «Владимир» тащил его на буксире. Ночью буксирные тросы лопнули. Спасибо ещё, что повезло с погодой и на море не было сильного волнения. Пришвартовали египетский пароход к борту.

Только вздохнули с облегчением, как подул свежий норд-вест и развёл такое волнение, что суда стало бить друг о друга. Пришлось снова заводить тросы, чтобы буксировать египтянина за кормой. Народные умельцы из числа матросов умудрились, несмотря на волнение, закрепить что-то похожее на руль. Дело пошло. 7 ноября пароход «Владимир» вошёл на Севастопольский рейд, ведя на буксире пленника, на котором подняли русский флаг. Надо же такому случиться, что сразу вслед за «Владимиром» на рейд ввели другой пленный турецкий транспорт, пароход «Меджари-Теджарет», которого захватил пароход «Бессарабия». Корнилов лестно отозвался в Петербург о действиях командира и личного состава «Владимира». 18 декабря Бутакова произвели в капитаны 2-го ранга и наградили орденом Св. Георгия 4-й степени. Всем офицерам «Владимира» также присвоили внеочередные воинские звания.

На матросов выделили 10 Георгиевских крестов, предоставив Бутакову право выбрать героев. Всех нижних чинов, кроме того, наградили деньгами. Заодно Корнилов представил к наградам офицеров своего штаба, начальника 4-й дивизии контр-адмирала Новосильского и командиров кораблей за то, что эскадра выдержала два сильных шторма и осталась готова к боевым действиям. Владимир Алексеевич рассчитал всё точно. Обрадованный царь не поскупился на награды. Не обошёл он, естественно, и самого Корнилова. По приказу императора «Перваз-Бахри» переименовали в «Корнилов», а «Меджари-Теджарет» — в «Турка». Владимир Алексеевич получил 19 037 рублей 50 копеек призовых денег, Бутаков — 38 075 рублей, офицеры — по 1813 рублей

и 9 ½ копейки, матросы — 97 рублей 62 копейки. Для всех, особенно для Бутакова и матросов, такие деньги были целым состоянием. Не помешали они и Корнилову, который вечно был в долгу как в шелку. Пленных турок поместили сначала в карантин, а потом разместили под охраной в городе. Корнилов и командиры «Владимира» и «Бессарабии» вернулись в Севастополь героями.

Но на войне всё быстротечно, в том числе и слава. 18 ноября произошло событие, затмившее собой все ранее известные стычки с неприятелем. Русская эскадра под командой вице-адмирала Павла Степановича Нахимова уничтожила на Синопском рейде турецкую эскадру, а попутно и сам город. Таких побед русский флот не знал давно. Другое дело, чем потом обернулось столь славное дело. Но, когда победители торжественно вошли на Севастопольский рейд, об этом никто не думал, было лишь одно сплошное ликование и заслуженное чествование героев. Приказав Бутакову следовать вместе с ним на пароходо-фрегате «Одесса» в сопровождении пароходов «Крым» и «Херсонес», вице-адмирал Корнилов поспел к Синопу, когда сражение уже подошло к концу, как говорится, к шапочному разбору. Бутакову пришлось принять в командование «Одессу», поскольку Корнилов приказал её командиру заменить контуженного командира корабля «Императрица Мария». Почему не Бутакова или старшего офицера с самого корабля? Кто его знает, чем при этом руководствовался адмирал. «Одесса» отбуксировала корабли «Императрица Мария», «Ростислав» и «Три Святителя» подальше от берега, а потом вела на буксире флагманский корабль Нахимова «Великий князь Константин». «Владимир»

простоял на ремонте до февраля следующего года. Корнилов лишь немного опоздал, чтобы принять участие в Синопском сражении.

Можно себе представить, какие чувства его обуревали. Но оба адмирала показали себя очень благородными людьми. Один глубоко скрыл своё разочарование и очень искренно, от всей души поздравил товарища, с которым всю их службу шло негласное соревнование. Другой — везде подчёркивал, что без трудов Корнилова не могло быть и победы. Пережитое во время боя с «Перваз-Бахри» и горечь в душе оттого, что им не привелось стать участниками исторического сражения, сблизили командира парохода и начальника штаба флота. Корнилов неформально сделал Григория Ивановича членом своего штаба, нагрузив его всевозможными поручениями так, что тому стало некогда заниматься своими прямыми обязанностями. После приведения машины в исправное состояние продолжилась беспокойная служба Бутакова на «Владимире». Дело в том, что поступили достоверные сведения о появлении в Чёрном море мощного союзного флота англичан и французов. Царь и адмирал Меншиков считали, что в случае столкновения с ним русский флот потерпит поражение вовсе не из-за отсутствия винтовых судов и недостатка пароходов. Слишком большим было превосходство даже в парусных судах. Поэтому победители в Синопском сражении укрылись в Севастопольской бухте под защитой береговых батарей, и вся тяжесть боевой деятельности Черноморского флота легла на неуклюжие, с огромными колёсами, маленькие пароходики.

Правда, кому как, а Григорий Иванович, например, считал свой пароход «большим». Парусные суда,

если и выходили из бухты, то крейсировали в пределах видимости. Наступил новый, 1854 год. Рождественские праздники прошли без обычного шумного веселья. В конце минувшего года в Севастополе собрался весь флот, включая и большую часть Абхазской эскадры. У восточных берегов некоторое время ещё оставались два фрегата и два корвета. Ими командовал лихой контр-адмирал Николай Михайлович Вукотич, о котором Корнилов говорил, что этот черногорец «даром не отдастся хоть какой силе». Позже и они прибыли в Севастополь. Многие корабли, особенно старые, требовали ремонта, новых мачт и других более мелких, но тем не менее важных исправлений. О выходе в море, чтобы встретиться с союзными эскадрами в бою, не могло быть и речи — слишком неравными были силы.

Хотя Корнилов и составил боевое расписание для кораблей и береговых частей в случае нападения неприятеля с суши, но оно больше годилось для отражения небольшого по численности десанта. Основной упор делался на защиту Севастополя с моря. Пароходо-фрегат «Владимир» поступил в распоряжение контр-адмирала Панфилова, первого командира Григория Ивановича. В марте Корнилов снова провёл учение, на этот раз отрабатывалась высадка стрелковых партий с судов. Удивительно, но отношение офицерского состава к этим учениям было, мягко говоря, равнодушным. Офицеры не верили, что им придётся сражаться на суше. На некоторых гребных судах они сидели, закутавшись в шубы, предоставив управлять шлюпками унтер-офицерам. Типичные баре на морской прогулке с крепостными. Корнилов устроил им за это жестокий разгон на разборе учений.

Резкие слова адмирала многих привели в чувство. Между прочим, однажды, во время плавания на фрегате «Паллада», Иван Александрович Гончаров спросил командира фрегата Унковского, стучавшего на мостике зубами от холода, почему тот не наденет пальто. Иван Семёнович ответил, что не может этого сделать, пока его подчинённые раздетые работают на мачтах. Так что разные бывали офицеры. Бутакову начальник штаба флота поручил вести морскую разведку. В районе Севастополя в море постоянно наблюдали до тридцати судов союзного флота. Английские военные суда подошли к Евпатории. Им навстречу отправился на шлюпке вдребезги пьяный таможенный чиновник, чтобы осмотреть корабли на наличие контрабанды. Англичане долго хохотали, когда он поднялся на борт и заплетающимся языком объяснил причину своего появления. Этот таможенник приобрёл сомнительную славу первого военнопленного, взятого союзниками в Крымской войне.

Несмотря на неоднократные выходы в море, Бутакову больше не удалось вступить в бой с противником: то ему приходилось спасаться бегством от нескольких вражеских пароходов, то от него удирали одиночные пароходы союзников. В апреле эскадра союзников обстреляла Одессу, но это был демонстрационный поход, рассчитанный на подавление морального духа войск и населения. Несмотря на блокаду Севастополя, смелые командиры русских пароходов прорывали блокаду, вели разведку, доставляли припасы из Николаева. Хотя продовольствие в городе имелось, но на многих кораблях среди матросов появилась цинга. Корнилов, с полным основанием считал это «нераспорядитель-

ностью или беспечностью» командиров в отношении сохранения здоровья команды. Такого на «Владимире» не случилось. Сестра Саша сообщала в письме брату Ивану, который находился в экспедиции вице-адмирала Путятина, что через Остаповку, где находилось имение Бутаковых, «проходит много количества рекрут и всякого воинства». Хозяева радушно приглашали к себе в гости офицеров, и, конечно, пользовались оказией, чтобы передать в Севастополь письма, а иногда и посылку с домашними гостинцами Григорию, Дмитрию и Владимиру. Получил Григорий Иванович и неожиданное письмо от Осман-паши.

Турецкий адмирал великолепно говорил по-английски, отличался высокой культурой и эрудицией, с ним было интересно разговаривать, поэтому Бутаков довольно часто с ним общался. В письме Осман-паша попрощался с Бутаковым, попросил передать привет знакомым командирам судов и «особенное уважение» Корнилову и доктору Павловскому, который его выходил. Вице-адмирала отправляли в Москву, где с ним собирались встретиться великие князья. Затем турецкого моряка вернули в Одессу, а после войны отправили на родину, где калеку-адмирала встретили с большим почётом и назначили членом адмиралтейств-совета. «Владимир» довольно часто совершал выходы в море, преимущественно по ночам и в туман, который держался над морем весь апрель. Это требовало высокого морского искусства и от командира, и от подчинённых. Однажды отряд из шести пароходов под командой Панфилова, державшего флаг на пароходе «Крым», вышел в море, чтобы дать бой трём неприятельским судам.

Но дело ограничилось лишь перестрелкой на предельной дистанции. Из всех русских судов только «Владимиру» удалось приблизиться к противнику на дистанцию 10 кабельтовых (один кабельтов равен 185,2 метра). Зато он и получил сполна от сосредоточенного огня пароходов. На судне Бутакова оказались раненные матросы и офицеры. Последний прорыв блокады «Владимир» совершил в июле, когда Бутакову поручили доставить секретные документы в Одессу Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору Николаю Николаевичу Анненкову.

После высадки 2 сентября десанта союзников в Евпатории стало ясно, что все силы необходимо бросить на укрепление Севастополя с суши. То, что нужно было создавать в течение многих мирных лет, делалось наспех в военное время за недели. «Владимир» использовался уже не для крейсерства и разведки, а для перевозки людей, вооружения и материалов. История нас ничему не учит. Во Вторую мировую войну Севастополь также пришлось укреплять с суши под обстрелом противника. Тяжёлое впечатление на севастопольцев произвёл 8 сентября разгром русских войск у реки Альма. Бутаков, благодаря доверительному отношению к нему Корнилова, оказался свидетелем, как принимались решения высшим командованием. После поражения на Альме Меншиков приказал остаткам войск отойти к Бахчисараю. Почему-то многие наши историки настроены крайне враждебно к адмиралу. На него навешали всех собак за поражения в Крыму. А между тем Александр Сергеевич Меншиков принял немало вполне разумных решений и совершил ошибок не больше других адмиралов и генералов. Он

Андреевский собор в Кронштадте

Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге

*И.Ф. Крузенштерн.
Неизвестный художник*

*М.П. Лазарев.
Неизвестный художник*

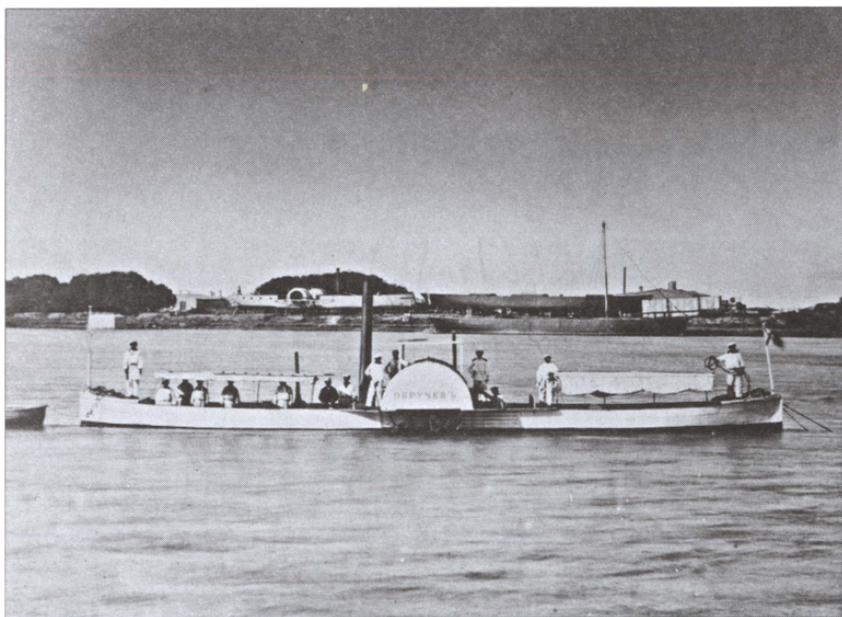
*П.С. Нахимов.
Неизвестный художник*

*В.А. Корнилов.
Неизвестный художник*

Укрепление Раим. Художник Т.Г. Шевченко

Пароход «Обручев»

*Портрет генерал-адъютанта
графа В.А. Перовского.
Художник К.П. Брюллов*

*В солдатах.
Автопортрет Т.Г. Шевченко*

Шатер экспедиции на острове Барсакельмес. Художник Т.Г. Шевченко

*Великий князь
Константин Николаевич*

*Великий князь Николай
Николаевич (старший)*

*Б.А. Глазенап.
Художник Ф.А. Моллер*

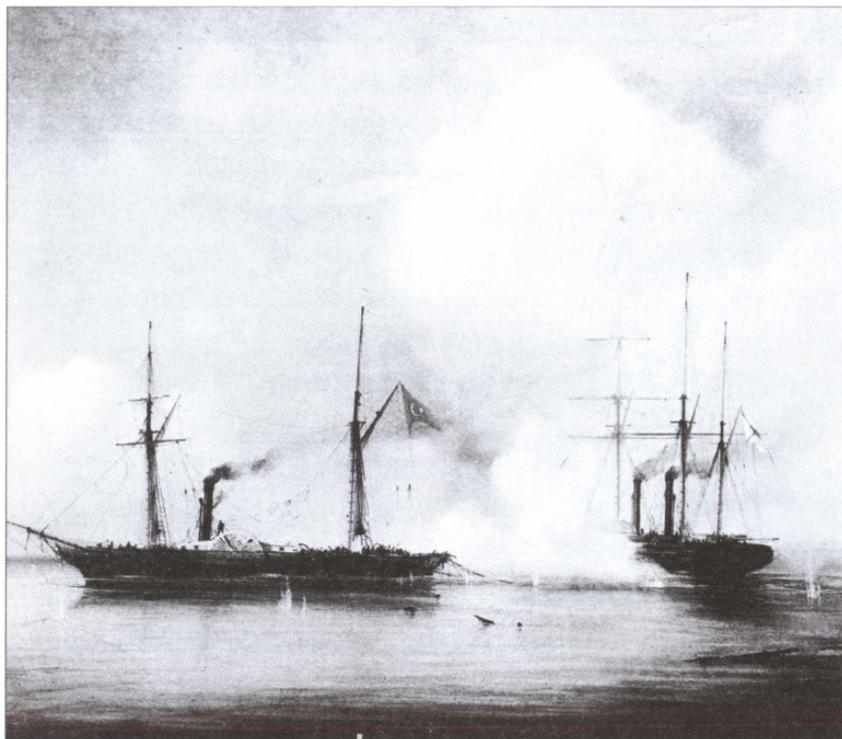
*С.С. Лесовский.
Неизвестный художник*

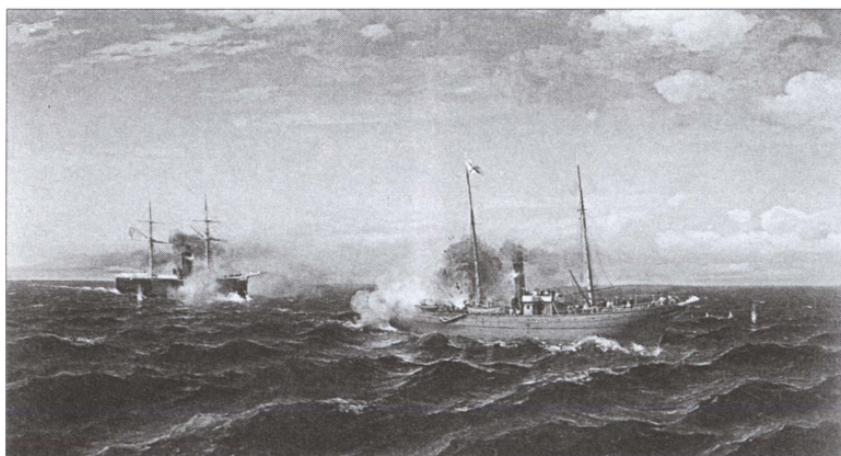
А.А. Попов

*Прибытие поповки «Новгород» в Севастополь.
Художник Н.П. Красовский*

Бой русского пароходофрегата «Владимир» и турецкого парохода «Перваз-Бахри». Художник А.П. Боголюбов

Бой парохода «Веста» с турецким броненосцем «Фетхи-Буленд» в Черном море. Художник Р.Г. Судковский

Г.И. Бутаков

А.И. Бутаков

Могила Г.И. Бутакова

Могила И.И. Бутакова

прекрасно сознавал, что Северная сторона Севастополя фактически беззащитна, и рассчитывал на то, что ему удалось дезинформировать противника.

Как это происходило, я описал в книге «Жестокость и милосердие». Кроме того, он полагал, что союзники будут опасаться флангового удара со стороны русских войск. Замысел Меншикова полностью удался. Корнилов же ошибочно считал, что Севастополь и флот просто брошены в жертву противнику, чтобы спасти армию и Крым. Поэтому, когда Меншиков приказал ему затопить часть старых кораблей, чтобы преградить ими вход в бухту, вице-адмирал вступил с ним в спор. Начальник главного морского штаба, всё ещё находившийся под впечатлением сражения, резко прервал Корнилова и пригрозил отправить строптивца в Николаев в распоряжение Берха, а на его место назначить какого-нибудь другого адмирала. Эта угроза сломила сопротивление Владимира Алексеевича, и ему ничего не оставалось другого, как ответить: «Есть!» Но дальше Владимир Алексеевич совершил поступок, совершенно несовместимый с требованиями службы. 9 сентября Корнилов собрал совет и капитанов, на котором вновь поставил под сомнение приказ главнокомандующего морскими и сухопутными силами в Крыму адмирала Меншикова.

Некоторые историки пишут, что совет этот состоялся на флагманском корабле, но я больше доверяю запискам Григория Ивановича Бутакова. Тот описывает, что военный совет проходил в квартире Владимира Ивановича Истомина на Екатерининской улице. Бутаков опоздал на совет и пришёл, когда уже выступал контр-адмирал Вукотич. Григорию Ивановичу рассказали, что

Корнилов открыл совет сообщением о поражении на Альме и о том, что русская армия отступает к Бахчисараю. Он откровенно объяснил присутствовавшим, что неприятель может легко занять южную часть Бельбекских высот, а оттуда направиться к Инкерману и бухте Голландия. Строительство укреплений на Северной стороне не завершено.

В результате противник сможет обстреливать корабли Черноморского флота, что позволит войти в бухту кораблям противника, и тогда никакой героизм не спасёт флот от гибели или позорного плена. Корнилов заключил своё выступление предложением выйти в море и атаковать англо-французский флот, стоявший у мыса Лукулл. «Когда я вошёл, — вспоминал потом Бутков, — Корнилов стоял в глубине комнаты на каком-то возвышении, и Вукотич только что говорил, что лучше выйти в море и сразиться». Вукотич всегда отличался безрассудной смелостью. Но все остальные понимали, что предложение Корнилова — полное безумство. В сущности, он предлагал геройски погибнуть в сражении с несравненно более сильным неприятелем, после чего Севастополю точно было не устоять. Предоставим вновь слово Григорию Ивановичу: «Тотчас затем последовало заявление капитана 1-го ранга Зарина, что выгоднее затопить вход старыми кораблями и командами подкрепить гарнизон. Кажется, эту идею поддержал и капитан 1-го ранга Бартенёв. Я стоял у окна подле Нахимова. “Ну, да-с, они очень рады затопить свои корабли”, — сказал он мне. Я помню, что ответил чем-то вроде следующего: “При таком мнении некоторых, можно ли выходить в море?”»

В это время к Корнилову пришёл передать что-то от князя Меншикова дипломатический чиновник при нём Грот. Весь в пыли, не спавший ночь, измученный, он показался мне испуганным. Споры кончились словами Истомина к Корнилову: “Что Вы прикажете, то мы и будем делать”. И затем Корнилов распустил нас. Из дома Истомина многие зашли в клуб, и там я видел, как с генералом К. (фамилию в записках не разобрать. — *Примеч. авт.*) кругом которого всегда составлялась кучка, никто не хотел говорить. Идя к пристани, я свернул в домики Екатерининского дворца, где остановился князь Меншиков и его штаб.

Прощаясь с лейтенантом Шестаковым, убитым потом на Киленбалочных редутах, с которым я шёл, я сказал ему: “Постараюсь показать князю Меншикову хоть одну спокойную физиономию”. Зайдя к адъютантам его, застал Виллебрандта и Веригина, и узнал, что князь спит. В это время раздался пушечный выстрел. “Вот они!” — воскликнул Виллебрандт, считая, что это неприятельский выстрел с Северной стороны. Я вынул часы и сказал: “Поддень”. Виллебрандт перекрестился, хотя и лютеранин, и ответил: “Слава богу. Значит, они дают нам ещё этот день.”» Корнилов был вне себя. Он посчитал, что его все предали. Кроме Вукотича, никто не поддержал вице-адмирала. Промолчал и Нахимов. Все понимали, что решение Меншикова было единственно правильное в той обстановке. Между прочим, Корнилов понапрасну обидел Зарина, обвинив его в том, что это он подсказал Меншикову такое решение. Оскорблённый Зарин возразил, что он с князем вообще не виделся и потому не имел никакой возможности с ним разговаривать.

Вечером, когда уже смеркалось, Бутакова сигналом потребовали с парохода на берег к Корнилову. Адмирал, находившийся в возбуждённом состоянии, сказал Григорию Ивановичу, что хочет спасти пароходы, и спросил, возьмётся ли тот возглавить отряд судов и проскочить мимо неприятельской эскадры. Бутаков ответил, что противник вряд ли этого ожидает, и он готов выполнить поручение адмирала. Тогда Корнилов распределил, какой пароход в какой порт должен следовать. Затем он поручил Бутакову передать устно на каждый пароход секретный приказ и в 23 часа отправиться по назначению. Пароходы в то время были заняты буксировкой кораблей на места, где их предстояло затопить. На юге ночи тёмные, к тому же небо затянуло облаками, скрывшими луну.

Командиры пароходов, занимавшиеся буксировкой парусных судов на указанные диспозиции, были, как говорится, на нервах, и можно себе представить «восторг», с каким они встречали офицера, посланного Бутаковым, чтобы передать приказ начальника штаба флота. Не позавидуешь и офицеру, которому не так-то просто было на шлюпке в темноте найти пароходы и подняться к ним на палубу. Бутаков сообщил по секрету о полученном приказании только старшему офицеру и боцману, к которому относился с большим уважением. Боцман недавно женился, поэтому Григорий Иванович разрешил ему сойти на берег и взять на пароход жену. Читая записки Бутакова, много разных мыслей приходит в голову. Вызывают недоумение безрассудное приказание начальника штаба флота, поступок Бутакова, который не выполнил приказ начальника по поводу

секретности поручения и сообщил его боцману, разрешив при этом привезти на судно жену. Да и поступку самого вице-адмирала, пытавшегося не выполнить приказ главнокомандующего, можно только изумляться.

Как утверждал Бутаков в своих записках, «несмотря на твёрдые распоряжения свои, Корнилов далеко не надеялся отстоять Севастополь от первого натиска». За час до назначенного срока выхода из бухты Бутакова вновь затребовал к себе на берег Корнилов. С курсантских пор запомнилась шутливая поговорка: не спеши выполнять приказание начальника — поступит его отмена. Именно так и случилось. Адмирал встретил его словами: «Я раздумал. Оставайтесь здесь и известите других об этом же». Бутаков воскликнул: «Слава богу!». «Это почему?» — спросил Корнилов. «Потому что пароходы могут быть очень полезны здесь в решительную минуту», — ответил Бутаков. Как реагировали на новое известие командиры остальных пароходов, неизвестно. Но русский язык позволяет ярко выразить любые чувства, причём всего лишь в нескольких энергичных словах. Дальнейшие события обороны Севастополя показали, что обойтись без пароходов оказалось невозможно.

Корабли начали топить вечером следующего дня. До этого занимались перевозками с них, опять-таки с помощью пароходов, новых парусов, амуниции, ружей, принадлежностей к орудиям, холодного оружия, багажа офицеров и нижних чинов. Приказ Меншикова выполнили, но не полностью. Князь приказал снять всё с кораблей, а их затопили вместе с артиллерией, порохом, морской провизией и рангоутом! Около часа дня 11 сентября все корабли были затоплены, и на воде плавал

только всплывший рангоут. На союзников затопление кораблей произвело большое впечатление. «Это был великий шаг с вашей стороны, — говорил впоследствии Бутакову английский капитан Мендос. — Мы увидели, что вы не на шутку намерены сопротивляться».

Интересно, что бы он сказал, узнав, что русские моряки второпях отправили на дно морское сотни отличных орудий, тысячи пудов пороха и даже провизию для матросов и офицеров. Объяснить это можно только полной растерянностью наших знаменитых черноморских адмиралов. «Если бы русские не заградили вход в Севастопольскую гавань, затопив пять своих кораблей и два фрегата, я не сомневаюсь, что союзный флот после первого выдержанного огня проник бы туда с успехом и вступил бы из глубины бухты в сообщение со своими армиями», — высказался по этому поводу французский адмирал Гамелен. Меншиков в этом отношении оказался гораздо прозорливее своих подчинённых адмиралов. Следующее утро 10 сентября, говорится в заметках Бутакова, Корнилов провёл на пароходе «Владимир». Чем он занимался на пароходе, Григорий Иванович не раскрыл, но привёл разговор с вице-адмиралом, в котором тот попросил вывезти его тело, если он будет убит, а Севастополь взят. Бутаков заверил адмирала, что постарается прорваться в море в случае взятия города. Дословно это место в записках звучит так: «10 сентября Корнилов провёл утро на пароходе “Владимир” и, призвав меня в каюту, спросил: “Что Вы думаете делать, если Севастополь будет атакован превосходящими силами и взят?” — “Попробовать выскочить!” — “Я этого ответа ожидал. Послушайте, мы с Вами вместе служим, вместе

сражались. Захватите мои потроха с собою, когда буду убит”».

Судя по такому разговору, Корнилов после боя, во время которого они вместе находились на мостике, испытывал особое доверие и дружеское расположение к Бутакову. Адмирал Меншиков вполне обоснованно считал, что сотни морских орудий и свыше трёх тысяч матросов-артиллеристов, а также остальной флотский состав — грозная сила, способная остановить неприятеля. Светлейший князь был человеком скрытным, никому не верил и в свои планы высший командный состав флота не посвящал. Вот это он делал напрасно. Стоит ли тогда удивляться настроениям, царившим во флотской среде, о которых написал Григорий Бутаков: «Когда князь Меншиков сделал своё знаменитое и в высшей степени искусное фланговое движение на Бахчисарай, оставив Севастополь защищаться, как может, малочисленный гарнизон, и особенно мы, моряки, роптали, что он больше заботится о спасении своей армии, чем о ценном государственном имуществе, находившемся в Севастополе. Слово “измена” легкомысленно было на губах всех, Корнилов тоже злобно говаривал: “У русского царя не достало войск, чтоб защитить Севастополь!”. Хорошо помню я, как однажды к концу вечернего чая к Корнилову явился переводчик Черноморского флота камер-юнкер (из молдаван) Батьянов и сказал, мямля по своему обыкновению: “Князь Меншиков... приказал сказать... Вашему превосходительству, что он ещё... не получил от англичан деньги за свою измену”. Я позволил себе запальчиво воскликнуть: “А! Ещё не получил!” Корнилов промолчал, и все разошлись».

Обвинять адмирала Меншикова в измене было, по меньшей мере, неумно. Владимир Алексеевич должен был пресечь такие разговоры на корню, но он молчал. Сначала все пароходы подчинили контр-адмиралу Владимиру Ивановичу Истомину, но потом, когда Корнилов назначил его командовать участком обороны на Малаховом кургане, все пароходы он подчинил лично Нахимову. Следует отдать должное Корнилову. Оправившись от растерянности, он принялся энергично организовывать оборону Севастополя. 14 сентября противник взял Севастополь в клещи с моря и с Южной стороны. По приказу начальника обороны Севастополя пароходо-фрегаты «Владимир» и «Крым» заняли позицию в Киленбалочной бухте. Отсюда они могли обстреливать занятые противником высоты.

В районе Ушаковой балки наши войска прикрывала артиллерия пароходо-фрегата «Эльбурус», а Инкерманскую долину обстреливали артиллеристы парохода «Херсонес». Через три дня Меншиков прислал подкрепления, а 19 сентября прибыл сам с частью войск на Северную сторону. Бутаков в то время со своим пароходом перешёл к устью Чёрной речки, поэтому с «Владимира» первыми увидели наши войска и подняли сигнал «Ура! Наши идут!» 24 ноября Нахимов приказал Бутакову и командиру пароходо-фрегата «Херсонес» капитан-лейтенанту Ивану Григорьевичу Рудневу атаковать французский сторожевой пароход «Мегара», с которого велось наблюдение за всем происходящим на рейде. Старшим Павел Степанович назначил Бутакова. Оба парохода обстреляли лагерь противника в Стрелецкой бухте и пароход «Мегара», который отошёл к

Камышовой бухте, где стояла часть французских судов. Потом, когда навстречу вышли англо-французские суда, оба парохода постарались побыстрее вернуться в бухту. Во время перестрелки с судами противника наши пароходы получили незначительные повреждения.

Никакого военного значения эта вылазка не имела, хотя на флагманском корабле Нахимова был поднят сигнал «Изъявляю особенное удовольствие». Скорее всего, вице-адмирал Нахимов хотел ею поднять боевой дух на кораблях, запертых в гавани и на бастионах. В рапорте командиру Севастопольского порта и исполняющему должность военного губернатора города Михаилу Николаевичу Станюковичу он объяснил её так: «Молодецкая вылазка наших пароходов напомнила неприятелю, что суда наши, хотя разоружены, но по первому приказу закипят жизнью, что, метко стреляя на бастионах, мы не отвыкли от стрельбы на качке; что мы ждём только случая показать, как твёрдо мы помним уроки покойного адмирала Лазарева».

После просмотра множества мемуаров и трудов зарубежных авторов я пришёл к выводу, что эта «молодецкая вылазка» не произвела ни малейшего впечатления на неприятеля. Но наверняка приободрила защитников города. Надо отдать должное тогдашним флотским начальникам: они не скупались на поощрения своих подчинённых. Во время войны офицеры быстро продвигаются по службе, если, конечно, не лежат в братской могиле. Через несколько месяцев Григорию Бутакову присвоили звание капитана 1-го ранга. Наступил ещё один военный новый год. По приказу Нахимова на бастионы для пополнения многочисленных потерь

личного состава отправили последний резерв — преступников, солдат и матросов, сидевших в тюрьме. В Петербурге, видимо, не очень хорошо представляли, что творится в Севастополе. Если у союзников в войсках находились военные корреспонденты, которые непрерывно информировали общественность своих стран о происходящем в Крыму, то в России публика пребывала в счастливом неведении, читая только тщательно процеженные цензурой старые «новости». Неудивительно, что из морского учёного комитета Бутакову прислали, выражаясь канцелярским языком, отношение, в котором ему предложили, в сущности, стать корреспондентом «Морского Сборника».

Можно живо себе представить реакцию Григория Ивановича на такое предложение. Он едва успевал оказывать помощь товарищам, сражавшимся на бастионах, которые слали ему записки, подобные написанной начальником обороны Малахова кургана контр-адмиралом Владимиром Ивановичем Истоминым: «...Прошу опять Вашего огненного содействия. Французы начали строить редут недалеко от той пяти пушечной, оставленной неприятелем батарее, которая так часто отведывала вашего чугуна, и у коменданта которой вы беспрестанно портили обеденный суп: попробуйте дальность ваших сокрушительных бомб на этот редут». Тяжёлой обязанностью Бутакова было сообщать на родину родственникам о погибших товарищах. В архивных бумагах сохранилось его письмо отцу капитан-лейтенанта Лесли от 7 апреля 1855 года: «Судьба свела меня с Евгением Ивановичем Лесли в самом начале службы на тендере “Поспешный”, которым я тогда командовал. Благородный юноша,

будущий прекрасный офицер. Плавал потом с ним у Румелийских берегов, прекрасный помощник, умный, добрый, весёлый. Был на “Владимире” в бою, распоряжался орудиями носовой батареи. Назначен старшим офицером парохода.

В деле 3 июля 1854 с 2-мя английскими и 1-м французским пароходами был слегка контужен, и в частых и дальних рекогносцировках, заслужил лучшую репутацию всех Владимирцев...» Григорий Иванович жалел об откомандировании своего старшего офицера в матросский сухопутный батальон, хотя сам просился на бастионы. Днём и ночью артиллерия пароходов по приказаниям Нахимова и начальника штаба Севастопольского гарнизона Виктора Илларионовича Васильчикова обстреливала позиции противника, которые неумолимо приближались к городу. Естественно, что и сами пароходы находились в зоне досягаемости неприятельских снарядов. Бутакову поручили командовать отрядом пароходов. В конце мая пароходам отряда пришлось вести огонь по своим бывшим укреплениям, взятым противником: Селентинскому и Вольнскому редутам, Камчатскому люнету и Забалканской батарее. 5 июня началась очередная бомбардировка Севастополя, после которой последовал штурм. На Малаховом кургане находились смертники, потому что именно на эту командную высоту был направлен главный удар союзных войск. Небольшой пятючок земли подвергался непрерывному обстрелу из орудий и ружей. Поддержку защитникам Корниловского бастиона, который так называли после гибели на нём вице-адмирала Корнилова, оказала артиллерия пароходов. Если бы не она, французы могли захватить бастион. За эту помощь

Григория Ивановича наградили золотой саблей с надписью «За храбрость». Правда, сабля только называлась золотой. На самом деле их изготавливали из Златоустовской стали с позолотой. К концу августа одного героизма, чтобы удержать Малахов курган, оказалось недостаточно. Корниловский бастион пал.

Теперь все усилия командования были направлены на то, чтобы с минимальными потерями отвести войска на Северную сторону. Несмотря на построенный мост через бухту, сделать это можно было только с участием пароходов. 24 августа вице-адмирал Новосильский, которому после смерти Нахимова подчинялся Бутаков, прислал ему письменное приказание: «Предлагаю вашему высокоблагородию принять в своё командование все пароходы и суда, стоящие на рейде. Все баркасы, бывшие в гребном отряде, распределите по пароходам. Высылка катера под парламентским флагом проводиться будет по Вашему распоряжению». «Владимир» непрерывно курсировал между берегами бухты, перевёз за сутки не только грузы, но и почти три тысячи человек. Во всей этой суматохе Григорий Иванович не забыл организовать перевозку Севастопольской библиотеки, книг и уцелевшего имущества. В некоторых источниках говорится, что Бутакову 27 августа 1855 года поручили проверить, чтобы никто не остался на Южной стороне после оставления Севастополя.

Как физически он мог выполнить подобное приказание, если оно действительно поступило, непонятно. Для этого потребовались бы не одни сутки. Встаёт вопрос о раненых, оставались ли они в городе или нет. И вот здесь сплошная неясность. Одни пишут, что к 9 часам

утра 28 августа 1855 года на Городской и Корабельной стороне раненых не осталось. Потом выясняется, что в каменном редуте 2-го бастиона остались 50 безнадежно раненых и умирающих солдат, которых похоронили, подорвав бастион. Генерал Эдуард Иванович Тотлебен в своих трудах говорит уже о 500 безнадежно раненых и умирающих, которых оставили с медиком, вручив ему письмо русского главнокомандующего Горчакова французскому главнокомандующему. Кто этот медик, да и был ли он на самом деле, мне выяснить не удалось. Генерал Дмитрий Ерофеевич Остан-Сакен, командовавший севастопольскими войсками, ссылаясь на князя Васильчикова, писал, что последняя лодка с ранеными отчалила в 9 утра 28 августа. Участник тех трагических событий поручик Лев Владимирович Вышеславцев сообщал в своих записках, что несколько сот безнадежно раненых и умирающих свезли на Екатерининскую (Графскую) пристань. Но нигде нет сведений, о том, что их перевезли на Северную сторону. Ни единым словом не обмолвился о раненых в своих записках и Григорий Иванович Бутаков. Около пяти часов утра «Владимир» всё ещё вёл бой с французской батареей. По некоторым сведениям, раненых переправляли на Северную сторону на пароходах «Дунай» или «Турок», и командовал их перевозкой капитан 2-го ранга Платон Васильевич Воеводский. В английских источниках говорится, что вошедшие в город войска союзников обнаружили на восточной стороне доков ряд больших каменных зданий, бывших складов, или, как тогда называли, магазинов, переоборудованных (правда, это громко сказано) в госпиталь. Следует напомнить, что союзники вошли в

город не сразу после того, как защитники перебрались на Северную сторону, а спустя трое суток.

Они застали в госпитале леденящую кровь картину. В длинном помещении с арками лежали на нарах около шестисот человек раненых и убитых. Среди них находились несколько пленных англичан, которыми сразу занялись английские хирурги. Все люди были в ужасающем состоянии. Некоторые пытались куда-то ползти, и смерть застала их на полу. Другие умерли на нарах и лежали рядом с живыми. Трое суток они не имели ни воды, ни пищи, ни медицинского ухода. Вряд ли англичане бросились помогать русским раненым, я, во всяком случае, упоминания об этом не обнаружил.

На следующий день, как писал английский корреспондент, во второй половине дня появился под парламентским флагом «Владимир». Прибывший на нём Бутаков сказал, что он хотел бы забрать раненых. Как выяснилось, командир «Владимира» был известной личностью среди союзников. Капитан Кеппель, с которым он вёл переговоры, высказал пожелание в будущем встретиться с русским офицером в более благоприятных обстоятельствах. Искренно он говорил или нет, но его слова оказались пророческими. Много лет спустя они встретились в Лондоне, и встреча была дружеской. Английский офицер охотно передал ему оставшихся в живых русских раненых. Матросы из команды «Владимира» перенесли страдальцев на палубу парохода, и «Владимир», выбрасывая клубы дыма, отчалил от пристани. В ночь на 28 августа затопили линейные корабли «Париж», «Храбрый», «Константин», «Мария», «Иегудиил» и фрегат «Кулевчи». Пароходы

Бутакову приказали затопить в ночь на 31 августа. Но, видимо, завершена была эта работа днём. Потому что англичане рассказывали, как они перепугались, когда на следующий день у Южной стороны вновь появился «Владимир», и они опасались, что последует залп шрапнелью, а им негде было укрыться. Но пароход через некоторое время стал погружаться на дно. Бутаков выполнил приказ и затопил судно. Черноморский флот прекратил существование. Григорий Иванович перешёл служить на берег. Его назначили исполняющим должность «начальника рейдового отдела оборонительных линий северных укреплений Севастополя».

Название должности звучало длинно и пышно, но, какие у него конкретные обязанности, Бутаков так уяснить и не успел. После перехода войск на Северную сторону стали разбираться с наличием людей. Выявилось множество случаев побегов и неявки в экипажи. Многие пропали без вести. Конечно, первым делом Бутаков стал наводить справки о своих братьях, отправленных в госпитали. Как выяснилось, один из них, Дмитрий, умер от ран в Симферополе, другой, Владимир, остался жив, с обожжённым лицом и получив две контузии головы. Пока Григорий Иванович разбирался с людьми и своими новыми обязанностями, в штаб Севастопольского гарнизона фельдъегерь привёз указание из Петербурга: Бутакову немедленно отправиться в Николаев, где заняться усилением его обороны. Закончилась севастопольская эпопея, и начинался новый этап его службы и жизни. Сам Григорий Иванович скромно оценивал свой вклад в оборону города, не без основания считая, что воевать на бастионах было и опаснее, и труднее. Когда он первый

раз пришёл с рапортом, в котором просил разрешить ему перейти воевать на сушу, Нахимов ответил категорическим отказом.

Историки обычно приводят якобы произнесённую тогда адмиралом фразу: «Вас нужно сохранить для будущего флота». При всём уважении к личности Григория Ивановича возникает вопрос: выходит, что сражаться и умирать на бастионах должны были те, кого сохранять для флота не требовалось? Григорий Иванович Бутаков закончил войну просто осыпанный царскими милостями и наградами: орден Святой Анны 2-й степени с императорской короной и мечами, золотая сабля с надписью «За храбрость», орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, серебряная медаль за оборону Севастополя, звание флигель-адъютанта. Его младшие братья, бившиеся на бастионах, имели более скромные награды, но они и не были постоянно на виду у начальства. После Севастопольского ада Николаев казался тихим и спокойным, хотя город наполняли многочисленные войска и раненые. Дома родные испытывали и горе, и радость. Они уже знали о смерти Дмитрия, им сообщили из госпиталя, стало известно и о новом назначении Григория. Отец и мать с нетерпением ждали приезда Григория, который должен был привезти известия о находившемся на излечении Владимире. Тот оставался в Севастополе. Григория Ивановича в Николаеве встретили как героя. Меншикова к тому времени уволили с должности начальника главного морского штаба. Корнилов, Истомин, Нахимов погибли. На должность заведующего морской частью в Николаеве и военным губернатором города назначили Николая Фёдоровича

Метлина, присвоив ему звание вице-адмирала. После смерти Корнилова он стал начальником штаба Черноморского флота, оставаясь всю войну в Николаеве. Метлину также подчинили Дунайскую флотилию и интендантскую часть на правах главного командира Черноморского флота. Григория Ивановича назначили к нему заместителем, начальником штаба.

Конечно, получив замом севастопольца, награждённого золотым оружием, орденами Св. Анны с мечами, Св. Владимира 4-й степени с бантом, Св. Георгия 4-й степени, пожалованного царём во флигель-адъютанты, Метлин почувствовал себя неуютно. Понимал, что рано или поздно Бутаков его сменит, а потому вёл себя с ним крайне осторожно. Но почему прислали именно Бутакова? Разве мало было не менее способных и опытных офицеров и адмиралов, прославившихся в Крымскую войну? На мой взгляд, ответ простой. После прихода на престол Александра II руководство флотом перешло к его брату генерал-адмиралу Константину, которому в ту пору было двадцать восемь лет. Великий князь был полон честолюбивых планов по преобразованию флота и собирался опираться на тех людей, каких знал лично, и прежде всего молодых. Генерал-адмирал вспомнил молчаливого сдержанного офицера, с которым он проходил практику вахтенного начальника во время плавания на Чёрном море. Возможно, и раньше держал его в поле зрения. Один из ближайших помощников великого князя Константина, Александр Васильевич Головин, поздравляя Бутакова с назначением, писал ему: «Почтеннейший Григорий Иванович! Вот, что называется, “сон в руку”. Всё, что я предсказывал Вам, сбылось, и я от

всего сердца поздравляю Вас. Ваше назначение служит pendant назначению Барятинского на Кавказ, и в обоих случаях имеются, кажется, все условия для блестящих и полезных результатов».

Бутакову не нужно было хвататься за англо-русский словарь, английский он знал достаточно хорошо, чтобы понять — Головнин считает его назначение дополнением или даже равноценным назначению князя Александра Ивановича Барятинского наместником на Кавказе. Насчёт «сна в руку»: можно не сомневаться, что Головнин, который имел большое влияние на великого князя, способствовал назначению Бутакова. У Бутакова сложились хорошие отношения с Головниным, когда тот сопровождал великого князя во время пребывания на Чёрном море. В 1856 Александр Васильевич, сын знаменитого мореплавателя Василия Михайловича Головина, уже имел звание камергера, решал все кадровые вопросы с Константином. Поэтому назначение Бутакова было неожиданным только для неосведомлённых людей. Вскоре Метлина действительно перевели в Петербург, а на его должность назначили исполняющим обязанности Бутакова. 19 октября 1855 года Константин приказал Григорию Ивановичу создать простое управление, организовать некомплектные флотские экипажи и тренировать их в стрельбе. Один флотский экипаж отправить в Астрахань. Все существующие на флоте учреждения считать «как бы несуществующими». В общем, как в пролетарском гимне: «...до основанья, а затем...».

Константин окружил себя молодыми офицерами, такими же энтузиастами, как он, и начал постепенный слом старой машины управления флотом. Среди его

ближайших помощников оказался Николай Карлович Краббе, вовремя сумевший отойти от Меншикова и приблизиться к Константину. Отличавшийся незаурядным умом, обаянием и хитростью, он приобрёл огромное влияние на великого князя. Краббе недавно назначили директором инспекторского департамента морского министерства, он решал, что делать с большим количеством офицеров, оказавшихся не у дел без своих кораблей. Николай Карлович тоже способствовал назначению Бутакова, конкуренты в Петербурге ему были не нужны. Краббе прислал Бутакову секретную записку с поручением дать характеристику всем штаб- и оберофицерам Черноморского флота, «кто из них, чем известен, и на какое дело мог быть употреблён». При этом он предлагал «излагать мнение с полной откровенностью, не стесняясь никакими соображениями».

Иногда Николай Карлович ссылался на великого князя: «Его императорскому высочеству генерал-адмиралу угодно знать откровенное мнение Ваше о капитан-лейтенанте 31 флотского экипажа Рябинине». Краббе между строчками давал понять, что мнение Бутакова имеет для него и великого князя большое значение, что они являются единомышленниками. На такую нехитрую наживку он и поймал Григория Ивановича. Можно не сомневаться, что своими характеристиками Бутаков нажил массу врагов, потому что нет ничего тайного, что рано или поздно не станет явным. Через одиннадцать месяцев, 26 августа 1856 года, Бутакова утвердили заведующим морской частью в Николаеве и военным губернатором Николаева и Севастополя с присвоением звания контр-адмирала и зачислением в

свиту царя. Здесь нужно остановиться и перевести дух. Карьера просто стремительная.

В 1853 году Григорий Бутаков был всего лишь одним из многих командиров на Черноморском флоте в скромном звании капитан-лейтенанта, в котором ещё было служить и служить до капитана 2-го ранга. А он уже через три года оказался контр-адмиралом, увешанным почётными наградами, зачисленным в свиту его величества. Такое не снилось даже нашим военно-морским святым: Лазареву, Корнилову, Нахимову, Истомину. Конечно, разница заключалась в том, что при Лазареве и Корнилове был флот и была грозная морская крепость Севастополь. А Григория Ивановича Бутакова назначили на должность флотоводца без флота и с грудой каменных развалин того, что раньше называлось Севастополем. Но все положенные по должности регалии он получил.

Жизнь продолжалась. Предстояло привести в порядок всё, что оставалось от флота. Николаев война не затронула, сохранилось огромное количество флотского имущества. Несмотря на бедственное состояние всего, чем предстояло руководить, Григорий Иванович принялся за дело с великим энтузиазмом. Появилась возможность каждый день бывать в доме родителей. Им, конечно, было приятно, что сын занял такую высокую должность и получил в тридцать пять лет адмиральское звание, далеко оставив позади старшего брата, своих сверстников и однокашников. Он занял дом, в котором когда-то жил Михаил Петрович Лазарев. К тому же, в Николаеве была масса знакомых, в том числе и дам, проявлявших повышенный интерес к молодому контр-адмиралу. Николаев и раньше-то, до войны, называли

городом невест, а после войны, когда погибло столько молодых людей, каждый холостяк был на вес золота, ну а о Бутакове и говорить нечего. Не было ни одного офицерского или адмиральского семейства, где бы ни мечтали выдать свою дочь за такого достойного жениха.

По отзывам современников, с виду угрюмый и молчаливый, Бутаков умел ободрить в критическую минуту, сказать несколько тёплых слов, которые запоминались навсегда. Характера он был спокойного, невозмутимого и серьёзного. Приятный внешне, плотного и крепкого телосложения, он как будто распространял вокруг себя спокойствие и уверенность. А если учесть его необыкновенную способность к иностранным языкам и начитанность, то можно не сомневаться, что женская часть николаевского светского общества ревниво следила за тем, кто сумеет добиться внимания восходящего морского светила. К великому огорчению остальных николаевских невест, завоевать сердце севастопольского героя сумела одна молоденькая вдовушка.

6 февраля 1856 года великий князь Константин доложил царю свою идею создать частное акционерное общество «в самых больших размерах», чтобы оно могло содержать максимально возможное количество пароходов, которые в военное время можно было бы превратить в военные крейсера. В сущности, это была попытка заменить Черноморский флот. По мирному договору Россия и Турция могли держать строго определённое количество военных судов на Чёрном море. Но Турция спокойно обходила это запрещение, причина понятная, если посмотреть на географическую карту, какие моря омывают её берега. Проливами владела тоже Турция,

и в любой момент она могла направить свои военные суда в Чёрное море. Поэтому царь согласился создать на юге большой торговый флот в основном на казённые деньги. Тогда это была, без сомнения, очень разумная инициатива. Другое дело, чем она закончилась. Но здесь уж ничего не поделаешь, такая уж у нас традиция: всё хорошее превращать в свою противоположность. Вначале отношения Бутакова с Петербургом напоминали медовый месяц молодожёнов. Константин присылал любезные письма с просьбами, хотя не нужно объяснять, что такая просьба равносильна приказанию.

Григорий Иванович писал в Морское министерство свои соображения по поводу всяких проектов морского ведомства, и по другим вопросам. Бумаги из различных департаментов министерства приходили, подчёркнуто уважительные. Стоит ли удивляться, что у молодого адмирала немного закружилась голова от столь стремительного взлёта. Первые месяцы своей работы на новой должности Бутаков занимался укреплением обороны Херсона, создал там гребную флотилию из пяти канонерских лодок. Вместе с таким же молодым генерал-майором Константином Петровичем Кауфманом, зятем адмирала Берха, они наметили места строительства укреплений в Одессе, Николаеве, Севастополе, Керчи, Еникале на случай внезапного нападения англичан. Почему-то в Петербурге этого побаивались.

Места-то наметили, но денег на строительство укреплений не получили. В Севастополе в 1856 году осталось лишь четырнадцать относительно мало повреждённых зданий. Мёртвые развалины производили жуткое впечатление. Восстановление города при Бутакове практи-

чески не велось. А как оно могло вестись, если на восстановление Севастопольского порта в 1860 году дали ни много ни мало 5700 рублей, Кронштадту, который не пострадал от войны, щедро выделили 678 140 рублей. Основные средства на Чёрном море уходили для акционерного общества, получившего название «Русское общество пароходства и торговли» (РОПиТ). Директором общества назначили инициатора его создания Николая Андреевича Аркаса, который давно занимался пароходами. Константин был одним из главных акционеров РОПиТ.

Забегая немного вперёд, скажем, что первые трения с Константином у Бутакова начались как раз из-за этого общества. Если раньше, в довоенное время, Григорий Иванович занимался делами только одного парохода, то на новой должности приходилось мыслить совсем иными категориями. Ежедневно требовалось принимать решения по делам, с которыми ему прежде никогда не доводилось сталкиваться. Например, херсонский гражданский губернатор сообщил, что у полиции нет ни средств, ни людей, чтобы охранять имущество Херсонской гребной флотилии. Предложил продать их с торгов. Юридическая сторона вопроса Григорию Ивановичу была совершенно неведома. Пришлось взяться за изучение многочисленных законов и распоряжений правительства. Они в России всегда составлялись так, чтобы, с одной стороны, можно было творить беззаконие, а с другой — по воле начальства быть невинно осуждённым. Не зря же существует пословица: закон, что дышло...

Всю войну вопросами интендантской службы занимался Метлин, теперь они перешли к Григорию Ива-

новичу. Чтобы не наломать дров, он принялся изучать документацию интендантской службы. Для этого требовались доброжелательные и сведущие помощники, а интенданты (и если бы только они!) приняли его со скрытой злобой, как выскочку. Не всё было ясно и с возложенными на него обязанностями. Бутаков попросил аудиенции у великого князя для разговора по самым насущным проблемам, но тот ответил, что 25 декабря отправится за границу до апреля 1857 года, а весной будет в Николаеве, поэтому необходимости приезжать в Петербург нет. Между тем решения требовалось принимать незамедлительно. Если все прославившие Черноморский флот адмиралы управляли им, имея налаженную систему управления и помощников, которых сами многие годы подбирали, воспитывали и обучали, то Бутаков такой возможности не имел. Не были определены взаимоотношения с Аркасом. Бутаков считал, что тот должен ему подчиняться, но РОПиТ был частным акционерным обществом, и Аркас немедленно и недвусмысленно дал ему это понять.

В то же время из Петербурга шли указания помогать становлению пароходного общества всеми доступными средствами. Например, великий князь Константин в ноябре 1856 года приказал «принять без промедления, по прибытии в Одессу, купленные в Англии для Кавказского корпуса пароходы, чтобы обеспечить выполнение всех условий контракта в точности». Те, кто когда-нибудь был связан с приёмкой военной продукции, хорошо представляют себе такую ситуацию: высшее начальство из столицы давит на офицеров, давай-давай, чтобы уложиться в сроки, а изготовитель, пользуясь обстановкой,

пытается под шумок протащить технику с кучей дефектов, исправление которых занимает немалое время. Все шишки потом и за срыв сроков, и за пропущенные дефекты достаются приёмщикам, а большое начальство, как всегда, в стороне. Бутакову пришлось бы очень туго, не окажись у него в Морском министерстве два высокопоставленных друга.

Помимо упоминавшегося выше Головнина, он был весьма дружен с полковником Самуилом Алексеевичем Грейгом, сыном адмирала, члена Государственного совета. Грейг, как и Бутаков, участвовал в Крымской войне, был контужен, отличился в сражениях, имел такие же награды, как и Григорий Иванович. Полковник входил в ближайшее окружение Константина. Оба, Головнин и Грейг, не раз помогали Бутакову дружескими советами, сообщали ему ценную конфиденциальную информацию. Например, когда Бутаков хотел рекомендовать назначить главным интендантом капитана 2-го ранга Андрея Васильевича Фрейганга, Грейг по секрету ему сообщил: «О Фрейганге никто хорошо не отозвался. Фрейгангов два, но Вы говорите о том, что служит в Сибири, потому что о другом, квази-учёном, не может быть и речи, как об интенданте. Выбор интенданта так труден, что все, с кем я разговаривал об этом (конечно, не от Вашего имени) не могли назвать ни одного, который мог бы занять это место». Грейг предложил кандидатуру капитана 1-го ранга Романова, но не был уверен, что тот согласится. Романов к тому времени получил место в РОПиТ. По Парижскому договору Россия имела право держать на Чёрном море 6 паровых и четыре парусных военных судна. Перед Бутако-

вым стояла проблема укомплектования их экипажей достойными офицерами. А таких людей переманивал гораздо более высокими окладами Аркас в пароходную компанию. У Бутакова столь мощного стимула не было. Делалось всё с молчаливого согласия Константина. Это также выводило из равновесия Бутакова.

Но, несмотря на все трудности, планы у молодого адмирала были наполеоновские, его переполняли энтузиазм и уверенность, что всё у него получится. Может быть, и получилось бы, не займись он борьбой с ветряными мельницами. Григорий Иванович, люто ненавидевший взяточников и казнокрадов, с которыми ему пришлось столкнуться во время войны, общаясь с флотскими и армейскими интендантами, решил, что очистит флот от подобного жулья. Думается, что его отец, старый, умудрённый жизнью отставник-адмирал, наверняка предупреждал сына, на какой трудный и опасный путь он вступает. Ещё никому и никогда на Руси не удавалось победить взяточников и казнокрадов. Вся эта публика жила и процветала как при царях, так и при генсеках, а уж о нынешнем времени и говорить не приходится. Наконец-то они дорвались до настоящей власти. «Взяточничество и коррупция — неотъемлемая черта русской жизни» — констатировал английский путешественник Чарльз Герберт Коттрелл в книге «Воспоминания о Сибири в 1840—1841 годах». Разве он неправ?

Романтизм, благородные порывы, наивная вера в то, что он сумеет уничтожить воровство, процветающее в России веками, толкнули Бутакова на войну, которая оказалась труднее недавно окончившейся. Но уже первые шаги в этом направлении заставили его понять,

что проще было стоять на мостике под вражескими ядрами, чем сражаться с чиновниками и торгашами. Понимать-то он понимал, что говорил ему отец, но всё равно ещё на что-то надеялся, о чём можно судить по отрывку из его письма капитану 1-го ранга Михаилу Павловичу Голицыну: «Мне нужна была для этого решимость, не содрогоающаяся даже глаз на глаз со смертью, которая одна в состоянии понуждать на столь смелый шаг. Не боясь поднимать против себя, неопытного в законоведении, целую стаю опытных кляузников, прошедших на этом поприще огонь и воду, и, как акулы, чующие жирную добычу от раненого кита-подрядчика, совершенно готового сорить тысячами, когда в опасности его сотни тысяч и миллионы. Удобность выбранного мною случая состояла в том, что подрядчик был кругом виноват, и не заслуживал никакого сожаления, а главные из снисходительных к нему чиновников давно пользовались, и совершенно справедливо, плачевною репутацией, и, следовательно, также не заслуживали сожаления в том отношении, что на них разразится удар, прежде их миновавший, и минующий поныне столь многих, не менее их виноватых и запятнанных». Он думал о том, что «бедное отечество подтачивается страшным червем взяточничества, этою повсеместною нашею гангреною». И, как пишет дальше, «выбрал удобный случай, чтобы нанести, в пределах вверенного мне управления, удар всеобщему врагу».

Наивный прекраснодушный отважный моряк! Задача, которую он перед собой поставил, была сродни построению коммунизма в отдельно взятой стране, оказавшейся по воле судьбы Россией. На нашем веку

мы насмотрелись всяких прожектёров на высоких государственных постах, но у тех, по крайней мере, были в распоряжении партия и государственный аппарат. В подчинении у Бутакова — в основном только скрытые недоброжелатели. Вначале генерал-адмирал поддерживал Григория Ивановича в его желании покончить с взяточничеством и мздоимством. Но хороший моряк и толковый офицер оказался плохим юристом и дипломатом. Григорий Иванович раздражал многим и многих. Например, офицеры считали чудачеством, когда Бутаков, принимая доклады у себя в кабинете, давал подчинённому маленький листок бумаги, чтобы тот переписал отчёт. Метод обучения краткости изложения, конечно, своеобразный. Но это так, ерунда, мелочь. Бутаков всей душой хотел создавать новый флот, а ему досталось сокращать то, что ещё оставалось от старого.

Его захлестнула волна бумаг, связанных с увольнением людей, написанием ходатайств о назначении им пенсий, наград, рассмотрением бесконечных претензий и просьб. Петербург со своей стороны тоже требовал уйму справок, отчётов, донесений. Кроме того, Григорию Ивановичу не давали покоя с многочисленными просьбами знакомые, жёны и вдовы известных адмиралов, всевозможные просители. На большинство этих просьб он отвечал твёрдым «нет!», хотя иногда следовало и согласиться. В 1863 году Бутакову аукнулся один из таких отказов.

Ему прислал конфиденциальную записку управляющий морским министерством Николай Карлович Краббе: «Вдова вице-адмирала Ушакова, Екатерина Ушакова, просит пособие на уплату долгов на похороны мужа в 1856 году». Женщина обращалась тогда к Бутакову, но

ответа не получила. Краббе интересовался, в чём же была причина такого бессердечного отношения к вдове, чтобы «оценить уважительность этой просьбы». Пришлось выкручиваться и оправдываться, что радости не доставило. Николай Михайлович Соковнин, боевой офицер, много лет командовал судами, в том числе фрегатом и пароходами, был на несколько лет старше Бутакова по выпуску. Во время обороны Севастополя воевал на 4-м бастионе, командуя левым флангом. Получил контузию, чудом остался жив. Награждён за храбрость, произведен в капитаны 1-го ранга за отличие, оказался после войны, выражаясь современным языком, за штатом. Получал гроши, на которые нужно было ещё содержать семью.

Можно себе представить, каково ему было унижаться, прося Бутакова помочь перейти в Русское общество пароходства и торговли на должность командира одного из больших пароходов. «Благоволите вспомнить», — писал он, прося ходатайства на переход в пароходную компанию. Но, к чести Григория Ивановича, нужно отметить, что он не забывал боевых товарищей. Контр-адмирал помог Соковнину: сначала нашёл ему временное место, а в 1859 году устроил комендантом Феодосии.

Ещё в 1856 году закадычный приятель Грейг спрашивал Бутакова, почему бы тому не жениться? В самом деле, почему бы и нет? Денежное содержание контр-адмирала вполне позволяло иметь семью. Да и мотом Григория Ивановича не назовёшь, деньги у него всегда водились. Справедливость требует отметить, что он всегда охотно помогал родителям и своим бедным родственникам, семьям сестёр, особенно Саше, которая вечно нуждалась

в деньгах. Возраст для брака был вполне подходящий. Сомнительно, чтобы все эти годы он вёл монашеский образ жизни, но, видимо, пришла пора остепениться. Из всех многочисленных николаевских дам и девиц, стремившихся привлечь внимание свитского контр-адмирала Бутакова, преуспела белокурая молоденькая вдова подполковника Галафеева, Амалия Арсеньевна, урождённая Рожественская. Она была моложе Григория Ивановича на пятнадцать лет. В те далёкие времена офицер мог жениться, нет-нет, вовсе не с благословения родителей, как вы могли подумать. Без благословения родителей обойтись можно было, а вот без разрешения начальника — никак. Попросил такого разрешения и Бутаков. 19 августа 1857 года из Александрии в Николаев телеграммой пришёл ответ за подписью великого князя Константина: «Разрешаю Вам вступить в брак. Искренно поздравляю. К.» (великий князь часто подписывался только одной буквой). Не знаю, испытывали тогда офицеры унижение, испрашивая разрешения начальника на такое сугубо личное дело, как вступление в брак, или считали само собой разумеющимся. Наверно, утешало то, что и в царской семье действовал аналогичный порядок: всем членам императорской семьи для женитьбы или замужества требовалось разрешение царя. Умели тогда люди строить вертикаль власти! Венчаться решили в родовом гнезде, в Остаповке, куда съехалась вся многочисленная родня.

Только с братьями Иваном и Алексеем возникли проблемы. Один сдавал судно, на котором пришёл с Дальнего Востока в Кронштадт, второй безвылазно сидел в песках Средней Азии. Свадьба, без сомнения, дело исключительно

важное. Но, если для Амалии, или как её иногда называли, Марии, это было смыслом всей её дальнейшей жизни — какого мужа выберешь, так и жить будешь, то для Григория Ивановича, при всей ответственности выбора супруги, служба значила, несомненно, больше. Бывает, конечно, что умная жена помогает мужу в служебном росте, но так везёт далеко не всем. Во всяком случае, все мои герои в служебных делах обходились и без помощи, и без советов своих жён, хотя в последнем я до конца не уверен. А что касается любви, то ничего определённого сказать нельзя: скрытным человеком был Григорий Иванович. Все его письма жене, сохранившиеся в архивах, написаны без особых эмоций, впрочем, и её тоже, довольно деловые. Григорий Иванович меж тем продолжал борьбу с мздоимцами. Чувствуется, что копнул он глубоко и зацепил многих. Ему прислали домой стихотворный анонимный пасквиль под названием «Николаевский быт в 1857 году» на пяти страницах, начинившийся так:

С Николаевым что стало: всё в нём вдруг переменялось,
Да к тому же ещё горю,
Эта тварь Бутаков собрал всех дураков,
За начальников их сажает и Сибирью угрожает.
Если кто-нибудь из них впишет в книгу лишний штрих.
Да ещё он много-много им приказывал престрого
Выгоду разузнавать, чтоб гласно не воровать.
Между тем, чтоб досугом наблюдали друг за другом,
И узнают что о ком, доносить ему тайком...

Он крепко схватился со своим замом по интендантской части контр-адмиралом Александром Игнатьевичем

чем Швенднером. Видимо, сказалась взаимная личная неприязнь. Швенднер уже командовал пароходом «Колхида», когда Бутаков ещё только окончил Морской корпус. Александр Игнатьевич был заслуженным офицером, много плавал, бывал, как и Бутаков, по служебным делам в Англии. Можно предполагать, что он считал своего нового начальника выскочкой и не очень разбирающимся в хозяйственных делах. То, что воровство в интендантстве всегда было, есть и будет, сомнения не вызывает. Интендантством занимались и Лазарев, и Корнилов, и Метлин. Но при них не было таких громких дел. Кто-то доложил Бутакову, что купец Киреевский и Швенднер состояли в сговоре по поставке морскому ведомству гнилой муки. Разбираться в таких делах должны специалисты, шашкой тут махать не следует.

Однако обычное хладнокровие изменило Бутакову. Он назначил комиссию из людей, которым доверял, и напрасно это делал. Уловив, куда ветер дует, те составили акт, из которого следовало, что во всём виноват Швенднер и некоторые из его подчинённых. Воспылавший негодованием, Григорий Иванович приказал арестовать купца Киреевского, опечатать его склад, и отстранил от дел Швенднера. О случившемся происшествии он срочно доложил в Петербург, представив материалы работы назначенной им комиссии. Великий князь тогда полностью доверял Бутакову и немедленно доложил обо всём царю. 22 июня 1857 года он написал царю, находившемуся в то время в Висбадене: «...В Комиссии ничего важного не было, как ты увидишь по журналу, кроме истории злоупотреблений Черноморского интендантства, открытых Бутаковым. Мы почли необходимым

принять экстренные меры, дабы можно было, хоть раз захватить что-нибудь на деле по горячим следам и чтоб это не исчезло, как, к несчастью, все крымские дела. Я послал туда моего Оболенского, на которого можно вполне положиться».

Князь Дмитрий Александрович Оболенский был директором комиссариатского департамента. Как и Бутаков, после своего назначения он рьяно занялся борьбой со злоупотреблениями в Морском министерстве. Между тем по результатам работы комиссии, созданной Бутаковым, на основании его доклада последовали жёсткие меры: «за злоупотребления и беспорядки по поставке провианта и мундирных материалов в магазины Черноморского интендантства» предали военному суду группу лиц: контр-адмирала Швенднера, семь штаб-офицеров, четырёх чиновников и двух купцов, имевших почётное гражданство. В результате Швенднера исключили из службы, часть офицеров разжаловали в матросы, лишили боевых орденов. Со всех взыскали стоимость имущества и продовольствия, оставив просто нищими. Ниточка, как выражаются авторы детективов, потянулась к ещё более крупным фигурам, в частности к адмиралу Метлину. Оболенский, в отличие от Бутакова, был опытным юристом.

Его комиссия подтвердила выявленные злоупотребления, но, как выяснилось в процессе его работы, виновными оказались совсем другие лица. Бутаков стал жертвой хорошо продуманной интриги настоящих преступников. Григорий Иванович не мог с этим согласиться: кому хочется так попасть впросак. Неудивительно, что Бутаков упорно настаивал на своей версии.

В донесении генерал-адмиралу он обвинил столичную комиссию в необъективности. Однако с ним не согласился Константин Иванович Истомин, председатель ещё одной, военно-судной, комиссии, назначенной для разбора «злоупотреблений, обнаруженных по интендантской части Черноморского управления». Попал в дурацкое положение и Константин, поторопившийся доложить царю непроверенные сведения.

Конечно, Швенднер, как обер-интендант, отвечал за всё происходившее в его службе, но доказательств того, что он сам участвовал в хищениях, не было. Бутаков, ознакомившись с результатами работы комиссий, написал прошение об отставке, но его рапорт был оставлен без внимания. Зато пришёл неожиданный выговор от великого князя за «неприличную придирчивость и неисполнение его воли» в деле о разборе севастопольских развалин. Об отставке с ним и разговаривать не стали. Авторитет Григория Ивановича у Константина и у царя в результате всей этой интендантской истории не рухнул, но трещина появилась, и не малая. Сохранилась запись: «Поставлено контр-адмиралу Бутакову на вид, что ему не следовало представлять начальству о контр-адмирале Швенднере и бывшем полковнике Трофимовском, как о главных виновниках в допущениях приёма от поставщиков недоброкачественного провианта, не имея для такового обвинения надлежащего основания, и когда по закону они не подлежали ответственности за означенный ущерб. Вследствие этого обвинения Швенднер и Трофимовский неправильно были подвергнуты аресту, и на имущество сих лиц неправильно было наложено запрещение...» Без вины виноватыми оказались также

надворный советник Зимницкий, мещанин Скобликов и поселянин Выкрестенко, поскольку «причастность этих лиц к поставкам от почётного гражданина Киреевского не была обнаружена». Наверно, не очень приятно было потом Бутакову встречаться с ошельмованными им людьми. В довершение всех неприятностей имелось ещё одно обстоятельство, которое цепляло самолюбие молодого адмирала. Началась деятельность Русского общества пароходства и торговли. В мае отправился в первый рейс пароход «Дон». От правительства общество получило огромный кредит, ему предоставили на двадцать лет ежегодные субсидии. По приказу генерал-адмирала для службы на пароходах направили 126 морских офицеров и несколько сот матросов из состава Черноморского флота. В случае войны пароходы предполагалось быстро вооружить и использовать в качестве крейсеров. С командами занимались боевой подготовкой. Получалось, что полувоенная должность председателя пароходного общества капитана 1-го ранга Аркаса значила гораздо больше, чем должность заведующего морской частью контр-адмирала Бутакова. Когда я писал об этих неприятностях Григория Ивановича, то в голове возникли строки из замечательного стихотворения Андрея Дементьева:

Кто-то в гении выбился, кто-то в начальство...

Не жалеете, что вам не досталось их бед.

Винить в своих бедах Бутакову нужно было только себя самого, сказались его стремительное восхождение по служебной лестнице и отсюда — административная

незрелость. Не только безуспешной войной с казнокрадами занимался в тот год Бутаков. Он пытался бороться и с некоторыми традициями на флоте. До войны командиру судна, идущего за границу, предоставлялось право выбрать себе старшего офицера и ревизора (офицера, ведающего хозяйством на корабле).

Бутаков нарушил негласную традицию, поставив право выбора кандидатов командиром, в зависимости от результатов смотра судна, вернувшегося из крейсерства у берегов Кавказа. Он ввёл порядок: получил командир замечание — лишился этого права. Восторга это нововведение на флоте не вызвало. Что касается офицеров, то, по мнению Бутакова, на заграничное плавание могли претендовать только отличившиеся в шлюпочных гонках либо знающие иностранные языки и окончившие с отличием Морской корпус или Штурманское училище. Сам он, как мы помним, в Морском корпусе успехами особенно не блистал. Григорий Иванович также во всеуслышание заявил, что назначать офицеров в заграничное плавание по чьим-либо просьбам не будет. Конечно, просьбы родителей, родственников и покровителей назначить для службы за границей чье-нибудь чадо не прекратились, но Бутаков, по его собственным словам, решительно им отказывал. Как там было на самом деле, достоверно неизвестно. Думаю, без исключений всё же не обошлось. Принципиальность самого Григория Ивановича тоже давала слабину, когда касалось его собственных родственников. Брат Алексей застрял на Сырдарье и надеялся, что Григорий, занявший такую высокую должность, поможет оттуда выбраться. По его письмам чувствуется, как там всё ему осточертело. В письме Алексея Ивано-

вича, которое Григорий получил 26 января 1857 года, есть грустная строчка, являющаяся, в сущности, упрёком: «... Грицко, вот и декабрь на дворе, а мы всё здесь...»

Григорий Иванович делал всё от него зависящее, чтобы выгнать брата из Средней Азии. Он использовал все свои связи, обратился за помощью к севастопольтцу, боевому товарищу, Виктору Илларионовичу Васильчикову, который после войны занял важный пост директора канцелярии военного министерства. Но князю Васильчикову удалось «пробить» только командировки Алексею в Петербург и за границу. Брату Владимиру Григорий помог получить назначение командиром парохода «Прут» на Чёрном море.

В том году в Петербурге наконец-то собирались вместе три брата: Иван, Алексей и Григорий. Но хотя Алексей был самый старший, у него после фамилии стояла цифра 2, у Ивана — 3, а у Григория — 1. Далеко обошёл он своих братьев, те всё ещё носили погоны капитан-лейтенантов, а он был уже контр-адмирал. Братьев принял наследник цесаревич, пригласил их на обед. После этого Григория Ивановича буквально засыпали приглашениями на обеды и балы. Среди желающих видеть Бутакова было много видных сановников империи, например президент Академии наук граф Дмитрий Николаевич Блудов. Поскольку Григорий Иванович получил звание генерал-адъютанта, то ему пришлось дежурить во дворце, что позволило лишний раз пообщаться с царём, что было также неплохо для служебного роста.

По возвращении в Николаев на Бутакова вновь обрушилась масса дел. В Лондоне работали отправленные по его ходатайству офицеры. Они занимались

приёмкой строящихся пароходов, закупкой различных механизмов и машин, сбором новейших сведений по морскому делу. Он внимательно читал все их донесения, давал указания, как действовать и на что обратить особенное внимание. В Севастополе приступила к работе по подъёму затопленных судов американская фирма Джона Говена, заключившая контракт с кораблестроительной экспедицией Черноморского интендантства. В Англии закупили оборудование Муртонова эллинга для верфи вблизи Николаева, возобновилось строительство кораблей в Николаевском адмиралтействе. Обширную переписку Бутаков вёл со своими старыми товарищами: Андреем Александровичем Поповым, Иваном Фёдоровичем Лихачёвым, которые информировали его о новостях в кораблестроении и политике морского министерства. Великий князь приказал Бутакову оказывать помощь Николаю Андреевичу Аркасу по всем вопросам, с какими тот обратится. Аркас об этом знал, и его просьбы, в которых нельзя отказать, следовали одна за другой. Получилось, что Григорий Иванович фактически оказался в подчинении у Аркаса, тем более что о воссоздании Черноморского флота речь ещё не шла. Бутакова раздражали многочисленные обращения тех, кому очень трудно было отказать, например вдове покойного адмирала Лазарева. Та просила место для Людвиг Опацкого, всячески расхваливала его, а Григорий Иванович знал, что этого проходимца, проворовавшегося архитектора, бывшего строителя канатного завода, и близко нельзя подпускать к казённой службе.

Бессильная ярость охватывала его, когда вместо приёмки боевых кораблей отправленные им в Англию

офицеры, оставив все неотложные дела, занимались яхтами для царского семейства. Но что они или он могли сделать? В общем, Бутаков тяготился службой на берегу и чувствовал себя не на месте. Он обратился к великому князю Константину с просьбой перевести его на Балтику. В ответ получил вежливое письмо Краббе, в котором сообщалось, что в просьбе Григорию Ивановичу отказано. Бутаков жаловался в частных письмах Головнину, что в его распоряжения постоянно вмешивались, забирали лучших офицеров для службы в парходной компании Аркаса. Видимо, рассчитывая, что через Головнина его слова дойдут до великого князя, Григорий Иванович писал ему: «Неужели сочтут капризом, если я, видя невозможность делать какие-либо соображения для будущего устройства доверенного мне управления при таких распоряжениях, буду просить лечиться за границу от невыдуманной болезни?» Но эта слабая угроза на руководство морским министерством не подействовала.

В 1857 году Григорию Ивановичу написал рапорт лейтенант Николай Иванович Красовский. Лейтенант служил в Феодосии на должности командира брандвахтенной канонерской лодки. Должность, прямо скажем, не ахти какая, но после войны, когда офицеров было много, а должностей мало, и такая должность давала возможность получать жалованье и существовать на него.

Лейтенанта куда-то собирались перевести, а он мечтал прослужить в Феодосии ещё год. Феодосия для тех, кто там не бывал, — не самое плохое место на земле. Но лейтенанта прельщала не курортная местность, а возможность заниматься живописью у Ивана Констан-

тиновича Айвазовского, который жил там, в роскошном собственном доме. Айвазовский неоднократно встречался с Бутаковым, когда писал картину «Бой с “Перваз-Бахри”», льстиво называл его покровителем всего полезного и прекрасного. Художник посоветовал лейтенанту лично обратиться к адмиралу, сославшись на него. Бутаков пошёл навстречу офицеру, тем более что знал его по службе на пароходе «Крым». Известно ему было и об увлечении Николая Ивановича живописью. Впоследствии Красовский получил широкую известность как скульптор и живописец. Некоторые его картины приобрёл великий князь Константин. Картины боевого морского офицера, участника Синопского сражения, командира батареи во время осады Севастополя, награждённого орденом Св. Георгия 4-й степени, и сейчас хранятся в Центральном военно-морском музее. Какая-то заслуга в том есть и у Бутакова.

И ещё одно доброе дело совершил Григорий Иванович. Он вернул в разрушенный Севастополь морскую библиотеку. Её временно разместили в здании бывшего Девичьего училища, там же расположилось и Благородное собрание. Тем самым адмирал сохранил её для многих поколений моряков и их семей. Тёплое чувство благодарности знаменитому адмиралу испытал и автор, просиживая вечера в читальном зале севастопольской Морской библиотеки.

От первого брака с подполковником Галафеевым у Амалии детей не было. А вот Григория Ивановича она, в положенный срок после свадьбы, осчастливила дочерью. 27 августа 1858 года он получил в Севастополе присланную по эстафете из Симферополя телеграмму,

отправленную туда из Николаева. Мать сообщала: «Бог дал дочь 27 августа. Амалия здорова».

О столь радостном событии Бутаков немедленно сообщил телеграммой великим князьям Константину и Николаю, прося их стать крестными отцами. Знал службу Григорий Иванович! Генерал-лейтенант великий князь Николай Николаевич находился в то время проездом в Одессе. Бутакова он хорошо помнил по своему приезду в Севастополь во время войны. Великий князь сразу откликнулся тоже телеграммой: «Жена и я поздравляем с радостным событием, и желал бы назваться крестным отцом новорожденной. Прошу Вас не беспокоиться и остаться при Вашей жене. Николай». Константин Николаевич прислал телеграмму с некоторой задержкой. Дело в том, что Бутаков обратился через него с просьбой и к царскому семейству стать крестными. 1 сентября пришла телеграмма из Петербурга: «Поздравляю с новорожденной. С удовольствием буду восприемником. Императрице доложу нашу просьбу по приезде её величества. К.»

Через две недели напомнил о себе и Николай Карлович Краббе, которого Бутаков ни о чём не просил, но эту телеграмму следует расценивать и как намёк, что не стоит обходить своих непосредственных начальников, обращаясь на самый верх: «Государь император соизволил с удовольствием согласиться на восприятие от купели Вашей дочери. Контр-адмирал Краббе». Разумеется, никто из царской семьи при крещении не присутствовал, но Бутаков зато получил письменное свидетельство, заверенное казённой печатью и подписью генерал-адъютанта барона Корфа о том, что великий

князь Николай был заочным восприемником дочери Григория Ивановича. Подобные документы он получил из министерства двора и от Константина. Согласитесь, что бумаги были весьма полезными. Но и это ещё не всё. Положено в подобных случаях дарить подарки. Жена великого князя прислала от имени мужа и своего в подарок жене Бутакова золотой браслет, украшенный бриллиантами.

Не хуже подарки Амалия получила от Константина и императрицы. Во время этих радостных и волнующих событий брат Иван находился в Бордо в качестве командира строившегося там фрегата «Светлана». Иван Иванович просил разрешения у Краббе дать ему отпуск за границей, чтобы вылечить больную ногу. Краббе в качестве дружественного жеста прислал Григорию Ивановичу телеграмму, в которой написал: «Брату дано знать в Бордо, что если доктора находят, что ему нужно лечиться за границей, то, чтобы оставался и о деньгах не беспокоился. Фрегат приведёт Лисянский. Контр-адмирал Краббе». В общем, сообщил старшему брату о заботе, проявленной им по отношению к Ивану. В начале октября отправился за границу генерал-адмирал великий князь Константин. Перед отъездом он ещё раз строго внушил Бутакову: «По случаю моего отъезда за границу, считаю нужным обратить внимание вашего превосходительства на пользу, приносимую России Обществом пароходства и торговли на Чёрном море. Я весьма желаю, чтоб Вы оказывали оному во всех случаях всё зависящее от Вас содействие. К.». Видимо, рождение дочери отвлекло Бутакова от дел, которые ему показались маловажными, чего не скажешь о тех,

кого они касались непосредственно. В 1856 году Константину пришла в голову мысль послать известных русских писателей «изучать быт и нравы приречных и приморских областей России». Александр Степанович Афанасьев-Чужбинский выбрал Приднепровье. Поработал он очень добросовестно и впоследствии издал двухтомный этнографический труд «Поездка в южную Россию». Не очень понятно, как это сказалось на мощи военно-морского флота России, но великому князю было виднее. Речь сейчас не о том.

Писатель за свою работу получал деньги от интендантского управления. После разгрома, учинённого Бутаковым, чиновники прекратили выдавать аванс Афанасьеву-Чужбинскому. Писатель написал несколько служебных записок Бутакову, но ответа не получил. В отчаянии он снова написал Григорию Ивановичу, уже со скрытой угрозой жаловаться выше: «...официальная переписка продлится долго, а я в крайности. Что же мне теперь делать? Интендантство всегда делало мне снисхождение, выдавая вперёд. Куда же теперь обращаться? Неужели я должен беспокоить генерал-адмирала? Нужно ехать, и нечем расплатиться. Чужбинский». Деньги нашлись, писателю заплатили.

Иногда Бутаков попадал в довольно анекдотические ситуации. У него сложились неплохие отношения с графом Александром Григорьевичем Строгановым, генерал-губернатором Одессы. Граф был умным и деятельным человеком. О нём осталась в истории города только добрая память. Строганов предложил устроить брандвахтенные посты из канонерских лодок в портах Чёрного и Азовского морей. Бутаков его поддержал, о

чём граф не забыл, и в свою очередь деликатно помог ему выпутаться из трагикомического положения.

Григорий Иванович назначил городничим в Ялту капитан-лейтенанта Ивана Николаевича Кондогури, которого он отправил с письмом к Строганову. Граф ответил Бутакову частным письмом: «Милостивый государь Григорий Иванович. Назначенный городничим в Ялту капитан-лейтенант Кондогури доставил мне письмо вашего превосходительства от 14 декабря. Вполне веря прекрасному Вашему отзыву о нём, я должен откровенно сказать Вам, что я не понимаю, как он может с успехом исполнять должности, столь важные, как городничего, потерявши почти совершенно чувство слуха. Примите и т.д. граф Строганов 17 декабря 1858, Одесса». Кондогури был одним из героев обороны Севастополя.

После контузии он совершенно потерял слух, стал инвалидом. Пришлось Бутакову каяться: «упустил из виду вникнуть в степень глухоты капитан-лейтенанта Кондогури... поставил себе обязанностью на будущее время избегать подобных случаев».

Что ж, как говорится, и на старуху бывает проруха. В том же году по приказанию либерально мыслившего великого князя Константина Григорию Ивановичу довелось заниматься освобождением черноморских адмиралтейских поселян от крепостной зависимости. Генерал-адмирал регулярно читал «Колокол», который ему доставляли из русского посольства в Лондоне. Как он реагировал на герценовское издание, сказать сложно, но достоверно известно, что великий князь был горячим сторонником отмены крепостного права. Григория Бутакова либералом, в отличие от царского брата,

назвать трудно, хотя многие историки и писатели норовят изобразить его глубоко сочувствующим простым людям, чуть ли не борцом за народное счастье, как это обычно делается, когда какой-нибудь общественный или государственный деятель попадает в списки «святых» отечественной истории.

На мой взгляд, из всех братьев Бутаковых он как раз был самым консервативным. Тем не менее с задачей, возложенной на него Константином, Григорий Иванович успешно справился, но вовсе не потому, что это была его собственная инициатива. Впоследствии Бутакова наградили золотой медалью на Александровской ленте. Такую награду давали всем, кто занимался освобождением крестьян, если освобождение крестьян происходило без эксцессов. Григорий Иванович доказывал министерству, что ему необходим начальник штаба, и просил назначить на эту должность старого приятеля Василия Александровича Стеценко. Однако верный друг Грейг конфиденциально сообщил, что в министерстве считают должность начальника штаба совершенно излишней, чтобы справиться со всем объёмом работы, достаточно и одного Бутакова. Это, конечно, задело Григория Ивановича, увидевшего в том козни Краббе, хотя сам Бутаков действовал по обычной логике чиновников — раздувал штаты. Кроме того, ещё одним щелчком по самолюбию послужило распоряжение об отправке в крейсерство судов, совсем не тех, какие предлагал он. Григорий Иванович был так этим оскорблён, что написал Краббе возмущённое письмо, в котором обвинял того в представлении ложного доклада о состоянии морской части в Николаеве, вызвавшего неудовольствие великого князя.

Краббе ответил сдержанно и лаконично, охладив пыл Бутакова: «...Письмо вашего превосходительства от 21 мая относительно назначения судов в крейсерство, лично прочтено его императорским высочеством генерал-адмиралом, и от 18-го сего июня за № 168 я сообщил уже Вам по телеграфу приказание его высочества по сему предмету. Но, кроме сего, считаю не лишним известить Вас, что по депеше Вашей за №188 не был, представляем со стороны департамента какой-либо особый доклад, но была представлена его высочеству, подлинная Ваша депеша... его высочество не изволил выражать никакого неудовольствия... Имею честь быть Вашим покорным слугою, Краббе».

· Летом 1858 года в районе Сочи вооружённые ружьями контрабандисты на шлюпке напали на пароход РОПиТ «Керчь», который обслуживал линию Одесса — Трапезунд. Командир парохода лейтенант Пётр Петрович Шмидт, опытный боевой офицер, сумел отбить неожиданное нападение. Встревоженное случившимся нападением, руководство Русского общества пароходства и торговли сообщило о нападении великому князю Константину. Появились опасения, что под видом пассажиров контрабандисты могут захватить пароход.

В 1857 году итальянские инсургенты именно таким образом, во время следования из Генуи в Тунис, захватили сардинский торговый пароход «Кальяри». К Бутакову обратились директора общества с просьбой выдать на каждый пароход несколько хороших орудий, огнестрельное и абордажное оружие на всю команду. Но Григорий Иванович сделать это сам, по понятной

причине, не решился и запросил Петербург, в какой степени можно удовлетворить просьбу РОПиТ. Генерал-адмирал приказал согласовать вопрос с министерством иностранных дел. Канцлер Горчаков не возражал против абордажного оружия, но по поводу орудий ответил, что для этого требуется согласие держав, подписавших Парижский мирный договор.

Посему Григорий Иванович разрешил выдать на суда Русского общества пароходства и торговли только абордажное оружие. Однако нападений на суда больше не было. Любое начальство терпеть не может всевозможных обращений и жалоб. Приходится отвлекаться от важных общих проблем и заниматься маловажными, но вполне конкретными вещами. А кому это нужно? В 1859 году Бутаков написал секретную записку на имя генерал-адмирала о положении дел в Черноморском флоте. В ней он жаловался на отсутствие поддержки со стороны министерства и просил об увольнении с должности.

Радости это послание в Петербурге не вызвало, о чём можно было сделать вывод из последовавшего гробового молчания. Не получив ответа, Григорий Иванович вторично обратился к великому князю с просьбой разрешить ему уже лично доложить свои соображения. В ответ 16 марта контр-адмирал Николай Карлович Краббе прислал Бутакову телеграмму: «Государь император разрешил Вам отправиться на частном пароходе в Пирей к св. Пасхе для личных объяснений с генерал-адмиралом».

Результаты встречи неизвестны, но можно предполагать, что Бутаков получил какие-то обещания от Константина. Во всяком случае, после осмотра генерал-адмиралом портов Чёрного моря он отправил Григорию

Ивановичу вполне доброжелательную телеграмму: «Посетив в последнее время разные пункты деятельности Русского Общества Пароходства и Торговли, я удостоверился в том, что оно приняло большое развитие и приносит несомненную пользу для промышленности России, торговли нашей, и в особенности, для развития нашего коммерческого мореплавания. В то же время, мне было весьма приятно узнать, что ваше превосходительство оказывает ему просвещённое содействие Ваше, и как главный учредитель оно, я прошу Вас продолжать содействовать деятельности Общества всеми зависящими от Вас средствами, за что я буду весьма Вам благодарен. Также сообщать директору-распорядителю Ваши полезные советы. Константин».

Разумеется, с настроением любыми путями перейти служить с Чёрного моря на Балтику трудно было ожидать от Григория Ивановича великих свершений. Пыл, с каким он вначале взялся за дело, давно угас. Уже не он беспокоится, а ему напоминали о запустении сева-стопольских кладбищ герои Крымской войны Павел Евстафьевич Коцебу и князь Виктор Илларионович Васильчиков. Они даже просили Бутакова поместить по этому поводу статью в «Морской Сборник», тем самым подталкивая его к действиям. Но, увы! Вице-адмирал Фёдор Фёдорович Матюшкин просил присылать для публикации сведения о Черноморском флоте.

Однако Григорий Иванович пребывал в депрессивном состоянии. Он ни от чего не отказался, но и не делал. Зато была полна кипучей энергии его жена. Из Симферополя она командовала мужу телеграммой в Николаев: «Приходи в Севастополь». Амалия Арсеньевна

пребывала в постоянных разъездах: Крым, Петербург, Одесса. Перед возвращением домой она предупреждала: «Прибыла благополучно в семь с половиною, стоим в Парижской, вели печь исправлять, кролика не забудь. Амалия Бутакова». Словом, муж получал исчерпывающие указания, даже что приготовить на обед. Осенью Бутаков отправлялся на празднование Касперовской иконы Божьей Матери, история которой связана с военными событиями. По традиции ему полагалось там быть как старшему морскому начальнику. Касперовка — село близ Днепровского лимана. Но в тот год его взяла такая тоска, что он не поехал на праздник и сообщил жене об отказе от поездки в Касперовку. Та откликнулась радостной телеграммой: «Выезжаем в воскресенье утром, надеюсь быть вечером, нельзя ли маленький экипаж или шляпку, боюсь моста. Сегодня в театре, всё кончили. Амалия Бутакова».

Под Новый год в Николаеве собралась вместе вся семья, кроме братьев Алексея и Ивана. Владимир, назначенный командиром шхуны «Соук-су», по приказу брата тоже прибыл на шхуне из Сухуми в Николаев. Как военный губернатор, Григорий Иванович ничего не сделал для благоустройства города. Самой большой проблемой Николаева было отсутствие нормального водопровода. Виктор Иванович Зарудный, один из офицеров, направленных за границу для сбора сведений и размещения заказов для военно-морского флота, пытался вдохновить Бутакова на строительство водопровода. Он написал ему: «...меня мучит желание быть полезным по делу о снабжении Николаева водой. В Лондоне я пробыл всего два дня, но успел уже собрать

кое-какие объяснения о современных гидравлических деятелях, и опять попало имя Ветона и Амоса. Я был у них и просил сообщить, какую плату может потребовать один из фирмы для путешествия в Николаев, осмотра местности и составления плана. Представляя в то же время свой вопрос им, не как формальное предложение, а в виде собирания сведений. Процесс фильтрования в большом размере, и, скорее всего, нужен в Николаеве, как в Вене, в Париже, Лондоне. В процессах фильтрования воды сделаны в последнее время значительные усовершенствования. Если вашему превосходительству знать нужно план (так в тексте письма. — *Примеч. авт.*) снабжения водою Николаева, то Вы совершите подвиг, который при затруднительных препятствиях, неразлучных в нашей администрации, сделает честь Вашему имени на многие и многие годы».

Но, судя по тому, что ничего не было сделано, Бутаков равнодушно отнёсся к будущей славе. После него эту работу выполнил Николай Андреевич Аркас, которому действительно остались благодарны жители Николаева. В том же 1859 году завершилась эпопея с деньгами одного из нижних чинов, погибших во время войны на «Владимире».

Сразу по прибытии в Николаев в 1855 году Григорий Иванович отправил конверт, в который вложил сто один рубль серебром, в деревню Высокая Гора. Они предназначались по завещанию погибшего в Инкерманском сражении боцманмата Назара Абраменко его сыну, причём, именно сыну, а не жене. Управляющий Дмитрий Миронов ответил Бутакову, что жена Абраменко умерла, а сын Данила, кантонист, живёт в работниках, получая

четыре рубля серебром за лето. Родственники мальчика потребовали, чтобы деньги передали им на хранение, но вотчинный начальник Никита Борисов предупредил Миронова, «чтобы им денег не отдавать более потому, что они, по бедности своей, их потратят, и получить с крепостного крестьянина будет трудно, даже невозможно». В конце письма он спрашивал, как ему поступить с деньгами. Потом началась путаница, умышленная или нет со стороны управляющего Миронова, сказать трудно, но Назар Абраменко превратился в Абрама Назаренко.

Григорий Иванович был не из тех, кто забывает своих бывших подчинённых. Не забыл и своего обещания исполнить последнюю волю покойного. Для него это было святое дело. Так получилось, что он случайно познакомился с генерал-майором Мальцевым, у которого в тех краях, где жил сын боцманмата, оказалось имение. Бутаков попросил генерала разобраться в ситуации, помочь в улучшении быта и обучении грамоте сироты и, кроме того, направил официальное письмо в полицию. Дело, которое тянулось четвёртый год, стало двигаться быстрее. Даниле управляющий выдал расписку, что деньги находятся у него, и он за каждый рубль будет выплачивать проценты — шесть копеек серебром в год. Кроме того, мальчика взяли в контору села Сильковичи обучать грамоте, стали использовать его для работ по домовой больнице, выделив жильё, содержание и «всё нужное». В заключение управляющий сообщал, что «сирота Данило Назаренко приписался в Мосальское мещанство, поведения он очень хорошего, склонности его, как видно по действию, более способны к земледелию». Снова началась путаница с фамилией сироты.

Пришёл ответ Бутакову и из полиции от станового пристава. Тот доложил, что «Данило Назаренко... в настоящее время находится в деревне Высокие Горы имения г. Купфер при родственниках своих, и занимается хлебопашеством». Полицейский даже не удосужилась выяснить фамилию подростка. Видя, что эту бесстыжую публику ничем не проймёшь и что мальчик так и не получил денег, а продолжает батрачить на своих родственников, Бутаков обратился в Масальский земский суд. В конце января 1859 года ему ответили из суда, что получили для выдачи сыну боцманмата Назара Абраменко, Даниле, 34 рубля серебром и банковский билет на сумму 721 рубль 43 копейки. Эти деньги Бутаков забрал из суда, положил в Одесскую контору госбанка, а проценты, 28 рублей 86 копеек, приказал адъютанту Белякову передать сироте. Адъютант вручил мальчику и письмо от контр-адмирала: «Любезный Данило Абраменко! Уведомляю тебя, что вместе с сим из канцелярии штаба главного управления Черноморского ведомства при бумаге от... сего октября за №... Отправлены в Масальский земский суд для выдачи тебе банковый билет Одесского коммерческого банка за № 324 на сумму 721 рубль 43 копейки серебром, принадлежащую покойному отцу твоему Назару Абраменко, служившему в минувшую войну на пароходе “Владимир” под моим начальством, а также и проценты, вынутые мною в 1857 году с нарощими на оные проценты, считая таковых 6 на 100, хотя банковые проценты были только 4, потом 3, а теперь 2 на 100, а всего денег 34 рубля серебром...»

Григорий Иванович предложил мальчику два варианта, как поступить с деньгами: прислать назад бан-

ковский билет, с тем что Бутаков будет высылать ему проценты, 14 рублей 42 копейки серебром ежегодно. Либо поместить в пятипроцентные государственные банковские билеты, и тогда Данила будет получать по 36 рублей 5 копеек серебром, но без права снять все деньги в течение 37 лет. Адмирал просил сообщить ему решение до 1 января 1860 года. Конечно, испытываешь глубокое уважение к Григорию Ивановичу за такое отношение к сыну бывшего сослуживца из нижних чинов. С огромным трудом ему удалось добиться выполнения последней воли защитника Севастополя. Да и то только потому, что он занимал высокую должность, имел звание контр-адмирала, входил в царскую свиту. Российская чиновничья сволочь обычно непобедима. 1860 год начался как обычно, с забот и хлопот.

Лейтенант Красовский, художник, которому Григорий Иванович добился разрешения учиться в Риме, писал, что жить не на что, нужны деньги для существования, и просил, либо не увольнять его со службы до 1863 года, либо дать ему за пятнадцатилетнюю службу какое-нибудь содержание или пенсию. В кипе бумаг, требовавших ответа, лежали письма вице-директора кораблестроительного департамента Александра Павловича Жандра и петербургских чиновников, которые предлагали кандидатуры своих людей на должности в Черноморское управление. Контр-адмирал Сергей Степанович Нахимов ходатайствовал о денежном пособии для дочери подполковника корпуса морской артиллерии Луговского. Подполковник вернулся домой с войны инвалидом с нищенской пенсией, учить дочь было не на что. Таких бумаг Бутаков получал каждый день целые пачки.

А сколько неприятностей доставил ему игумен Евгений, настоятель Херсонесской церкви, который добивался выделения дополнительных участков земли для подворья Херсонесской обители! Священник был хитрым и нахрапистым человеком. Сначала он встретился с Амалией Арсеньевной. Жена Григория Ивановича так вошла в свою роль, что стала вмешиваться в служебные дела мужа. Она имела глупость пообещать игумену выделение земли, принадлежавшей флоту. Бутаков до такой степени под каблуком у жены не находился и наотрез отказал священнику. Обозлённый отказом игумен настроил жалобу управляющему морским министерством, не преминув сообщить о «разрешении» от жены Бутакова, что, конечно, вызвало веселье в Морском министерстве. Но, мало того, игумен лживо обвинил морских офицеров в краже «церковных» мраморных плит. Бутакову пришлось объясняться и оправдываться, хотя все моряки знали, что именно попы нагло разворовывали то, что оставалось от Херсонеса, и вели незаконные раскопки.

Жаловалась брату — военному губернатору и родная сестра Вера, недавно вышедшая замуж, на то, что её обокрали. Бутаков вспоминал, как вначале у него голова шла кругом от всех этих просьб и жалоб, но потом освоился и стал, как положено чиновнику, реагировать прежде всего на бумаги, поступавшие из Петербурга. Контр-адмирал стал забывать, что просил перевода, уходить уже не хотелось, освоился, по привычке и даже вошёл во вкус. Поэтому долгожданный приказ о переводе к новому месту службы стал для него неожиданным. Администратором Григорий Иванович оказался неваж-

ным, хотя сам он так не считал. По поводу полученного приказа он высказался в письме к Амалии Арсеньевне так: «Меня хватили по лбу в январе 1860 года именно потому, что приобрёл нерасположение сволочи, хотя был очень популярен между дельными и правдолюбивыми людьми». А вот что записал в своём дневнике великий князь Константин: «20 января 1860... имел длинный разговор с Ламбертом о механизмах “Осляби”, “Богатыря” и “Пересвета”. Потом с Бутаковым о том, что я беру его из Чёрного моря сюда, что он вовсе не так принял, как я полагал». Видимо, великий князь искренно считал, что он осчастливил Бутакова. Но тот вместо своего хозяйского положения на Чёрном море становился одним из многих на Балтике. Так чему тут радоваться! Но думаю, что в отношении нечистых замыслов великого князя Григорий Иванович заблуждался. Скорее всего это были интриги Краббе. Кого Григорий Иванович считал сволочью, он так и не уточнил. Но жене, наверно, сказал.

Для пользы дела Константин решил заменить Бутакова на Богдана Александровича Глазенапа, опытного высокообразованного моряка, имевшего неплохой опыт управления Архангельским портом. Передав в апреле дела, Бутаков попросил Краббе одного из своих двух денщиков отправить в экипаж, а второго, видимо, более надёжного, Лазаря Емельянова, оставить «при багаже» в Николаеве у отца. Экономный контр-адмирал не собирался кормить денщика за свой счёт и попросил с 1 мая отпускать для этой цели провиант и прочее причитающееся своему отцу, вице-адмиралу в отставке.

Пересылкой вещей Бутаковых в Петербург занимался отец Амалии, врач Арсений Рожественский.

Амалия в том году родила сына и жила в Остаповке, где за ней ухаживали мать и сестра Григория Ивановича. Амалия Арсеньевна, сообщая мужу последние сплетни, не преминула отметить, что и его собственная сестра Надежда не очень хорошо к ней относится. Надежда Ивановна, сестра Бутакова, вышла замуж за его адъютанта, лейтенанта Николая Дмитриевича Скарятин. Своему зятю Григорий Иванович сначала выхлопотал командировку в Англию и Францию, а затем тот полтора года командовал шхуной и пароходом. В 1861 году, опять-таки с его помощью, Скарятин отправили на три года изучать металлическое судостроение в Англии и Франции. Николай Дмитриевич судостроение изучил и... попросился в отставку, он хотел перейти на службу в РОПиТ. Возмущению Краббе не было предела, которое он потом высказал Бутакову. Но это мы немного отошли в сторону. Григория Ивановича назначили начальником практической эскадры винтовых кораблей и младшим флагманом Балтийского флота. И хотя это было для него понижение по службе, Бутаков снова почувствовал себя в своей тарелке.

Теперь он занимался привычным для себя делом, к тому же с плеч свалилась масса обязанностей, к которым у него не лежала душа. Да и в деньгах, а этот вопрос для Григория Ивановича был немаловажным, впрочем, как и для большинства людей, он тоже выиграл. Как младшему флагману, ему платили, помимо жалованья, морские столовые деньги. В практическую эскадру входили пять винтовых кораблей, один фрегат, два корвета и колёсный пароходо-фрегат. Состав эскадры иногда менялся. Конечно, ему ещё не доводилось командовать таким

большим количеством боевых судов (о качестве их мы пока не говорим), поэтому предстояло самому научиться очень многому. Но в своё время у него были неплохие учителя на Чёрном море. Прежде всего, требовалось освоить район плавания, исследовать шхерные фарватеры. В этом деле он первооткрывателем не был, но неточностей на картах оставалось ещё много, исследования требовалось продолжать дальше, чем Бутаков и занялся, благо, опыт он получил большой в лейтенантские годы.

В боевой подготовке Григорий Иванович использовал принцип состязательности, который наблюдал у своих знаменитых учителей. Он распространил его на артиллерийские стрельбы, маневрирование судов, физическую подготовку матросов и офицеров. Без сомнения, как человек, интересовавшийся всем новым, особенно в морском деле, он прекрасно понимал, что суда, которыми командовал, безнадежно устарели. Но в случае войны пришлось бы воевать тем, что имелось, а не тем, что хотелось, поэтому он делал всё, что, с его точки зрения, готовило моряков к будущим военным действиям. Чтобы более эффективно использовать артиллерию, он обучал командиров судов выполнять маневры в составе эскадры.

Все корабли по своим морским качествам и техническим характеристикам отличались друг от друга. Наверно, дрессировщику в цирке было легче, чем адмиралу, научить командиров действовать синхронно. Неизвестно, как бы всё это происходило в реальном бою, но на показательных учениях маневры выглядели очень эффектно. Осенью за успехи в обучении команд практической эскадры Бутакова наградили орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами. Боевыми орденами в мирное

время награждали тех, кто когда-то отличился во время войны. Вообще, как в царское, так и в советское время достаточно было занять определённую должность, чтобы родина не забывала исправно награждать своих высокопоставленных сынов. «Внеплановые» награды получали, если человек действительно совершал что-то из ряда вон выходящее. Радости получения награды сопутствовало некоторое огорчение: с пожалованных орденами офицеров полагался единовременный денежный взнос на богоугодные дела, например за орден Св. Станислава 1-й степени требовалось внести 120 рублей серебром. Григорий Иванович не только учил своих подчинённых действиям в мирное время и во время войны, он занимался также и патриотическим воспитанием.

Хотя год был не юбилейным, но тем не менее по его инициативе торжественно отметили годовщину Гангутского сражения. Он лично организовал экскурсию кадетов, проходивших практику на эскадре, к месту сражения. Тем временем генерал-адмирал продолжал проводить свои реформы на флоте. Встал вопрос об отмене телесных наказаний нижних чинов, прежде всего имевших отличия за беспорочную службу. Великий князь дал поручения многим адмиралам сообщить ему своё мнение на этот счёт. Получил такое задание и Бутакوف. В своей записке, направленной генерал-адмиралу, Григорий Иванович вполне разумно говорит о том, что в российском военном законодательстве нет нормы, как, например, у англичан, наказывать не раньше чем через сутки после совершения проступка. Между прочим, бывшие царские офицеры, которые учили моего отца и его однокашников, не раз говорили им об этом. Смысл

заключается в том, что никогда не следует наказывать подчинённого под горячую руку.

Во-первых, необходимо разобраться в причинах проступка, а во-вторых, более обдуманно назначить наказание. Бутаков, с одной стороны, соглашался, что следует искоренить унижительные телесные наказания, но, с другой, был не против, чтобы за серьёзные проступки матросов заковывали в кандалы. Приводил он в пример и американцев, где, по его сведениям, провинившихся запирали в тесные шкафы, совали в рот кляп, ставили на ванты, или, связав, укладывали на ядра. Григорий Иванович считал, что «неразвитых людей» нужно воспитывать страхом физической боли вместе со стыдом. Так что большим либералом его не назовёшь. Осенью 1860 года Бутакова назначили в комиссию по расследованию гибели клипера «Пластун», возвращавшегося с Дальнего Востока в Кронштадт. «Пластун» входил в состав эскадры контр-адмирала Андрея Александровича Попова.

В этой комиссии оба контр-адмирала крепко схватились. В юности они дружили, но потом между ними пробежала какая-то кошка. Взаимную неприязнь оба тщательно скрывали, но рано или поздно, она должна была прорваться. К тому же, как оказалось, Амалия Арсеньевна была великим мастером по части умения вставить шпильку где надо и где не надо. Служебными делами мужа она интересовалась, как своими собственными. Узнав от Григория Ивановича о его стычке с Поповым, она задумала чисто женский план мести. Ей по какому-то случаю Попов подарил вязаный платок. Амалия Арсеньевна решила разыграть перед Поповым настоящий маленький спектакль. Будто бы, разбирая

свои вещи, она нашла платок и вдруг вспомнила, что его ей вручил Андрей Александрович, и спросит контр-адмирала, сколько она ему должна. Тем самым Бутакова намекала, что считает платок взяткой. Понятно, что Попов прекрасно помнил о своём подарке, и почувствовал бы себя уязвлённым. Опасные штучки, эти женщины, нет предела женскому коварству! Но без одобрения мужа она не решилась на такую выходку, и правильно сделала. Вряд ли бы Григорий Иванович стал до такого опускаться. Неизвестно, что он ей сказал по поводу такой изящной женской мести. Думается, что ничего хорошего.

Поскольку осенью навигация заканчивалась, Бутакова определили в комиссию, занимавшуюся изучением перспективы развития корабельной артиллерии. Ею руководил старый начальник Григория Ивановича, вице-адмирал Александр Иванович Панфилов. Однако поработать в ней не пришлось, потому что 27 сентября 1860 года по указанию великого князя Константина Бутакова срочно откомандировали в Англию и Францию «для изучения науки флотоводства», сведений по морскому делу, приобретения необходимых печатных изданий, с представлением счетов по всем произведенным расходам. Дополнительно великий князь приказал ему обо всём интересном для морских офицеров сообщать в редакцию «Морского Сборника» для дальнейших публикаций. Во флотах крупнейших держав в ту пору происходили революционные преобразования, и Константин не хотел, чтобы Россия, несмотря на её катастрофическую отсталость от индустриальных стран мира, оказалась на обочине дорог. Но до отъезда за

границу пришлось срочно поработать: великий князь приказал ему представить свои замечания по поводу проекта преобразования морских учебных заведений, составленного Ефимом Васильевичем Путятиным, в частности положения об офицерском классе. Правда, позже продлил срок этого задания до начала следующего года. Перед отъездом Краббе предупредил Бутакова о его будущем назначении начальником эволюционной эскадры из сорока канонерских лодок, для плавания в Финском заливе, и необходимости вернуться в Петербург к Святой неделе.

Для получения заграничного паспорта потребовалось свидетельство о рождении, которое Григорий Иванович потерял. Запросил Ригу, где родились он и Иван. На Ивана свидетельство нашлось, а записи о рождении Григория в церковных книгах не оказалось. Время поджимало, требовалось ехать, а паспорт без свидетельства о рождении не выдавали. Принципиальные люди сидели тогда в министерстве внутренних дел, на чины и звания не смотрели. Положено — значит, извольте представить свидетельство о рождении. Хорошо что родители были ещё живы и помнили соседей. Но с тех пор времени утекло столько, что и бывших соседей не осталось: одни уехали, другие уже давно вкушали плоды в райских кущах. Найти оставшихся в живых бывших соседей оказалось весьма не просто.

Наконец их отыскали, и они под присягой засвидетельствовали о его рождении. Григорий Иванович получил заветную справку. В разгар этой суматохи Григория Ивановича со всякими просьбами и поручениями осаждали и министерские чиновники, и родственники,

и друзья. Председатель морского учёного комитета контр-адмирал Семён Ильич Зеленой попросил, пока Бутаков не уехал, сообщить замечания на готовящийся англо-франко-русский словарь морских и технических терминов, как будто такую работу можно выполнить за один день. Григорий Иванович свободно вздохнул, только когда наконец распрощался со столицей. Как и было приказано, Бутаков вернулся в Россию весной 1861 года. Ещё до прибытия он представил подробный отчёт великому князю Константину. Приобрёл множество литературы по морскому делу. Доставил сведения о броненосных судах западных держав, используемых ими сигналах, и даже приобрел дальномер. Заслуга в этом была не только его, но и отправленных ранее офицеров ниже рангом, которые усердно добывали доставленное богатство самыми разными способами.

За границу с ним ездила и Амалия Арсеньевна, оставив дочь на попечении родственников. Она не могла упустить такую возможность побывать в Париже и Лондоне, в чём её, в общем-то, вполне можно понять. Не помешала ей даже новая беременность. Хозяйственная мадам Бутакова купила в Париже мебель и множество полезных для дома вещей. А вот пошлину за ввоз вещей в Россию Бутаковым платить не хотелось. Но не зря же Григорий Иванович просил царское семейство быть крёстными его детей! Через великого князя и добросердечного Краббе он обратился к министру финансов с просьбой разрешить ввезти купленное во Франции добро беспошлинно. Ему разрешили. В российской жизни правил без исключения не бывает. Таким образом, Бутаков сэкономил из своего бюджета 300 рублей.

Случаются в жизни и маленькие радости. По возвращении Григорий Иванович сразу же получил назначение на должность начальника практической эскадры винтовых канонерских лодок. Краббе своё слово всегда держал. Эти маленькие плоскодонные судёнышки, поспешно построенные в конце Крымской войны, предназначались для усиления обороны Кронштадта и могли действовать в шхерах и в Финском заливе. Они имели осадку менее двух метров. Перемещались эти шедевры кораблестроительного искусства неторопливо, с достоинством, развивая максимальную скорость хода до восьми с половиной узлов, если только не дул встречный ветер и не было волнения, а поверхность воды напоминала зеркало. Поэтому забавно читать в приказе Бутакова, больше напоминающего художественный очерк: «Мне весело видеть, как “Осётр” пышет паром из всех ноздрей, идя для получения приказаний, и как командир этой лодки лейтенант Римский-Корсаков исполняет сигнал “приблизиться” так хорошо, что, несмотря на шум машин двух лодок, можно внятно и явственно переговорить с ним!» Конечно, пара и шума хватало, на них, собственно, и уходила вся энергия машины, а лодка еле двигалась, но тогда такая скорость казалась высокой по сравнению с гребными канонерскими лодками на Дунае, которыми когда-то командовал отец Григория Ивановича. И, кстати, по поводу приказов: Бутаков требовал от своих подчинённых необычной краткости докладов, о чём я уже упоминал, а вот на себя он такое мудрое правило не распространял, распоряжения его крайне многословны.

Вот только маленький отрывок из того же приказа № 59: «Считаю нужным при этом объяснить взгляд мой

на предмет, издавна получивший в наших водах особенную важность: это вицмундир и визитный рапорт. Мне кажется, что дельным людям нет никакого дела, в каком именно из узаконенных костюмов находится лицо, имеющее надобность переговорить с начальником о деле... Относительно почестей при часто случающихся проездах моих мимо лодок считаю нужным присовокупить, что я далёк от мысли, чтобы беспрерывные вызовы команды во фронт возвышали моё достоинство, тем более что вызовы эти не могут не быть обременительными для нижних чинов. Не по этому я буду судить об исправности военного судна: что мне за дело, что люди бойко кричат: Ваше-ство! — тогда как мачты или гафеля смотрят в разнотычку, паруса плохо закреплены, постановка тента небрежная, за бортом висят концы, флаг или вымпел запутан, шлюпки дурно управляются или неопрятны, бельё развешено кое-как, буксиры подаются медленно и т.п.!»

Следует заметить, что не всё в его приказах было бесспорно, иногда Григория Ивановича, как говорится, «заносило». Это можно объяснить стремительностью его карьеры, что иногда приводит таких начальников к завышенной самооценке. В состав эскадры Бутакова входили 40 канонерских лодок. Часть из них на зиму ставилась на прикол в Петербурге, а часть в Гельсингфорсе. Привести в порядок суда после зимовки — задача непростая. Деревянные корпуса лодок текли, как решето, выявлялось и множество других неисправностей. Дельных механиков, машинистов и кочегаров можно было пересчитать по пальцам. Несовершенные машины, изготовленные на отечественных заводах с множеством дефектов, и

неумелый обслуживающий персонал составляли такое устрашающее сочетание, что руки опускались.

Но и это ещё не всё. Угля на эскадру отпускали крайне мало, а машины пожирали его огромное количество. Чтобы собрать свою мелкую армаду в Гельсингфорсе, не истратив за переход весь уголь, Бутаков договаривался о выделении парохода, который ташил их с Большого Кронштадтского рейда, как Гулливер лилипутский флот. А на рейде собирались по две лодки: одна буксировала другую, так меньше расходовали угля. Вся эта гроза европейских морских держав собиралась в Гельсингфорсе только в начале июля. Можно лишь восхищаться энтузиазмом Григория Ивановича, который горел желанием создать боеспособное соединение из таких судов и команд. Когда эскадра наконец-то собралась на рейде Гельсингфорса, Бутаков издал приказ: «Нам нужно научиться для будущей (вероятно, железной) шхерной флотилии быть не стадом, наскоро собранным, а стройно, силою, толково, а потому легко, передвигающейся с места на место на основании современной науки и внушающей к себе уважение порядком и быстротой своих действий. Насколько мы продвинемся в настоящую кампанию в этих древней и современной науках, настолько мы приблизимся к славным для флага нашего в этих водах временам Петра...»

Из командировки Бутаков привёз труды зарубежных авторов по управлению паровыми судами. Творчески их переработав, он добавил собственные мысли и сдал в печать под названием «Несколько отрывков из опыта начальных оснований пароходной тактики». К началу плавания его труд, опубликованный в количестве

100 экземпляров, получили все командиры канонерских лодок. В результате двух месяцев постоянных тренировок командиры лодок научились держать их в строю, а также совершать довольно сложные совместные маневры. Результаты приобретённого опыта Бутаков обобщил в «Обзоре плавания и действий практической эскадры винтовых лодок Балтийского флота в кампании 1861 года». Обзор опубликовали с сокращениями в июльском номере «Морского Сборника» за 1862 год. Сокращения были вызваны не только возможностями журнала по объёму, но редакция удалила и некоторые завиральные идеи Бутакова вроде создания флота из 150 канонерских лодок. В целом можно сказать, что за короткое время летнего плавания Григорий Иванович добился успехов в боевой подготовке своих судов, жаль только, что навыки эти утрачивались за долгую северную зиму. Но что-то всё равно оставалось.

Нужно заметить, что великий князь Константин довольно скептически отнёсся к идеям Бутакова, но и не препятствовал. В своём дневнике генерал-адмирал записал: «5 мая 1861... После завтрака, покуда мы курили, Бутаков рассказывал нам по чертежам свою новую теорию винтовых эволюций. Есть тут и верные мысли и взгляды, но применения их, по-моему, сложны и непрактичны». Радостное событие произошло и в семье — Амалия Арсеньевна родила сына. Бутаков был счастлив — наконец-то появился продолжатель знаменитого рода моряков, друзья и родственники говорили, что родился ещё один адмирал. О рождении сына Григорий Иванович немедленно оповестил высочайшее семейство, и сделал это не зря: его жене из императорской главной квартиры

в Гатчине прислали бриллиантовую брошь с изумрудом. Будущее младенца всем казалось ясным и светлым. Но кто из нас знает своё будущее? Александр Григорьевич Бутаков и в самом деле стал адмиралом. Мечта отца осуществилась. Но какая гадалка могла предположить, что он будет убит пьяными матросами в Кронштадте во время Февральской революции. По неподтверждённым данным, матросами была убита и его мать, Амалия Арсеньевна, которой тогда исполнилось восемьдесят два года. Судьба другого сына, тоже дослужившегося до звания контр-адмирала, мне неизвестна.

Самым важным событием в 1861 году было освобождение крестьян от крепостной зависимости. 19 февраля Александр II подписал манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и 17 законодательных актов, составлявших «Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». Его брат Константин был самым горячим сторонником освобождения крестьян. Чтобы провести в жизнь эту важнейшую реформу в русском обществе, на места были направлены многие морские офицеры. Свой комитет по приведению в действие царского манифеста учредил и Константин, назначив председателем комитета Бутакова. Он считал Григория Ивановича высокообразованным и мыслящим человеком и был убеждён, что тот с энтузиазмом станет работать в комитете. Великий князь не ожидал, что позиция Бутакова в крестьянском вопросе расходится с его собственной. Об этом генерал-адмиралу сообщил встревоженный Александр Васильевич Головнин. Он привёл высказывание Бутакова на заседании комитета:

«Крестьянское дело теперь только немного поправляется, и вся задача состоит в том, чтоб крестьяне не узнали своих прав и не смели думать о них». Поразительно, что братья Алексей, Иван и Владимир, в отличие от Григория, придерживались довольно демократических взглядов, читали «Колокол», обсуждали публиковавшиеся в нём статьи. А если внимательно прочесть письма Григория, то в его письмах «крамольных» высказываний не найти. Головнина так возмутила позиция в комитете Григория Бутакова, что он посоветовал великому князю либо отправить Григория Ивановича агентом в Англию вместо Путятинна, либо убрать его вообще с флота членом Госсовета, что равнялось почётной отставке. А ведь он когда-то к нему относился очень дружески и способствовал продвижению по службе. Разошлись друзья по идейным соображениям. Впоследствии великий князь воспользовался и тем, и другим советом.

На Балтике к тому времени собралось много известных черноморцев, и, как ни странно, отношения между ними не всегда были самыми тёплыми. Из всех учеников знаменитых черноморских адмиралов только капитан 1-го ранга Степан Степанович Лесовский и адмирал Фёдор Михайлович Новосильский умудрялись сохранять со всеми прекрасные отношения. Лесовский всё ещё ходил в холостяках и охотно предоставлял свою кронштадтскую квартиру друзьям. Вот одно из его писем Бутакову: «Любезный Григорий Иванович! Я вчера был у Новосильских, и они поручили мне просить Вас и жену Вашу к ним в субботу на вечер (dancing). Передавая Вам это приглашение, напомню Вам, что квартира моя к Вашим услугам, равно, как и я сам. Мой

почтительнейший поклон Амалии Арсеньевне и за тем весь Ваш, Лесовский».

Фёдор Михайлович Новосильский был тогда главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором города, а Лесовский занимал должность капитана над портом. Гражданская война, начавшаяся в Соединённых Штатах в апреле 1861 года, быстро изменила сложившиеся взгляды на военно-морской флот и способы ведения войны на море и на реках. Бой между броненосцем южан «Мерримаком» и деревянными судами северян произвёл неизгладимое впечатление на Бутакова. У него вызвал восхищение таранный удар в борт корвета северян, которым южане отправили своего противника на дно, заодно и вместе с чугунным тараном, которым броненосец нанёс этот удар.

Под впечатлением такой новости Григорий Иванович немедленно издал приказ, в котором поделился с подчинёнными своими свежими мыслями на тактику действий в современном бою. Писал он его не на листке бумаги, кратко и ёмко, как справедливо требовал от своих подчинённых. На себя, как уже говорилось, это замечательное правило Григорий Иванович не распространял. Посему и написанный адмиралом приказ больше походил на полемическую статью.

Но у кого повернулся бы язык высказать это начальству? Приказ зачитали всему личному составу в отряде канонерских лодок, включая матросов. В нём говорилось: «Настало время железных флотилий... “Мерримак” ударил в бок не столько корвета, стоявшего на якоре, сколько в бюрократические морские администрации Соединённых Штатов и Англии, которые дремали под

защитою деревянных стен своих кораблей и только в виде лакомства для балованных детей строили своим нациям несколько железных судов. Теперь... вопрос о деревянных судах решён окончательно в самых тупых и непредусмотрительных головах тех стран, у которых мы, по нашим обстоятельствам, должны перенимать систему оружия. Итак, — броня, башни и тараны!» Да, прочитав, почешешь затылок: Григорий Иванович сначала обозвал тупыми и непредусмотрительными морские администрации США и Англии, а затем сообщил, что морская администрация России должна у них учиться! О реакции малограмотных матросов, молча выслушавших горячие адмиральские слова, можно лишь гадать. Офицерам оставалось только сделать под козырёк. Зато нашлось что сказать руководителям министерства. Бутакову передали замечание генерал-адмирала о неуместности сарказма по поводу морских администраций Соединённых Штатов и Англии, а тем более о том, чтобы доводить такой приказ до матросов.

Великого князя встревожило также требование Бутакова на учениях не бояться риска. Константин не без оснований считал, что такое требование ведёт в мирное время к авариям и гибели людей. Увлекающейся натурой был Григорий Иванович. Он считал, что артиллерия нужна только как вспомогательное средство для создания условий нанесения таранного удара. Жизнь показала, что адмирал добросовестно заблуждался. Ещё при его жизни здоровенный набалдашник в носовой части, называвшийся тараном, стал таким же анахронизмом, как и абордажное оружие. По окончании летней кампании Григорию Ивановичу Бутакову приказали сдать

дела и отправиться в Европу в качестве военно-морского агента. Ему поставили задачу изучить последние достижения в области военного судостроения и представить в министерство отчёт и рекомендации. Кроме того, имелись основания предполагать, что польские эмигранты собираются приобрести в Англии два броненосных судна, чего нельзя было допустить. Бутакову вручили аккредитивы в зарубежных банках, чтобы перекупить эти суда, не стесняясь в средствах. Слухи впоследствии не подтвердились. Кроме того, он получил задание собрать любые сведения о бесследно пропавшем в Индийском океане клипере «Опричник».

Командировка Бутакова прошла успешно, некоторые её результаты он обобщил в статье в «Морском Сборнике», посвящённой преимуществу башенной артиллерии. К тому времени два морских офицера, Степан Степанович Лесовский и Николай Алексеевич Арцеулов, направленные в командировку в Соединённые Штаты, доставили в Морское министерство чертежи мониторов — небольших судов с вращающимися орудийными башнями. Министерство приняло решение немедленно приступить к их строительству. Дело шло к войне с Англией, а броненосного флота у России не было. Работы велись круглосуточно, с большим напряжением. Бутаков тоже переслал из Англии сведения о двухбашенной броненосной лодке, строившейся на заводе Роберта Нэпира и башенными установками Купера Кольза. Но в Петербурге решили в первую очередь строить суда по чертежам, доставленным Лесовским и Арцеуловым.

Помимо общих указаний от Краббе, Григорий Иванович получил подробные инструкции от мор-

ского учёного комитета, артиллерийского управления, кораблестроительного технического комитета, так что работы ему хватало. Амалия Арсеньевна была просто счастлива, и её можно понять. Вместо унылого пыльного Кронштадта или захолустного Гельсингфорса её ждали Париж и Лондон. Другое дело Григорий Иванович. Он большой радости не испытывал, понимая, что, с одной стороны, его отстраняют от командования, а с другой — возлагают ответственность за исполнение всех заказов для флота. Бутаков приехал в Лондон ночью 22 апреля и сразу же направился на квартиру капитан-лейтенанта Александра Александровича Колокольцева.

Капитан-лейтенант работал в Англии сначала под руководством вице-адмирала Ефима Васильевича Путятин, а затем самостоятельно. Бутаков и Колокольцев были заочно хорошо знакомы друг с другом через Алексея Ивановича Бутакова. В 1859 году Колокольцев участвовал в экспедиции в Хиву и Бухару, в которой находился под непосредственным начальством старшего брата Григория Ивановича. У любых двух моряков всегда найдётся масса общих знакомых.

После представления на следующий день послу России в Англии барону Филиппу Ивановичу Бруннову началась служба Бутакова морским агентом. Работал он не один. У него в подчинении находились несколько офицеров. Колокольцев до приезда Григория Ивановича проделал огромную работу по размещению военных заказов на английских заводах. В России не умели делать броню, подобную английской. Александр Александрович наладил поставку броневых плит в Россию. И приехал Бутаков не на голое место: с разрешения

адмиралтейств-совета Колокольцев арендовал помещение для работы морских агентов и нанял проверенного человека переписчиком. Обострившаяся международная обстановка требовала быстрых решений, Бутаков получал одно указание за другим. Краббе не хотел, чтобы Морское министерство попало в такое же положение, как в начале Крымской войны, когда важные военные заказы, за которые были переведены деньги, оказались конфискованными. Всё, за что заплатили, нужно было срочно переправить в Россию. Он требовал от Бутакова ускорить работы по спуску на воду броненосной батареи «Не тронь меня». От прибытия этой броненосной батареи в Кронштадт зависело, стоит или нет покупать два броненосных судна, строившихся в Ливерпуле, которые, по сведениям разведки, намеревались приобрести польские эмигранты. Если в течение трёх месяцев батареи не окажется в Балтийском море, тогда придётся, не считаясь с затратами, перекупить суда в Ливерпуле.

В это время в Англию приехал Лесовский. Он возвращался в Петербург из командировки в Соединённые Штаты. Степан Степанович рассказал Бутакову о том, что видел у американцев. После его отъезда Бутаков написал Краббе, что они оба пришли к общему выводу: сплошная броня лучше многослойной, и предложил приостановить выполнение заказов до проведения сравнительных испытаний двух видов брони. Вроде бы всё разумно, кроме одного: горизонт был затянут грозowymi тучами надвигающейся войны, ни о каких испытаниях не могло быть и речи. Времени для этого не было, а Бутаков вёл себя так, будто не понимал международной политической обстановки, хотя и был проинструкти-

рован перед отъездом за границу. Неудивительно, что в ответ он получил отповедь, подписанную директором кораблестроительного департамента контр-адмиралом Аркадием Васильевичем Воеводским: «По поручению его превосходительства Николая Карловича поспешаю уведомить ваше превосходительство, что настоящие политические обстоятельства, заставившие нас немедленно приступить к постройке броненосных канонерских лодок, по тем данным, которые мы тогда имели, не позволяют ни изменять, ни отлагать какие-либо распоряжения по этому предмету, дабы не упустить и малейшей возможности получить всё следующее нам по этой операции из-за границы, до закрытия настоящей навигации, иначе же может случиться, что и в будущем году мы не будем иметь самого необходимого для нашей морской обороны числа броненосных судов».

В Морском министерстве давно пришли к выводу, что Англия и Франция готовятся к войне с Россией. До приезда Бутакова отправленные в командировку в Англию семь офицеров, кондуктор, юнкер, унтер-офицер и пять мастеровых работали под руководством Путятина и Пещурова. Им удалось купить паровой подвижной кран для обшивки деревянных судов бронёй. Корпуса корабельных инженеров подпоручик Фомин изучил производство на канатном заводе и образцовые камеры. Остальные добывали информацию о производстве литой стали по способу Бессемера, который англичане держали в секрете. Бутакову пришлось совершенствовать свои знания английского и французского языков, изучать технические термины. Кроме того, его обязали заниматься коммерческими, финансовыми

и юридическими вопросами, требовавшими немалых специальных знаний. Так что Амалии Арсеньевне предстояло одной ходить по магазинам. Спустя некоторое время контр-адмирал Воеводский передал Бутакову приказ Краббе отправить в Россию «Первенец», не дожидаясь окончания достройки. Ему предписывалось до последнего момента скрывать это намерение от англичан и всеми силами форсировать работы.

В строительстве «Первенца» участвовали в качестве наблюдающих, или, пользуясь современной терминологией, военпредов, два корабельных инженера, два инженер-механика, унтер-офицер и пять мастеровых. Непосредственно они подчинялись капитану 2-го ранга Сергею Павловичу Шварцу. Воеводский, который сам дважды побывал на строившемся «Первенце», нервничал: ему казалось, что Бутаков не торопится. Батарей спустили в мае, время шло, а она по-прежнему находилась около стапелей Блэквол. Начались разногласия между Бутаковым и Колокольцевым. Дошло до того, что Колокольцев написал служебную записку Воеводскому под грифом «весьма секретно». Ему разрешалось это сделать в критической ситуации. В ней он сообщил, что Бруннов уже сам, невзирая на возражения Бутакова, назначил последний срок отправки батареи 8 июля. Григорий Иванович всё-таки убедил его, что раньше отправлять батарею нельзя. Контр-адмирал хотел, чтобы максимум работ был завершён в Англии. Колокольцев также осудил идею перевода военных заказов на частное лицо, которую высказал Бутаков.

Капитан-лейтенант в резкой форме сообщал в Петербург директору кораблестроительного департа-

мента: «...ещё менее понятна мне белиберда, которую Бутаков понёс Бруннову о данном, будто бы ему, разрешении перевести железо на имя частного лица, как будто бы частным лицам позволят отправить товар в Россию морем во время войны?» Письмо капитан-лейтенанта, пользовавшегося большим доверием у Краббе и Воеводского, а также информация, полученная от Бруннова, послужили причиной отстранения Бутакова от работ, связанных с выполнением заказов, размещённых в Англии. Колокольцеву поручили принять дела у контр-адмирала, лично следить за ходом работ, о которых ежедневно докладывалось царю. Ему также вменили в обязанность заниматься и другими заказами морского министерства. Отстранение Бутакова провели дипломатично: контр-адмиралу дали задание с разведывательной целью совершить поездки по портам Англии и Франции. Григорий Иванович сообщил Краббе: повстанцы могут купить только частный пароход, чтобы использовать его для крейсерских операций, как это делали южане в Гражданской войне в США.

Информация Бутакова подтвердилась также из других источников. Григорий Иванович анализировал и обобщал сведения, поступавшие от офицеров, которые работали в европейских странах ещё до приезда адмирала. Только раньше такую информацию они передавали вице-адмиралу Путятину. Словом, Бутаков играл роль резидента. Учитывая длительность пребывания в командировке, офицерам разрешили привезти с собой семьи. Амалия Арсеньевна уже давно прибыла в Англию со всем семейством. Григорий Иванович поселился на острове Уайт, расположенном недалеко от Лондона.

Прекрасно владевший несколькими языками, высокообразованный, державшийся с большим достоинством адмирал внушал уважение англичанам. Один из русских морских офицеров с транспорта «Гиляк» побывал в гостях у Бутаковых в городке Райт. В своих воспоминаниях он привёл слова английского флагмана о Бутакове. Правда, звучали они несколько двусмысленно: «Как счастлив ваш флот, — сказал седой и старый заслуженный англичанин, — что имеет в своём распоряжении такое изобилие способных и славных адмиралов. Глядя на вашего Бутакова, невольно думается, что вы даже не особенно цените их, не находя соответствующего им дела и поручая им такие занятия, которые даже с большим успехом и удобством, мог бы выполнить молодой капитан. Мы, вполне морская нация, не можем похвалиться лишними такими адмиралами».

Офицеры, работавшие под начальством Бутакова, неумоимо, как пчёлы, собирали информацию, которую Григорий Иванович через посольство пересылал в Петербург. Разведчикам удалось добыть, подкупая служащих на судостроительных предприятиях, чертежи судов выдающегося инженера-кораблестроителя Мак Грегори Лэрда, патенты по винтовым двигателям, сведения об освещении судовых помещений, чертежи фрегатов «Bellerophon» и «Valliant», новых мониторов. Результативно работали офицеры не только в Англии, но и во Франции, где сумели получить спецификацию французской канонерской лодки, строившейся на заводе *Forges et Chantey* и сведения об опытах подводной стрельбы из пушки Армстронга на глубине 6 футов. Краббе благодарил Бутакова за сведения по артиллерии.

Важную информацию добыл разведчик, работавший в Нидерландах. Он передал Бутакову подробные сведения об укреплениях со всеми чертежами и описаниями, чертежи электрической маячной лампы и даже протокол заседания правительства Нидерландов, где обсуждались вопросы броненосного судостроения.

В начале июля возникла реальная угроза разрыва дипломатических отношений с Англией. Все силы морского министерства бросили на скорейшее получение заказанной техники и материалов из Англии. Поэтому Краббе приказал Бутакову вновь подключиться к работам, которые вёл Колокольцев.

Управляющий морским министерством сообщил Григорию Ивановичу, что разрыв предполагается в середине июля. Он был встревожен тем, что из оплаченных 1400 блиндированных плит в Россию доставлено только 90. Николай Карлович внушал Бутакову: «...мы находимся в таком положении, что разборчивыми быть нам невозможно. Нам нужно, во что бы то ни стало, иметь всё нужное для броненосных судов, непременно в течение нынешней навигации, т.е. до 1 августа».

Адмирал также выразил неудовольствие медлительностью работ и требовал ежедневной информации. Англичане умышленно затягивали изготовление броневых плит. Колокольцев поместил заказ на 2800 броневых плит у заводчика Брауна, но тот срывал поставку. Тогда Александр Александрович обратился к другому предпринимателю, Биллю. Англичанин отказался, сославшись на жёсткость сроков изготовления плит. Тогда Бутаков взял переговоры на себя. Билль предложил ему не ждать всю партию, а отправлять плиты по мере готовности на

судах через Либаву или Ригу, а далее по железной дороге. Кроме того, Григорий Иванович договорился в Шеффилде со знакомым заводчиком Броуном, что тот поставит броневые плиты через Кенигсберг. Учитывая предполагаемую бомбардировку Кронштадта в случае войны, Григорий Иванович предложил купить брандспойты, чтобы тушить пожары в городе. Но из Петербурга ответили, что чертежи их имеются в Публичной библиотеке, а сами брандспойты изготовят на Кронштадтском паровом заводе. Григорию Ивановичу и его сотрудникам удалось без препятствий со стороны властей отправить «Первенец» в Россию. В августе он прибыл в Кронштадт.

Сумели они отправить и нужное количество броневых плит для установки броневой защиты на фрегаты «Севастополь» и «Петропавловск». Обнаружил Бутаков и утечку секретной информации из Петербурга. К нему явился банкир Моллас и предложил посреднические услуги для приобретения двух бронированных судов. По словам банкира, он получил такие сведения от петербургского банкира Клеменца. Григорий Иванович от непрошенных услуг отказался, но сам побывал в Ливерпуле, где строились суда, и предложил их купить. Однако ему отказались что-либо продавать. Впрочем, на самом деле Бутаков ничего и не собирался покупать, это была просто проверка подобной возможности. Начальство сочло, что контр-адмирал успешно выполнил возложенное на него поручение, и ему объявили монаршее благоволение, что-то вроде почётной грамоты в советское время.

В августе уже вышел в пробное плавание первый готовый монитор, которого сопровождал пароход «Вла-

димир». На нём находился назначенный начальником первой в истории России эскадры броненосных судов контр-адмирал Иван Фёдорович Лихачёв. За время своей командировки, несмотря на большую загрузку текущей работой, Бутаков умудрился подготовить к изданию труд, который он вначале назвал «Новые основания паровой тактики». Понятно, что работать над ним он стал давно, быстро книгу из сотен страниц и чертежей не напишешь. Мне кажется, что именно в этом и была причина неторопливости Григория Ивановича, в то время как в Морском министерстве буквально из штанов выпрыгивали, считая каждый час и минуту, когда в Россию будут доставлены заказы. Книги по тактике паровых судов раньше выходили только за рубежом, поэтому можно понять радость и гордость начальства, когда вдруг появился такой нужный и своевременный теоретический труд в России.

Рукопись Бутакова с одобрения морского учёного комитета оперативно отпечатали в типографии морского министерства. «Новые основания паровой тактики» сделали имя контр-адмирала Григория Ивановича Бутакова известным и принесли ему славу большого учёного. Я внимательно прочитал эту книгу и рассмотрел все схемы и рисунки, но умышленно не вдаюсь в суть его работы: каждый должен заниматься тем, в чём разбирается. Пусть оценку кругов на воде, которые нарисовал в схемах адмирал Бутаков, дают специалисты, а нам в училище инженеров оружия сообщили только самые общие понятия по военно-морскому искусству. Наука маневрирования паровых судов была ещё не развита, и книга контр-адмирала явилась практическим руководством для командиров.

Морской учёный комитет сразу же после выхода её в свет рекомендовал присудить научной работе Григория Ивановича Бутакова «Основания новой теории паровых таранов» Демидовскую премию. Демидовскую премию для учёных учредил в 1831 году тогдашний олигарх Павел Николаевич Демидов. Его денег хватило, чтобы присуждать премии до 1866 года. Бутакову повезло, он успел её получить.

Право присуждения премий меценат предоставил Российской Императорской академии наук. Она и присудила её Григорию Ивановичу. Видимо, в ней сидели знатоки тактики паровых судов при нанесении таранных ударов, способные оценить идеи Бутакова. Премии разделялись на полные, таких было присуждено 55, и половинные, их присудили 220 учёным. Григорий Иванович получил полную премию. Из моряков, кроме Бутакова, Демидовскую премию получили за плавания и открытия Фёдор Петрович Литке, Иван Фёдорович Крузенштерн, Фёдор Петрович Врангель, Михаил Францевич Рейнеке — вполне достойная и славная компания. Следует заметить, что Григорий Иванович Бутаков до революции считался одним из многих заслуженных адмиралов, но далеко не самым выдающимся.

Признание заслуг русского адмирала пришлось в пору борьбы с космополитизмом, за приоритет советской и русской науки. Советские историки облюбовали именно его, скорее всего из-за книги, отмеченной премией. Мы, как всему миру известно, всегда и везде были первыми, поэтому Бутакова немедленно объявили светилом военно-морской науки, первым в мире основателем тактики паровых судов. Как всегда, стали врать, что книгу

якобы перевели чуть ли не на все языки мира и по ней учились знаменитые флотоводцы всех стран. При этом, как это ни парадоксально, работу адмирала не переиздавали, она была библиографической редкостью.

Хвалили то, чего не читали. Впрочем, а разве мало мы ругали того, что и в глаза не видели? Пытался я найти хотя бы один перевод книги Бутакова в крупнейших библиотеках европейских стран за рубежом или, по крайней мере, упоминание о ней, но, увы, безуспешно. Не нашёл и никаких подтверждений в родном отечестве, что содержание её было реализовано на практике в войнах, которые вела на море царская Россия. Нашёл лишь единственное упоминание о книге Бутакова в трудах Степана Осиповича Макарова, да и то, одной фразой. Хочу, чтобы меня правильно поняли: нет ни малейших сомнений в том, что Бутаков был умным, храбрым и добросовестным морским офицером, каких Россия, к счастью, имела множество. Но у нас никогда и ни в чём не знают меры. Обширный некролог, написанный в отечественных традициях — о мёртвых только хорошо или ничего, — со временем превратился в официальное жизнеописание. На мой взгляд, самая большая заслуга Григория Ивановича в исследовании маневрирования паровых судов состоит в том, что он сам корпел над каждой страницей и рисунком своего научного труда и реализовывал свои идеи на практике в эскадре из маленьких мониторов, которыми он командовал.

Традицию адмирала продолжили выдающиеся советские моряки Николай Герасимович Кузнецов и Сергей Георгиевич Горшков, которые сами писали и свои статьи, и капитальные труды. Их работы дей-

ствительно имеются в библиотеках самых мощных морских держав мира. Любой желающий может в том убедиться. Григорий Иванович Бутаков сумел доказать морскому министерству, что он принесёт отечеству больше пользы, если переедет из Англии во Францию на Лазурный Берег.

В 1864 году пришло разрешение Бутакову обосноваться в Ницце. Он по-прежнему считался главным морским агентом в Англии и Франции. Славное место Ницца, ничем не хуже, чем остров Уайт, где жил до этого Григорий Иванович, а климат так даже лучше. Ницца в ту пору была как бы частицей России. Царское семейство, вся знать, все, у кого были деньги, и даже те, у кого их было не густо, любили пожить в замечательном городке на Лазурном Берегу Франции. Амалия Арсеньевна была просто счастлива.

Но не думайте, пожалуйста, что Григорий Иванович только тем и занимался, что лежал на пляже, получая при этом повышенное заграничное содержание. Нет, пока его жена вела светский образ жизни, он объездил порты Франции, замечая всё полезное и сообщая о нём в Морское министерство. Но и министерство его не забывало. Действовало старое флотское правило — человек всегда должен быть занят, да и служба мёдом казаться не должна. Из корабельного департамента поступило приказание произвести сверку состояния европейских флотов в 1863 году с 1864 годом. Работа немалая. Изменения в судостроении происходили так стремительно, что ни в коем случае их нельзя было пропустить. Давали и единичные мелкие поручения, например передать пакеты с кредитивами на 19 319 фунтов

стерлингов и 12 063 фунта стерлингов соответственно командирам клипера «Алмаз» и корвета «Варяг». Суда пришли из Америки и стояли в Вилла-Франка, так тогда русские моряки называли Вильфранш-сюр-мер, порт в шести километрах от Ниццы. Но самое главное — шёл неутомимый сбор разведывательных данных подчинёнными офицерами, находившимися в различных городах европейских стран. Наиболее эффективной была работа смертельно больного туберкулёзом подпоручика корпуса корабельных инженеров Павла Пульса, который получал жалкое денежное содержание.

Официально он занимал должность помощника судостроителя при Санкт-Петербургском порте. Григорий Иванович попросил у Краббе разрешение поручику привезти семью. Адмирал дал «добро». Пульс был просто счастлив, униженно благодарил своего начальника, оправдываясь, что «жить на два дома ужасно дорого». Благодаря Пульсу удалось добыть бомбовые трубки и чертежи к ним.

В мае 1864 года поручик привёз Бутакову чертежи самых современных броненосцев: прусской двухбашенной лодки «Арминиус», башенного броненосца «Принц Альберт» и парохода «Персия». По ценности и количеству добытых им разведывательных материалов Пульсу не было равных. В Петербурге были очень довольны работой Бутакова, хотя большая часть заслуги по праву принадлежала поручику Пульсу. Григорий Иванович только снабжал чертежи, привезённые офицером, своими комментариями, иногда критическими. Переправляли документацию, а иногда и готовые образцы с русскими военными судами или по дипломатической почте. Мне довелось видеть эти

выкраденные чертежи, исполненные на тонкой бумаге цветными карандашами: английского фрегата, парового крана, итальянских плавучих батарей, канонерской лодки. Испытал при этом удивительное чувство реальности давно минувших событий. Но были сведения, полученные и самим Бутаковым. Например, он увидел бронированные разборные канонерские лодки, отсеки которых можно было перевозить по железным дорогам, водным транспортом и даже в повозках с лошадьми. Доложив о них Краббе, Григорий Иванович не удержался от фантазий: «Этих лодок можно построить бесчисленное множество в самый короткий срок, ибо самые ничтожные котельные заведения могут предпринять их постройку... Мы можем строить их по Волге или Каме, и в данный момент перевезти на Дон и в Керчь, или в Астрабад, или же доставить на Ладожское озеро или в Неву по каналам, на барках, и в Ригу по железной дороге».

Перед отъездом за границу Бутакова предупредили, чтобы он вёл строгую отчётность по израсходованным суммам. Нужно сказать, что русское правительство не баловало деньгами офицеров, и те платили своим завербованным в разных странах агентам очень скупо. Но зато давали задатки, которые иногда пропадали. Объясняя расходы на приобретение чертежей судна «Паллада», Григорий Иванович написал в отчёте, что на их приобретение истратили 63 фунта стерлингов. Причём чертежи вынесли с завода два разных человека, которые не подозревали, что оба работают на русскую разведку. Эту сумму разделили между завербованными чертёжниками. Всего на нелегальное приобретение чертежей Бутаков выдал своим подчинённым 465 фунтов

стерлингов. Краббе приказал Воеводскому благодарить за чертежи Бутакова.

Когда-то, в далёкой молодости, я смотрел фильм «Бабетта идёт на войну». В этом комедийном фильме рядовые разведчик и разведчица, совершив невиданные подвиги, возвращаются домой. Девушка-разведчица спросила коллегу, как того наградили. Он ответил: «Мой капитан получил майора». Мне вспомнился этот фильм, когда знакомился в архиве с разведывательной деятельностью Бутакова, — аналогия была полная. Григория Ивановича, непонятно почему, вдруг взволновало, как материально помочь капитану Мэтью Мори, который перешёл на сторону рабовладельческих штатов и воевал против северян. У Мори северяне конфисковали всё имущество, Бутакова это очень расстроило, и Григорий Иванович стал одним из организаторов комитета по оказанию помощи бедняге. Правда, своими деньгами ему помогать не хотелось.

Великий князь Константин, к которому адмирал обратился за содействием, сентиментальностью не мучился и наотрез отказался от всякого участия в комитете. Он поручил Бутакову сначала выкачать из «бедного» Мори все нужные сведения и лишь потом заняться оказанием ему помощи. Учитывая, что Мэтью Мори зарекомендовал себя как выдающийся учёный, Константин поручил Бутакову предложить Мори переехать в Россию и работать в России над своими изобретениями (Мори занимался тогда подземными и подводными минами). Однако американец отказался и предложил русскому правительству купить секрет его мин. Посредником в переговорах между Бутаковым и Мори выступал некий

Трембетт. Видимо, чтобы заинтересовать русское правительство, Мори обещал бесплатно передать часть своих разработок. За одну из них он уже получил денежное вознаграждение от правительства мятежных штатов. В качестве условия учёный требовал сохранения сделки в тайне. Американец предложил прислать специалиста для демонстрации своих изобретений. Он показал действие новых взрывателей для мин Бутакову. Григорий Иванович был восхищён и немедленно доложил обо всём увиденном Краббе. В письме Бутаков просил побыстрее прислать специалиста в связи со скорым отъездом Мори в Америку. Сам Мори торопил Бутакова, потому что ему нужны были деньги. Приехал капитан инженерных войск, отлично владевший английским языком и большой дока в минном деле. Ему не составило труда быстро во всём разобраться, но о результатах своей командировки он сначала доложил выводы своему начальству и лишь потом — Бутакову.

Как явствует из документов, минёр в пух и прах раскритиковал технические решения американского изобретателя. Вскоре из Морского министерства Бутакову сообщили, что «секреты» Мори для русских разработчиков — вчерашний день. По остальным вопросам Григорию Ивановичу приказали войти в контакт с людьми, помогавшими Мори в создании мин в английской лаборатории. В министерстве считали: если нельзя купить секрет у американского изобретателя, можно купить у его помощников, да ещё и дешевле. Кроме того, Григорию Ивановичу рекомендовали попытаться получить инструкции у самого Мори. Послать русского морского офицера (как предложил Бутаков) в южные

штаты Америки Морское министерство отказалось. Бутакову объяснили, что это «по политическим соображениям неудобно». Странно, что адмиралу пришлось объяснять такую простую вещь. В переговорах с американцем участвовал и капитан 2-го ранга Кроун. Получив вежливый отказ от своего «великодушного» предложения, Мори выложил Кроуну свой главный козырь — сказал, что готов продать секрет взрывного устройства, которое срабатывает при соприкосновении с кораблём. Переговоры велись через посредника Холмса (иногда в документах его называли Гольмс. — *Примеч. авт.*). Мори даже соглашался получить деньги после испытания его торпеды в России.

Возможно, тысяча фунтов стерлингов, переданная с разрешения царя через комитет в фонд Мори, и была платой за взрыватель. После отъезда Мори попробовал подзаработать уже сам Холмс, попытавшись всучить какие-то изобретения русским агентам, но безрезультатно. Получил отказ. Главное инженерное управление посчитало свои разработки гораздо более совершенными. Немало хлопот доставил Григорию Ивановичу старый приятель Степан Степанович Лесовский, который из Америки прибыл в Вилла-Франку. Тот мало того что замучил его вопросами о состоянии флотов и судостроения, но ещё и попросил собрать сведения о снабжении английских судов продовольствием. Видимо, с подачи Лесовского Бутаков получил такое же указание из морского министерства, в которое Степан Степанович отправил своё предложение снабжать суда в дальнем плавании консервами, а не привычной соляной. Вскоре произошёл конфликт между Бутаковым и

управляющим морским министерством. Краббе принял решение отозвать капитан-лейтенанта Колокольцева в Петербург, а на его место в Англию вновь прислать капитан-лейтенанта Скарятин. Но Скарятин упирался изо всех сил, рассчитывая вообще уволиться со службы и перейти на более выгодную в денежном отношении работу в Русском обществе пароходства и торговли. Сначала контр-адмирал Глазенап, сменивший Бутакова в Николаеве, сообщил, что Скарятин в отпуске, потом, что тот отказывается ехать из-за болезни. Бутаков поддержал желание родственника уйти с военной службы, и этим вызвал глубокое возмущение Краббе. Николай Карлович написал письмо Бутакову, в котором обвинял его в попытке обмануть руководство министерства. Привожу это письмо полностью:

«Конфиденциально.

Григорий Иванович,

Я с удовольствием прочёл объяснения, изложенные в конфиденциальном письме Вашем от 19/31 минувшего декабря, и, назначая Скарятин преемником Колокольцева, я убеждён, что он последующею своею службою сумеет изгладить то неблагоприятное впечатление, которое не могло не произвести на меня желание его оставить службу тотчас после столь долгого пребывания за границей за казённый счёт. При этом не могу не присовокупить, что указываемое Вами разрешение Скарятину поступить на службу Общества, крайне удивило меня, т.к. никогда такого разрешения не давалось, и потому я потребовал отпуск с того отношения к Вам канцелярии министерства, на которое Вы ссылаетесь. Из прилагаемой при сем копии с этого отношения, Вы

усмотрите, что капитан 1-го ранга Лихачёв, обязанный оставить Англию, не кончив дел, просил у меня позволения оставить Скарятину на два месяца в Англии на счёт Общества для окончания тех дел, но ни в письме Чихачёва, ни в ответе канцелярии не заключалось ни просьбы, ни разрешения Скарятину перейти на службу в Русское общество пароходства и торговли, о чём я вовсе не помышлял и не мог предугадать. Это разъяснение я счёл необходимым сообщить Вам для устранения вкравшегося, как я вижу, недоразумения, и надеюсь, что Вы согласитесь, что я не без основания выразился о Скарятине неблагоприятно в последнем моём конфиденциальном письме к Вам. Желаю Вам весело и счастливо провести наступавший год, и возобновляю Вам искреннейшие уверения в моём глубоком к Вам уважении. 11 января 1865 года. Краббе».

Григорий Иванович, получив это письмо, промолчал, настроение на Новый год было испорчено. В конце концов в Англию отправили капитана 2-го ранга Александра Егоровича Кроуна, определив тому содержание по второй категории. Краббе решил эту историю не раздувать, к тому же он сам тяжело заболел и уехал лечиться в Карлсбад. Но не стоит уж очень плохо думать о Николае Дмитриевиче Скарятине. Он отважно воевал на Малаховом кургане, на 2-м бастионе и Селенгинском редуте, был награждён Георгиевским крестом, имел ранение и контузию. В конце концов он добился своего, и его уволили по ранению с пенсионом и правом ношения мундира. Недавно автор прочитал в отечественной печати сообщение о том, что в настоящее время импортные покупные комплектующие изделия широко

используются в российской военной технике. Подумал, как многое изменилось в родном отечестве, потому что в течение всей своей службы в военном представительстве всегда следил за тем, чтобы зарубежные покупные элементы не попадали в новые образцы военной техники.

Причина, почему этого нельзя делать, лежит на поверхности. Но, видимо, отставание во многих областях техники у нас теперь просто ужасающее. Такая задача стояла не только в советское время. Великий князь Константин и адмирал Краббе поставили целью построить первые трёхбашенные броненосные фрегаты «Адмирал Грейг» и «Адмирал Лазарев» только на отечественных верфях и с применением только отечественных материалов, чтобы исключить любую зависимость от иностранных государств. Другое дело — технические решения и технологии. Их добычей и занималась военно-морская разведка. Григорий Иванович Бутаков, отправляя в Морское министерство добытые его подчинёнными чертежи броненосцев, предложил внести в них изменения: сделать двойную обшивку в носовой части по примеру броненосца англичан «Беллерофон». Судам этой серии, второго поколения после мониторов, не повезло в части сроков их строительства. Неумное желание вносить улучшения по мере строительства судов привело к тому, что броненосцы вошли в строй только в 1872 году. Свой вклад в дело усовершенствований броненосцев в процессе их строительства внесли Бутаков, его заклятый «друг» Попов и многие другие морские руководители.

Строили очень медленно, но зато и прослужили корабли почти сорок лет. Кроун, которого прислали в помощь Бутакову взамен вызванного в Петербург Коло-

кольцева, понимал, что едет надолго, и немедленно написал рапорт директору инспекторского департамента:

«Получив командировку за границу, имею честь почтительнейше просить ваше сиятельство истребовать паспорт для проезда в Англию семейству моему, состоящему из жены Александры Романовны и малолетних детей, Николая и Романа, и для находящейся при них прислуги: финляндской уроженки Фридрики Михельсдоттер и санкт-петербургской мещанки Ольги Григорьевой. Капитан 2-го ранга Кроун 12 января 1865 года».

Как говорится, нужно ковать железо, пока горячо, а то потом ни любимую супругу, ни дорогих чад своих увидишь не скоро. По приезде Александр Егорович сразу развил бурную деятельность и вскоре уже докладывал Григорию Ивановичу, что фотограф Роудс сделал снимки броненосца «Хеопс» и обещал их вскоре передать. В качестве посредника в этой сделке выступал русский консул в Бордо Павел Ленц. Английский фотограф сделал снимки судна, строившегося под фальшивым названием «Хеопс», в качестве однотипного находящегося в составе английского флота «Сфинксу».

Назначение его держалось английским правительством в глубочайшем секрете. Но русская разведка установила, что судно предполагалось передать конфедератам. Видимо, затем его фотографии русское правительство передало американцам через своего посла в Вашингтоне. В связи с организацией в Кронштадте школы водолазов от Бутакова потребовали сведения, как готовят водолазов в Англии и Франции. Пришлось Григорию Ивановичу самому наводить справки — замечательный разведчик подпоручик Пульс, у которого

были огромные связи в Англии и Франции, уже не мог выполнять свои обязанности и доживал последние дни. По просьбе Бутакова Пульсу прислали замену — капитан-лейтенанта Акселя Ивановича Бойе, бывшего адъютанта великого князя Константина. Замена была неравноценной, завербованные Пульсом люди предпочитали иметь дело только с ним, а не с прибывшим аристократом. Между тем объём запрашиваемых сведений не уменьшался. В сентябре 1865 года из Петербурга пришло указание внимательно следить за опытами англичанина Геля, исследовавшего возможность «отнимать и возвращать пороху воспламеняемость». Вскоре из России специально посланный из Петербурга офицер доставил Бутакову объёмный свёрток. В нём оказались письмо директора кораблестроительного департамента и коробки с ювелирными изделиями. К ювелирным изделиям был приложен документ с указанием цены каждого из предметов.

Как пояснил в сопроводительном письме контр-адмирал Воеводский, изумительной работы перстни с драгоценными камнями и украшенные драгоценностями табакерки, полученные из министерства двора, предназначались для подарков. Если называть вещи своими именами, то — для подкупа нужных людей, занимавших важное положение в обществе. Каждый перстень или табакерка стоили не менее тысяч рублей серебром. Первыми такие «подарки» получили от Григория Ивановича английский судостроитель Чарльз Митчелл, его поверенный Генрих Сван и капитан Каупер Кольз. Неожиданно «серьёзно заболел» Бойе, которого вместо адъютантской службы во дворце в окружении

генерал-адмирала отправили служить под началом Бутакова. Для кого Ницца в радость, а для кого и ссылка.

Он попросил разрешения у контр-адмирала лечиться у немецких врачей в Дрездене. Видимо, потом капитан-лейтенант рассчитывал из Германии вернуться в Россию. Но ему, не без участия Григория Ивановича, передали в Дрезден письменное распоряжение великого князя: остаться после излечения в распоряжении контр-адмирала Бутакова. После этого болезнь как-то сама собой быстро прошла. По приказанию Бутакова Бойе выехал в Бордо, чтобы забрать у Пульса список имён и адресов его корреспондентов. Пульс не хотел отдавать список, тянул время, о чём Бойе жаловался Бутакову. Зная, как в отечестве обходятся с людьми, Пульс опасался, что как только он передаст Бойе всю свою агентуру, то сразу станет никому не нужен, и его, умирающего, отправят в Россию. Он пообещал Бойе «список», две толстые записные книжки, но при одном условии. Записные книжки Пульс обещал передать своей жене, когда она приедет с частью семейства в Бордо. А жена передаст их затем Бойе. Одна книжка была с фамилиями и адресами, а вторая — с отчётностью по израсходованным суммам. Смертельно больной офицер хорошо знал своих начальников и надеялся только на самого себя. Несмотря на полученное разрешение, жену Пульса под разными предлогами за границу не выпускали. Иного способа «убедить» Бутакова добиться приезда своей семьи из России офицер не видел. А пока Пульс передал только фотографии судов и механизмов. Бойе сказал потом Бутакову, что обстановка, в которой жил Пульс, его потрясла, она была просто нищенская.

Сам Бутаков вёл светский образ жизни, получая большие суммы на представительство. В укор ему это ставить не следует, ничего иного никто бы не понял. Ему просто необходимо было возвращаться в высшем обществе, чтобы получать важную информацию из первых рук. Речь идёт совсем об ином: самый результативный русский военно-морской разведчик, подпоручик Пульс, благодаря которому в Петербурге не могли нарадоваться ценным и подробным сведениям о военно-морских флотах Англии и Франции, жил за границей впроголодь, получая жалкое денежное содержание. А Григорий Иванович так пекся о капитане Мори! В сентябре Бутаков со своим семейством снова переехал в Англию на остров Уайт. Надобно заметить, что остров Уайт, так же как и Ницца, место неплохое, жить там можно вполне. Остров очаровывает красотой ландшафта. Живописные берега из разноцветных утёсов, прекрасные пляжи, старинные нормандские замки, красивые дома фермеров. Не зря остров облюбовали для отдыха состоятельные люди ещё в девятнадцатом веке, наверняка и сейчас проживают там какие-нибудь не бедные российские семейства. Бутаков стал местной достопримечательностью, все жители в округе знали, где жил русский адмирал.

Чтобы встретиться с ним, подчинённые, которые и так были разбросаны по городам и весям, приезжая в Лондон, должны были потом добираться в эту дачную местность. Там Бутаков получил указание Краббе собрать сведения о турецком броненосном флоте. Турки заказали во Франции строительство двенадцати мониторов. По приказу Григория Ивановича офицеры занялись добычей информации о строящихся броненосцах. Две

кипы чертежей передал Амалии Арсеньевне (Бутаков был в отъезде) лейтенант Кишкин, сын погибшего командира корабля «Лефорт».

1 октября 1865 года капитан-лейтенант барон Бойе отправил Бутакову письмо из отеля «Ричмонд» в Париже. Барон докладывал, что был с Пульсом в Бордо, «однако же, быка не достали». Эти слова означали, что добыть чертежи мониторов не удалось. Пульс, получивший клятвенное заверение от Бутакова, что в случае смерти подпоручика он лично проследит, чтобы его семья не была брошена на произвол судьбы, из последних сил отправился в эту поездку вместе с Бойе, чтобы познакомить его со своими «корреспондентами». Бойе писал Бутакову, что подпоручик чуть живой, у него часто шла кровь из горла. В Тулоне, куда они прибыли, вспыхнула эпидемия холеры, которая не пощадила «тулонского корреспондента», завербованного Пульсом. Незадолго до смерти агент успел изготовить копию нужного чертёжа, которую они сумели получить. Остальные чертежи, докладывал барон, они достают через другого агента. Никаких имён, адресов или наименований чертежей Бойе, естественно, в письме не указывал. Но Бутаков прекрасно знал, о чём идёт речь. Григорий Иванович передал Бойе письмо от Кроуна, который просил организовать ему встречу с «корреспондентом» Харди. Чем занимался этот Харди, мне выяснить не удалось, но, наверно, чем-то нужным и полезным. Сам Григорий Иванович тоже время зря не терял. Морское министерство выделило ему деньги для подписки на технические и морские журналы разных стран, а также на тематические вырезки из газет и журналов. Адмирал

изучал печатные издания и вылавливал из них нужную информацию.

В русском морском учёном комитете также работали пытливые люди, следящие за тем, что происходило в науке и технике. Мимо их внимания не прошли труды учёного Сюдре, занимавшегося разработкой акустической и оптической передачи сигналов. Бутаков получил задание навести справки об учёном. Но Сюдре вскоре умер, дело заглохло, и Григорий Иванович сообщил в министерство, что интереса оно не представляет. Разумеется, активная деятельность русского контр-адмирала не осталась незамеченной для английских властей, усилилась слезка, которую он почувствовал, потому что предупредил Бойе: «Потрудитесь наблюдать, не заметно ли вскрытие писем, посылаемых Вам Пульсом или мною. Моя печать с короною». Всё-таки элемент тщеславия был у адмирала. Я видел на конвертах, хранящихся в делах, эти небольшого размера сургучные оттиски печати с короной. Обычно корона была на печатях титулованных лиц. Но это, в сущности, такая мелочь!

Вскоре Григорий Иванович переехал в Лондон. Бутакова предупредили, что его собираются отозвать в Россию, поэтому Амалия Арсеньева решила выехать с детьми в Петербург, не дожидаясь получения мужем приказа о возвращении на родину. На острове Григория Ивановича уже ничего не держало, а в Лондоне работать было гораздо удобнее. Освободившись от семьи, он стал действовать более энергично. В Морское министерство адмирал отправил подробное донесение с описанием оборудования французских маяков, составленным по сведениям, которые собрали Николай Иванович Ильин

и Виктор Иванович Зарудный, черноморские офицеры, отправленные за границу для закупки оборудования маяков. Бутаков руководил их работой, ещё находясь на Чёрном море. По его заданию Иван Петрович Белавенец собрал сведения о самозаписывающем компасе командора Аткинсона. Сам Григорий Иванович по заданию кораблестроительного технического комитета сумел узнать технологию обшивки медью корпуса железного фрегата «Принц-консорт» по методу commodора Уоррена. Разведывательная сеть, которой руководил Бутаков, вылавливала чужие секреты мелкоючеистым бреднем. Впечатляет даже простой перечень документов, отправленных осенью 1865 года в дипломатической почте. В «большом свёртке» — чертежи французской броненосной батареи, нарезных орудий, монитора, тунисского авизо (авизо — небольшое военное судно. — *Примеч. авт.*), итальянского фрегата, станка для орудий. В «малом свёртке» — чертежи винтовых кораблей и небольших судов. Кроме того, по заданию Краббе Бутаков и Кроун вели сложные переговоры с главой судостроительной фирмы Чарльзом Митчеллом о передаче права на его петербургский завод российскому правительству. В конце концов англичанина удалось уломать, тот согласился на предложенные условия. 25 октября 1865 года Кроун сообщил Бутакову, что Митчелл сам заехал к нему и пообещал привезти документ, передающий право на завод российскому правительству. А вот предложение, сделанное Бутакову управляющим заводами Митчелла Хьюисом, поступить на российскую службу для создания и управления бронепрокатным заводом, Краббе велел отклонить, объяснив Бутакову,

что заводы в Колпино и Воткинске производят хорошую броню и участие иностранных специалистов там не требуется. В начале ноября Краббе сообщил Григорию Ивановичу, что император разрешил ему вернуться зимой в Петербург. Но до зимы ещё предстояло хорошо потрудиться.

Тем временем Амалия Арсеньевна, перенявшая многое у своего мужа, слала ему из дома «разведданные» обо всех его знакомых, кто и чем из них занимается. Таким образом, Григорий Иванович представлял обстановку на службе, которая ожидала его в отечестве. Должен заметить, что иностранные изобретатели иногда и сами проявляли инициативу, чтобы продать своё изобретение русским. Бутакову требовалось лишь глубоко вникнуть в технику, чтобы разобраться в сути изобретения, и он делал это без труда. У Григория Ивановича был технический склад ума. Непонятно только, почему он отклонил предложение некоего Токера купить чертежи балансирующих рулей. Необходимость применения балансирующих рулей вместо обычных обосновал начальник эскадры броненосных судов контр-адмирал Иван Фёдорович Лихачев в докладной записке от 26 октября 1865 г. Рули приобрели, когда Бутаков был уже в России. Думаю, что, наверно, Токер тогда много запросил. Адмиралы, о которых я пишу, всегда берегли казённую копейку. В архиве сохранилось много записей о деятельности Бутакова той осенью, которая, в определённом смысле, оказалась для него настоящей болдинской осенью разведчика. Задания сыпались одно за другим. Директор кораблестроительного департамента просил собрать сведения о правилах буксировки судов на Темзе и сравнить с

правилами буксировки по Неве. Гидрографическому департаменту требовалось более подробное описание самозаписывающего компаса Аткинсона, сведения о котором послали ранее, а также его стоимость. Кроме того, запрашивали описания семафоров для переговоров с судами, технические описания маяков, их устройство и организацию службы на маяках, и ещё многое другое. Морское министерство поручило Бутакову заказать механизмы для императорской яхты. Это он уже никому не перепоручал, выполнил сам.

По заданию Григория Ивановича Кроун занимался сбором сведений о красках для подводной и надводной частей судов. Особенно русское Морское министерство интересовал состав краски для подводной части строившегося в Англии военного транспорта «Гималаи». Бутакову из Петербурга прислали список английских судов с требованием выяснить, на каких заводах для них изготавливали механизмы. Пульс всё-таки раздобыл чертежи турецких мониторов и прислал их Бутакову. Таким образом, благодаря своим сотрудникам, Бутаков обеспечил Морское министерство всеми требуемыми сведениями. Последнее задание, которое выполнил Григорий Иванович, касалось сбора сведений об опытах с усовершенствованными ракетами конструктора Геля. Петербургу требовалось знать точность попадания, дальность стрельбы, производимое действие и мероприятия английского правительства по окончании опытов. Любознательными людьми были наши предки! Амалия Арсеньевна приехала из Петербурга, чтобы помочь мужу собраться. За границей супруги купили немало хороших вещей, и жалко было их распродавать за бесценок.

В Петербурге Андрей Александрович Попов, забыв все трения между ними, предложил Бутакову остановиться у него на Канонерской улице, дом 5, предложив две комнаты и экипаж. Но Григорий Иванович протянутую руку не увидел и сухо отказался. Попрощаться с начальником и получить от него последние указания из Франции в Лондон отправился барон Бойе. Эта поездка едва не стоила ему жизни. Во время перехода через Ла-Манш пароход, на котором он находился, столкнулся с другим судном и пошёл ко дну. Бойе оказался единственным морским офицером на борту. Сразу стал действовать, как учили: остановил панику и вместо капитана взял в свои руки организацию спасения пассажиров и команды. Сначала команда пыталась откачать воду из трюма, но это оказалось бесполезным занятием. Бойе усадил в шлюпки прежде всего женщин и детей, а в самую последнюю сел вместе с капитаном. К счастью, он знал адрес в Дувре, где остановилась жена Бутакова, и сразу же к ней отправился. Капитан-лейтенант был мокрым с ног до головы, а дело происходило в середине декабря. Амалия Арсеньевна, дама сообразительная, не стала охать и ахать, а сразу же дала ему водки и сухую одежду из гардероба мужа. Барон был спасён от простуды. И всё же зря Амалия Арсеньевна так торопилась за вещами. Бутакова вызвали в Петербург, оказывается, только временно, для обстоятельного доклада о проделанной работе.

В 1867 году в Париже должна была открыться Всемирная выставка. Григорию Ивановичу приказали выехать в Париж с тем, чтобы принять участие в работе выставки, ознакомиться с новейшими достижениями в науке и технике. Он получил задание выяснить, как

применяется в судостроении литая сталь, точнее, крупные детали, отлитые из стали, например такие, как коленчатые валы, с тем, чтобы потом внедрить стальное литьё на Обуховском заводе. При этом комиссариатский департамент вновь предупредил его об ограниченности средств на экстраординарные расходы и содержание офицеров за границей.

Пока Бутаков отсутствовал, Пульс неожиданно почувствовал себя лучше. Подпоручик выяснил, что заказ на строительство броненосцев для Пруссии, несмотря на попытки русской дипломатической службы воспрепятствовать этому, принят. Два броненосца предполагали построить в Тулоне и один в Лондоне. Продолжал активно работать в Париже Бойе, который покупал сведения у чиновника, занимавшего незначительный пост в министерстве, но зато знал очень много и имел доступ к секретным документам. Кроун сообщил подробности закладки броненосца «Нортумберленд». Бутакову прислали в помощь ещё одного сотрудника, капитана 2-го ранга Алексея Алексеевича Пещурова, которому предстояло работать в Англии. Морским агентом в Пруссии назначили будущую звезду военно-морской разведки капитан-лейтенанта Николая Александровича Неваховича. Пещурову Григорий Иванович поручил составить сравнительную таблицу характеристик броненосных судов, форму которой Бутакову прислали из министерства.

Как ни странно, но финансовые кризисы случались и в те далёкие времена. Многие верфи закрылись, их работники оказались выброшенными на улицу. Начались трудности и у русских разведчиков. Люди боялись потерять рабочие места и поэтому неохотно шли на

контакт с иностранцами. Работу Пульса в Петербурге отметили награждением подпоручика орденом, но лучше бы ему увеличили оклад. У самого Григория Ивановича в тот год случились два радостных события: родилась дочь, которую на семейном совете назвали Марией, и ему присвоили звание вице-адмирала.

Всемирная Парижская выставка открылась. Организаторы выставки договорились, что её девизом будут только мир и процветание, однако на выставке присутствовал и большой военный отдел. В нём под видом промышленных изделий европейские страны и США представили орудия, торпеды, холодное оружие. Некоторые достижения в гражданской сфере также оказались тесно связанными с военным искусством, например, такие как телеграфный аппарат Дэвида Хьюза, электрические светильники, подводный кабель, железнодорожная техника, оборудование для обеспечения питанием большого количества людей, шарикоподшипники, гидравлические подъёмники и многое другое. Международное жюри отказалось рассматривать образцы вооружения, как противоречащие девизу выставки, но Наполеон III сам назначил комиссию с приглашением иностранных военных.

Во всех наших исторических книгах с пафосом утверждается, что Бутакова избрали, как признанного международного научного авторитета и выдающегося флотоводца, председателем комиссии по морской части. Мне это напоминает, как однажды, когда я служил на Урале в центре разработки ракетной техники для атомных подводных лодок, смотрел по телевизору концерт, который передавала местная телестудия. Ведущий концерта, без тени юмора, объявил: «Сейчас выступит

лучший баянист Челябинской области, а, следовательно, и всего мира!». Причём Бутаков и дня не работал в той комиссии, потому что его отозвали в Россию, но об этом не упоминают. К слову сказать, когда я заинтересовался этим фактом и стал изучать всё, что известно о Всемирной Парижской выставке, то нигде в иностранной прессе того времени не обнаружил вообще никакого упоминания о Бутакове. Да и какой мог быть на той выставке авторитет у России, блиставшей на ней в основном трактиром купца Корощенко, археологическим отделом, императорскими конными заводами, ювелирными и художественными изделиями, образцами полезных ископаемых. Один из русских посетителей выставки вспоминал, что в разделе машин «у нас почти ничего, стоит несколько орудий и пробитый блиндажный лист толщиной 4 мм. Тут же машина для сверления орудий. Все эти предметы, но гораздо лучше, можно увидеть в отделе Пруссии». Григория Ивановича отозвали в столицу, чтобы сменить контр-адмирала Ивана Фёдоровича Лихачёва на должности начальника эскадры броненосных судов.

Если первый раз, когда Бутакова назначили командовать канонерскими лодками, ему пришлось начинать с нуля, то теперь всё было иначе. Самый трудный период создания эскадры и превращения её в боевое соединение достался Лихачёву, который поменялся должностью с Григорием Ивановичем и отправился на его место морским агентом в Англию и Францию. Лихачёв был на шесть лет моложе, но нисколько не уступал Бутакову ни в каких вопросах. Как и Григорий Иванович, он был участником обороны Севастополя, получил сильную контузию при взрыве баркаса с поро-

хом, когда в него угодил вражеский снаряд, а по части морской опытности намного его превосходил, совершив плавание на Камчатку и в Ново-Архангельск. Бутаков по проверенной схеме обратился к министру финансов, чтобы ему разрешили беспошлинно ввезти в Россию вещи, которые успела приобрести за границей Амалия Арсеньевна. Министр финансов Михаил Христофорович Рейтерн раньше трудился в Морском министерстве и в своё время был одним из ближайших помощников великого князя Константина.

По старой памяти министр разрешил не платить, но только за провоз личных вещей. За вино, материю и другие вещи «в товарном виде», к великому огорчению Амалии Арсеньевны, пошлину пришлось уплатить, как всем остальным простым смертным. Краббе принял Бутакова очень любезно, после официальной беседы пригласил Григория Ивановича и Амалию Арсеньевну к себе домой. В общем, начало службы на новом старом месте было неплохим. Печальное известие получил Григорий Иванович в том году из Николаева: умер его отец в возрасте 87 лет. Остались мать, семь сестёр и четыре сына. Не все дочери удачно вышли замуж, некоторые очень нуждались и обращались за поддержкой к самому состоятельному брату, Григорию, чем вызывали раздражение Амалии Арсеньевны. Ну, её можно понять — кто же любит бедных родственников? Началась десятилетняя служба Бутакова в должности начальника практической броненосной эскадры. Летом плавали, а зимой несли береговую службу, занимались теоретической подготовкой. Во многих книгах авторы всё положительное, что появлялось тогда в русском

флоте, приписывают одному Бутакову. Можно подумать, что на нём всё держалось.

Конечно, трудно быть непредвзятым автором, особенно когда хочется возвеличить своего героя. Хорошо тем летописцам, которые, как Пимен, добру и злу внимают равнодушно, но таких объективных авторов-историков мне встречать не доводилось. Равнодушных читателей видел, а вот авторов — нет. Я и сам не без греха.

Вступив в должность, Григорий Иванович сразу же занялся своим любимым делом: обучению эволюциям и таранным упражнениям. Маневры судов эскадры часто демонстрировали иностранным морякам, посещавшим порты России с визитом вежливости. Вот как описывал их один французский морской офицер: «Эти упражнения, настоящие турниры, происходят в замкнутом пространстве, внутри судов эскадры, расположенных в виде каре (каре — не дамская причёска, а боевой порядок пехоты, построенной в виде квадрата. — *Примеч. авт.*), с адмиральским кораблём в центре (или в углу). Затем два судна-тарана выступают вместе и, разойдясь, снова сходятся, чтобы столкнуться под возможно большим углом. Большей частью им приходится несколько раз сходитьсь, раньше, чем удастся (как следует) приблизиться друг к другу... В конце кампании все чертежи были изданы в виде элегантного альбома, который раздавался морским офицерам для изучения».

Наверно, какая-то польза от таких маневров была, и офицеры изучали содержимое «элегантного альбома», да только вот неприятеля им так ни разу и не довелось таранить. Но зато свои корабли на маневрах, случалось, таранили, да ещё так, что мигом отправляли их на дно. Броне-

носная батарея «Кремль» во время выписывания кругов по воде в соответствии с правилами автора «Оснований пароходной тактики» врезалась своим тараном, или, как он ещё назывался, шпироном, в борт деревянного фрегата «Олег». Фрегат затонул в течение пятнадцати минут. Погибли шестнадцать человек. Бутакову, который был непосредственным руководителем учений, всё сошло с рук: и потеря новенького фрегата, и гибель личного состава. Суд провели быстро, дело постарались забыть. Все командиры оказались весьма заслуженными людьми, фрегат, конечно, жалко, ну а погибшие шестнадцать матросов... — бывает, ничего не поделаешь, но, не бог весть, какая потеря, мужиков в России много.

Гладкоствольные орудия со временем сменились на нарезные, дальность стрельбы значительно возросла. Пока подойдёшь, чтобы нанести удар тараном, успеют потопить из орудий. И хотя Григорий Иванович много времени уделял артиллерийской подготовке, но всё же оставался горячим сторонником таранных ударов. Как и во времена командования канонерками, он поддерживал дух соревнования между командами судов. Не без основания вице-адмирал считал, что в воспитании волевых и морских качеств у офицеров и матросов важное место занимает управление шлюпками. По его просьбе Морское министерство даже выделило денежные премии для самых лучших шлюпочных команд. Бутаков старался приблизить боевую подготовку к боевым условиям. Но иногда переходил границы разумного. Возможно, вспоминал свои эксперименты на «Владимире».

В приказе от 4 августа 1867 года он писал: «Попадать в щит, когда в вас никто не стреляет, одно дело; попа-

дать же в неприятеля под его ядрами — другое». Кто бы спорил с адмиралом? Но вот что было написано дальше в приказе, представляется довольно сомнительным: «...Чтобы команды наши заблаговременно приучились слышать свист ядер, предлагаю посылать по очереди на один час по гребному судну с офицером на каждый из двух буйков, поставленных по обе стороны ближайшего к эскадре щита, в некотором расстоянии от него... Сколько время мне позволит, я буду сам навещать эти буйки, что советую и г.г. командирам».

Если бы в наше время, когда точность стрельбы из орудий несравнима с той, что была в середине девятнадцатого века, кто-нибудь из командиров предложил нечто подобное, его отправили бы на медицинское освидетельствование выяснить, всё ли у него нормально с головой. Неудивительно, что великий князь не доверял Бутакову и предупреждал управляющего морским министерством держать его под постоянным контролем. У Григория Ивановича было множество достоинств, и прежде всего его невероятная выдержка и хладнокровие. Он никогда не разговаривал с подчинёнными на повышенных тонах, выговаривая за что-либо, никого никогда не оскорблял. Качество, прямо скажем, совершенно неординарное среди флотского начальствующего состава всех времён, включая, разумеется, и наше. Он был к тому же очень остроумным человеком, любил пошутить.

Однажды отряд мониторов под его флагом шёл в Либаву. Погода стояла свежая, а у мониторов палуба едва возвышалась над водой, понятно, что суда заливало. Один из командиров, известный повышенной тревожностью, поднял сигнал: «Терплю бедствие». Бутаков приказал

ответить сигналом: «Терпеть до Либавы». Наверно, на мониторе тоже по достоинству оценили адмиральскую шутку. Григорий Иванович учил своих подчинённых тому, что войны стали скоротечными. Хорошо сказано в одном из его приказов: «...готовиться необходимо всегда, постоянно, неотлагательно, немедленно; готовиться к тому получасу, для которого мы, можно сказать, существуем, и в который нам придётся показать, что Россия содержит флот не без пользы». Слова эти современны и сейчас, только промежуток времени сократился ещё больше. Иногда в прессе и в Интернете, в статьях и комментариях я читаю брызжущие злобой статьи и отклики по поводу военнослужащих, которые «незаслуженно» рано получают пенсию. Авторы их приводят в подкрепление своей позиции примеры либо из своего ограниченного опыта, либо на уровне «одна бабушка сказала». Подобно рыбаку Косте, не буду говорить «за всю Одессу». Скажу только о тех людях, с кем приходилось постоянно общаться во время службы. Я снимаю шапку перед всеми гражданскими моряками, торговыми и рыбаками: в каких только переплётах им не приходилось бывать. Поплавайте — узнаете!

А теперь представьте себя в положении военного моряка, в частности подводника, который плавает в непосредственном соседстве с атомным реактором. Он постоянно находится в тесном замкнутом пространстве, насыщенном сложнейшей электронной и электромеханической техникой, излучающей электромагнитные поля разной степени мощности, дышит регенерированным воздухом. Во время плавания моряк лишён обычных житейских радостей и, в довершении всего,

месяцами находится под водой. Плюс ко всему постоянно занят обслуживанием торпедного и ракетного вооружения с ядерными боеголовками, опасного не только для противника, но и для своего личного состава. Не хотели бы побывать на его месте? Внушать уважение населения к той его части, которая несёт службу, охраняя родину, дело не только властей, но и так называемой творческой интеллигенции. Только о каком уважении идёт речь, когда после гибели «Курска» весь мир увидел по телевидению, в каких домах жили российские подводники. Интересно, испытали ли министры-капиталисты, правящие страной, хоть каплю стыда за это, или могли только кощунственно сострить на вопрос, что случилось с подводной лодкой, — «она утонула»?

Но вернёмся к прошлому. На флоте без чрезвычайных происшествий не бывает. Умел иногда Григорий Иванович преподнести их так, что вместо фитиля нужно было объявлять благодарность. Броненосная батарея «Первенец» во время плавания наскочила на камень и получила пробоину. Командир батареи, капитан 2-го ранга Николай Васильевич Копытов, не растерялся и посадил батарею на илистую отмель, чем заткнул течь. Бутаков доложил о происшествии телеграммой адмиралу Краббе так: «Течь на батарее “Первенец” ничтожна. Останется при эскадре. Командир молодецом выпутался из беды; офицеры и команда исполняли долг с примерным рвением и порядком. Я... направил “Первенец” не в док в Кронштадт, а к эскадре для продолжения плавания. В военное время это значило бы получить подкрепление, вместо ослабления наших сил. Этим можно гордиться!» Испытал ли Николай Карлович

Крabbе такую же большую радость и гордость, получив от Бутакова восторженное сообщение о том, как замечательно его подчинённые делают пробоины в днище, а потом их затыкают, осталось неизвестным. Во всяком случае, опытная «разведчица» Амалия Арсеньевна, узнав о происшествии на эскадре мужа, дала ему телеграмму, что приехала в Кронштадт, остановилась у Лесовских, чтобы узнать, что с «Первенцем». «Вчера узнала, он на мели. Ст.Ст. не много мог прибавить», — сообщила она мужу. (Ст.Ст. — Степан Степанович Лесовский. — *Примеч. автора*). Видимо, жена флотоводца испытывала чувство тревоги за мужа, не зная, чем всё это закончится для него лично. Но обошлось.

Эскадра Бутакова состояла из двух отрядов, которыми командовали контр-адмиралы Василий Фёдорович Таубе и Андрей Александрович Попов. Тщательно скрываемая взаимная неприязнь между Бутаковым и Поповым за время службы Попова на эскадре ещё больше усилилась. Один Лесовский сохранял со всеми прекрасные отношения, доброжелательно общаясь со своими старыми друзьями и товарищами. Он был тогда исполняющим должность главного командира Кронштадтского порта и военного губернатора Кронштадта. Лесовский обошёл по службе и Бутакова, и Попова, но его повышение не вызвало у них раздражения, Степан Степанович не менялся по мере продвижения по службе, был всегда прост и дружелюбен. В мае он пригласил Бутакова объехать суда и принять совместные меры, чтобы обеспечить их выход в море, а потом пригласил на Славянский обед, заключив своё приглашение словами: «Так что Вы хватите разом по двум воробьям».

Лесовскому сообщили о предстоящем приходе в Кронштадт американских судов под флагом знаменитого адмирала Фаррагута, и он беспокоился, чтобы не ударить лицом в грязь. Что касается Славянских обедов, то так называли торжественные банкеты, в которых принимала участие элита русского общества. В те годы читающая и думающая часть общества прониклась идеей, что Россия — это не только русская, но и славянская держава, призванная освободить угнетённых братьев-славян от австро-венгерского и турецкого ига. А там, глядишь и образуется мировая славянская держава с центром в Царьграде. Словом, как всегда маниловские мечтания. Правда, была и другая часть мыслящего общества, которая более трезво смотрела на вещи. Эти люди понимали, что отсталая самодержавная Россия вряд ли привлекательна для южных и западных славян. Одной этнической похожести для этого мало. Но тогда подобные настроения были популярны и в военной среде. Лесовский написал Бутакову, что будут человек пятьдесят славянских гостей и члены Петербургского Славянского комитета. Они должны были прибыть в Кронштадт на двух военных пароходах. Всем офицерам предписывалось быть в виц-мундирах (полупарадных мундирах. — *Примеч. авт.*).

Летом 1867 года американская эскадра под командованием героя Гражданской войны в США адмирала Фаррагута, посетившая многие порты Европы, пришла в Кронштадт. Основную нагрузку по приёму американцев предстояло принять на себя контр-адмиралу Лесовскому, который побывал гостем Фаррагута в Америке. Из морского министерства запросили, какая

сумма понадобится для приёма. Лесовский предложил организовать скромный обед для адмирала и командира судна, а в Летнем саду устроить обед для американских матросов. Степан Степанович считал, что необходимо привлечь для приёма американцев Бутакова и его офицеров, и поэтому перечислить большую часть суммы Григорию Ивановичу. Как он объяснил Бутакову: «...вся торжественность приёма, достойная и соответственная Фаррагута, должна быть у Вас на эскадре, на русском флоте, на русских судах, а не между нашими жалкими казармами и кабаками». И мечтательно добавил: «Отправили бы мы его отсюда на одном из наших пароходов к Вам, а Вы бы его встречали со всеми почестями».

Визит американцев прошёл успешно. 16 августа Лесовский сообщил Бутакову: «Фаррагут снимается в пятницу с рассветом. Обед предполагается на “Олафе”, а затем на Вашем флагманском фрегате. Краббе поручил мне просить Вас не сделать Фаррагуту тех же почестей и оваций». Видимо, почестей и оваций хватило с избытком. Во время визита американского адмирала произошёл конфликт между Бутаковым и Поповым. В результате Попов потребовал от Бутакова письменных объяснений.

Вот его письмо: «Многоуважаемый Григорий Иванович. Я явился бы к Вам лично, но чувствую себя весьма нехорошо, и потому вынужден обратиться к письму для разъяснения, следующего обстоятельства. Вчера во время пребывания адмирала Фаррагута на “Владимире”, он, прощаясь со мной, сказал, что хочет посетить ещё некоторые суда эскадры. Желая сделать честь знаменитому адмиралу насколько это возможно в моём положении, я тотчас ответил, что если ему угодно быть

на каком-либо мониторе, то, как начальник этих судов, я буду очень счастлив ему сопутствовать. В эту минуту, вмешавшись в мой разговор с адмиралом Фаррагутом, Вам угодно было сказать, что “на его катере нет места”. Не допуская мысли, чтоб этими словами Вы желали оскорбить меня лично, и, тем более, в моём лице звание русского адмирала, я предполагаю какую-либо неловкость с моей стороны, или недоразумение.

А потому убедительно прошу Вас во имя наших давних дружеских отношений рассеять мои сомнения на этот счёт, и, если я виноват, дать мне случай извиниться перед Вами.

Искренно Вас уважающий А. Попов. 21 августа 1867. “Владимир”, на Гранзундском рейде».

Из письма понятно, что извиняться следовало Бутакову. Но разве начальники когда-нибудь извинялись перед подчинёнными за свою бестактность? За всю свою службу я, например, не помню такого случая. Но здесь совершенно иная ситуация: оба достойных адмирала были когда-то закадычными друзьями. Григорий Иванович ответил незамедлительно, на следующий день, что такого с его стороны не было, и быть не могло. Бутаков вывернулся, а Андрей Александрович почувствовал себя в дурацком положении. Отношения между двумя адмиралами ещё больше обострились. Бутаков всегда интересовался новшествами в зарубежных флотах. Он написал Кроуну письмо с просьбой присылать ему информацию по вопросам, представлявшим для адмирала интерес. Нетрудно догадаться, какую «радость» испытал Кроун, узнав об адмиральской просьбе. Все задания по сбору информации он получал от Лихачёва.

Капитану 2-го ранга и без того хватало работы, чтобы ещё дополнительно удовлетворять любознательность бывшего начальника. Бутаков получил ответ уже не от Кроуна, а от Краббе, который запретил ему впредь обращаться к морским агентам, минуя министерство.

Однако это не отбило охоту у вице-адмирала интересоваться вопросами, не входящими в круг его непосредственных обязанностей. Но можно только порадоваться, что у эскадры был такой широко мыслящий начальник. Григория Ивановича очень интересовали мины и, в частности, последние их разработки. По собственной инициативе он решил встретиться с изобретателем. В архивных делах сохранилась записка Бутакову от неизвестного лица: «Свиданье с Давыдовым придётся отложить. Я думал, что у него на квартире лаборатория, но я ошибся, это так было прежде, но теперь он занимает уголок, в котором ничего нет и ничего делать нельзя. Образчики своих мин он надеется собрать, но только к среде не успеет, и потому просил отложить. Я просил его дать знать, когда он будет готов». (Речь шла о встрече с изобретателем Алексеем Павловичем Давыдовым. — *Примеч. авт.*)

Ну нет, так нет, и Григорий Иванович 7 сентября 1867 года послал лирическую телеграмму домой: «Адмиральше Бутаковой, Васильевский остров, набережная между 13 и 14 линиями, дом Фуражева. Был Виндаве, иду Мариенгам. Тепло, тихо. Бутаков». Минным делом в России занимались давно. В первой половине девятнадцатого века был создан комитет о подводных опытах, затем в Морском министерстве создали комитет о минах во главе со знаменитым мореплавателем, писателем и учёным Фёдором Петровичем Литке. Кроме того,

мины всегда были в поле внимания морского учёного комитета.

По предложению Бутакова осенью 1867 создали временную школу морских минёров, которой руководил лейтенант Владимир Африканович Терентьев. Контролировать работу минной школы и проводить опыты с минами управляющий морским министерством поручил Бутакову и контр-адмиралу Воину Андреевичу Римскому-Корсакову. Первый блин, как и положено, был комом, но в дальнейшем, благодаря усилиям Григория Ивановича, дело наладилось. На броненосной эскадре создали минную команду из 70 человек. Но от любимого тарана Бутаков всё никак не мог отказаться. Только на этот раз роль шпирона стал выполнять откидной шест, установленный на носу с закреплённой на нём миной. Подготовкой минёров для флота стала заниматься минная комиссия при морском техническом комитете. В конце 1867 великий князь Константин назначил комиссию для рассмотрения чертежей новых броненосцев, разработанных под руководством Андрея Александровича Попова и генерал-майора Степана Ивановича Чернявского. В неё генерал-адмирал включил Григория Ивановича Бутакова. Вряд ли это решение великого князя обрадовало Андрея Александровича. Новый 1868 год начался для Бутакова прекрасно — его назначили старшим флагманом Балтийского флота, оставив в должности начальника эскадры броненосных судов. Самое приятное, что назначение старшим флагманом означало не столько расширение круга обязанностей, сколько повышение денежного содержания.

Теперь Григорий Иванович получал жалованье 3528 рублей, столовых 3900 рублей, кроме того, по

званию генерал-адъютанта ему платили 1332 рубля за нахождение в свите царя. Немного забегаю вперед, чтобы покончить с денежными делами, скажу только, что в следующем году он получил ещё добавку в виде аренды сроком на двенадцать лет по 2000 рублей в год. Арендой тогда назывались выплаты высшим военачальникам и чиновникам, что-то вроде денег в конвертах, которые подобные чины получали в советское время. Жалованье было огромным, особенно если сравнить с тем, какое получали его подчинённые.

Но так в России было всегда, ничего не изменилось и в наше время. В конце 1867 года во Франции умер Павел Пульс, которому незадолго до смерти присвоили звание поручика. Постарался о присвоении звания его новый начальник Лихачёв, чтобы увеличить денежное содержание смертельно больного офицера. Он же написал в Морское министерство письмо, в котором обрисовал положение семьи разведчика. Из министерства обещали помочь, но, зная цену обещаний чиновников, Иван Фёдорович обратился с личной просьбой к Бутакову проследить, чтобы выделили пособие семье поручика, оставшейся без единственного кормильца. Григорий Иванович помог семье бывшего подчинённого. Евдокия Пульс получила нищенское пособие на себя и троих детей в размере 200 рублей в год. Бутаков больше сэкономил на неуплате таможенной пошлины. Ничего другого добиться не удалось. А не займись два заслуженных адмирала «пробиванием» ей пособия, вообще пошла бы по миру с протянутой рукой. «За богом молитва, а царём служба не пропадает!» — учили её покойного мужа в кадетском корпусе.

Не знаю, как там насчёт молитвы, а вот в отношении родного государства питать иллюзий уж точно не стоит. Лихачёв, передавая эскадру Бутакову, вручил ему и свой незавершённый труд по составлению сигнальной книги трёх- и четырёхфлажной системы. Григорий Иванович завершил эту большую работу, начатую предшественником. Помимо того, Бутаков также подготовил к изданию собственное сочинение «Эволюционная система паровых судов». Адмирал был творческой личностью, им постоянно владела какая-то идея. И самая навязчивая — нанесение таранных ударов и уклонение от них. Командиры кораблей и рулевые всё лето тренировались на двух специально оборудованных учебных судах. Но и артиллерийские учения на эскадре проводились регулярно. Артиллеристов обучают стрельбой по щитам (большим мишеням), неподвижным и буксируемым. Попасть в щит, который перемещается, конечно, труднее, чем в неподвижный. Это, как говорится, и ёжику понятно. Тогда не было устройств, определявших расстояние до цели, и многое зависело от глазомера артиллеристов. Ну, а если ещё добавить качку, то попадание в цель становилось искусством сродни угадыванию правильных номеров в лотерее.

Однажды на эскадре Бутакова проводились артиллерийские стрельбы. Для исправления щита на него послали двух матросов, и по рассеянности, а лучше сказать, по разгильдяйству офицера их там и забыли. Броненосец открыл огонь по щиту. Можно себе представить, что испытали два молодых первогодка, когда по ним началась пальба! Напрасно матросы размахивали бескозырками и кричали изо всех сил. Спасла их «точность» стрельбы, ни одно из ядер не попало в цель. Почему их никто не видел в

бинокль, непонятно. Впечатление, что brave артиллеристы стреляли не по мишени, а просто в её сторону, авось попадут. На счастье матросов, у них оказались с собой топоры, которыми они чинили щит. Моряки перерубили тросы, удерживавшие щит на якорях, его развернуло по ветру и понесло. Только тогда руководитель стрельбы сообразил: что-то не так. Григорий Иванович и здесь постарался увидеть только хорошее.

Он совершенно справедливо поощрил обоих сообразительных матросов. Об офицерах в приказе ничего не говорится, но, надо полагать, свои «фитили» они всё-таки получили. В конце летней кампании броненосную эскадру проверила комиссия адмирала Ефима Васильевича Путятина и поставила хорошую оценку. Не зря трудился Григорий Иванович! Огорчали, правда, иногда родственники. Племянница Амалии Арсеньевны, Варя, неудачно вышла замуж. Жила она в бедности и постоянно униженно просила у Бутаковых деньги. Сначала по сто рублей, потом по двадцать пять и, наконец, уже по десятке, видимо, большие суммы ей перестали давать. Сестра Григория Ивановича, Анна, умерла незамужней. Наследство она завещала братьям, в том числе и деньги, которые ей осталась должна вдова подполковника Мария Варрава. Вдова деньги отдавать не хотела и, чтобы отвести в сторону от разговора о долге, обвинила Григория Ивановича в смерти своего мужа, которого он якобы довёл до печального конца своими преследованиями в бытность военным губернатором Николаева. Разумеется, на репутации Бутакова это обвинение не сказалось, но такие москитные укусы часто отравляют жизнь очень достойных людей.

Григорий Иванович поддерживал дружеские отношения со многими моряками, но ближе всего он был с Лесовским. Степан Степанович деликатно подсказывал ему многие вещи. Например, провести на эскадре молебен по поводу годовщины спасения великого князя Константина во время покушения на того в Варшаве.

Невесело было читать письма Бутакову от старых товарищей, утративших связь с флотом. Один из них, когда-то блестящий офицер, командир фрегата, писал: «Настоящее моё грустно, будущее мрачно. Отрезанный ломоть от флота». В 1869 году царь присвоил Григорию Ивановичу звание генерал-адъютанта. Помимо почёта, ему добавилось и денежное содержание. Александр II уделял флоту большое внимание, часто посещал суда эскадры, а Бутаков умел встретить и проводить его императорское величество. При этом царь и без подсказок видел, что на эскадре занимаются делом, настоящей подготовкой к боевым действиям, и его это радовало. 7 июля того же года Александр II написал брату Константину письмо, тот лечился за границей, вручив его для передачи Лихачёву. В письме говорилось: «Пользуюсь отъездом Лихачёва, чтобы написать тебе, любезный Костя, хотя несколько слов. Он передаст тебе все подробности моего двухлетнего пребывания на эскадре, на Транзундском рейде. Добавлю только то, что я тебе уже телеграфировал, т.е. чего я вполне и всем остался доволен, сожалея, что тебя не было при этом. Нельзя не радоваться, видя общее усердие, знание своего дела и молодечество, которое воодушевляет всех чинов эскадры. Назначением Бутакова генерал-адъютантом я хотел показать моё полное удовольствие и выказать при этом

моё искреннее спасибо всем командирам судов, прибавив мою уверенность, что они будут стараться ещё более совершенствоваться по всем отраслям их многосложной службы. Сердечное спасибо тебе и Краббе, который умел понять тебя и помогать во всех дельных преобразованиях нашего флота...»

Григорий Иванович много работал над вопросами применения минного оружия на флоте. Это отметила уже упоминавшаяся выше комиссия Путятина. Но у нас ведь очень важно, как преподнести начальству. Не зря же пуски ракет в своё время планировались к всевозможным датам. Существует, правда, понятие «адмиральского эффекта». Это когда, высунув язык, готовят мероприятие к приезду высокого начальства, а в спешке... ну, вы сами понимаете. Почему-то не начальство приезжает, когда будет завершена подготовка, а подготовку стремятся завершить к приезду высоких визитёров. Что делать, холуйство в крови у многих. Григорий Иванович сделал умнее. Он всё тщательно подготовил, и только потом пригласил царя. Изобразили лихую минную атаку. Роль неприятеля выполнял старый бриг «Фиолоктет», мирно стоявший на рейде.

Конечно, в реальных условиях всё было бы не так, но не о том речь. Раздался сильный взрыв, в воздух поднялся столб воды, в разные стороны полетели обломки судна. Александр II был настолько под впечатлением эффектного взрыва мины под старым остовом брига «Фиолоктет», что наградил Бутакова не менее театрально. Он снял аксельбант с великого князя Алексея Александровича и собственноручно надел его на Григория Ивановича со словами: «Тебя благодарю, прежде всего, и поздравляю

моим генерал-адъютантом. Я уверен, что ты останешься таким, каким я тебя всегда знал».

Вот, оказывается, откуда идёт начальственное «тыканье». А я-то думал, что от генсеков, вспомнив, как «тыкал» Михаил Сергеевич Горбачёв академику Сахарову. Конечно, замечательно, что самодержец понимал трудности морской службы и ценил людей, которые её несли. Чего не скажешь о более поздних временах, когда флот едва не оказался уничтоженным без всяких морских сражений во время царствования в президентском кресле кривляющегося пьяницы, дирижёра чужими оркестрами. Без сомнения, Григорий Иванович много работал, воспитывая достойных командиров кораблей, и все награды его были заслуженными. Надеюсь, и вы, уважаемый читатель, поняли, что эпизод, о котором я рассказал, был просто демонстрационным, а огромная работа по перевооружению судов минным оружием осталась за кадром. Наверно, царь это тоже понимал. В жизни радостное и печальное часто шествуют под руку.

В том году скончался в Швальбахе старший из братьев Бутаковых, Алексей. Григорий Иванович узнал о печальном известии от жены, которая снимала дачу в Териоки. В короткие зимние дни Григорий Иванович руководил проведением в залах морского музея военноморских игр. Только не считайте, что это «морской бой», в который мы играли на уроках, вместо того чтобы слушать в школе учителей. В данном случае под игрой понимались занятия с офицерским составом, направленные на тактическое и оперативное совершенствование. Вникать глубже мы не станем, поскольку пишу не научную работу, а просто рассказываю о

жизни хорошего человека. И ещё одну очень полезную инициативу проявил Бутаков. Он решил подготовить офицеров, способных осуществлять минные атаки, а для этого организовал минную школу. В своём приказе он объявил: «В будущую кампанию с каждого корабля, имеющего паровую шлюпку, будет избран один офицер к изучению управления минами. Желающим попасть в число их, рекомендую записаться в минную школу на предстоящую зиму».

В 1870 году, после разгрома Франции под Седаном, русское правительство сочло, что настал очень удобный момент отказаться от выполнения Парижского договора, запрещавшего России иметь флот на Чёрном море. Тот год начался для Бутакова с двухмесячной зарубежной командировки для ознакомления с состоянием судостроения. Когда Григорий Иванович был за границей, Амалия Арсеньевна написала ему, что приехал на несколько дней из Николаева Николай Дмитриевич Скарятин, бывший адъютант Бутакова во время их совместной службы в Николаеве. Неизвестно, чем уж он так насолил жене Бутакова, но она сообщила мужу: «Тяжело мне видеть этого человека, и не будь он муж Nadine, я бы, конечно, руки ему не подала, обещал быть ещё, тогда рассчитаемся». Злопамятной дамой была Амалия Арсеньевна, обид не прощала.

Бедная Варя Рудакова по-прежнему выпрашивала у состоятельных родственников деньги, но ей уже больше тридцати рублей не давали, зная, что долги она не возвращает.

После возвращения из командировки Григорий Иванович собрался во дворец, чтобы доложить вели-

кому князю о результатах, но управляющий Морским министерством Краббе запретил ему посещать дворец, пока не закончится шестинедельный карантин, «чтобы оградить высочайших особ от заразы».

Дело в том, что в Европе свирепствовала холера. Николай Карлович предпочёл сам пересказать царю и великому князю доклад Бутакова, естественно, со своими комментариями. Краббе всегда умело просчитывал свои действия на несколько ходов вперёд. Лондонская конференция согласилась с требованиями России об отмене ряда статей Парижского договора. Теперь ничто не мешало возрождать Черноморский флот. Всё было прекрасно, кроме одного — как всегда, отсутствовали деньги.

Самыми уязвимыми местами в обороне черноморского побережья считались Керченский пролив и Днепровско-Бугский лиман. Андрей Александрович Попов предложил строить специально для береговой обороны броненосцы малого размера с крупнокалиберными орудиями, толстой бронёй и с небольшой осадкой. На совещании в Морском министерстве одним из самых яростных противников этого проекта оказался Григорий Иванович Бутаков. Он стоял на позиции, что нужно строить мореходные броненосцы, а не круглые уродцы, которые предложил Попов. Бутаков тоже говорил о скудости бюджета флота, которым Попов оправдывал свой проект, но он призывал не тратить деньги на дорогостоящие эксперименты, а идти проверенным путём, ссылаясь на сведения, привезённые им из зарубежной командировки. Его не послушали, и, как потом выяснилось, напрасно. Возможно, сыграла роль резкость его выступления. Григорий Иванович обвинил министер-

ство, а фактически генерал-адмирала великого князя Константина в покровительстве Попову. Он заявил, что «если подобный порядок вещей продолжится, то у нас останутся только слепые исполнители в вопросе науки кораблестроения, вместо самостоятельных мыслителей науки этой. Блестящие проекты, пропагандируемые безудержно, можно сказать, на всех перекрестках, и боящиеся света свободной технической критики науки, прикрываясь высоким именем августейшего генерал-адмирала, не суть то, что нужно государству, морские силы которого далеко ниже других». Конечно, самолюбие Константина и Попова было уязвлено.

Григорий Иванович стоял за крейсерский флот для действий в открытом море. Изложи он свои взгляды в более корректной форме, возможно, ему удалось бы убедить своих оппонентов. Ведь собрались все те, кому дорога была судьба российского флота. Но, как часто задетые самолюбия мешают находить общий язык! Зато Бутаков, Попов и Пешуров выступили единым фронтом за установление морского ценза выслуги, который должен был привлечь офицеров для службы на кораблях. Они предлагали оставить во флотских списках только тех офицеров, которые могут служить на флоте. Предлагали даже оставить форму и флотские звания только плавсоставу.

В июне 1871 года комиссия, председателем которой назначили адмирала Путятина, высказалась в пользу введения морского ценза выслуги при назначении на судовые должности. Бутаков выдвинул на комиссии предложение, чтобы каждый офицер знал свои права при назначении на различные должности. Это, по его

мнению, должно было побудить молодых офицеров продолжать службу.

Русские моряки плавали мало. За границу ходила на кораблях, по сути, одна и та же группа офицеров. Каждого командира судна, уходящего в заграничное плавание, хорошо знали все, вплоть до генерал-адмирала. Их называли, это пошло от англичан, моряками синих вод (в открытом океане, где меньше примесей, вода имеет синий цвет). Часто при назначении командира в ход шли родственные связи и протекции. Иногда им становился совершенно неопытный человек. Тогда ему давали в подкрепление проверенного старшего офицера, который фактически и командовал кораблём. Бутакова такой порядок возмущал, как и то, что на берегу люди нередко быстрее продвигались по службе, чем на кораблях. Происходила уравниловка между теми, кто никогда не плавал и носил морскую форму, и теми, кто значительную часть своей жизни провёл на палубе корабля и потерял здоровье на корабельной службе. Андрей Александрович Попов и Алексей Алексеевич Пещуров поддерживали Бутакова. Попов сослался на пример английского флота, где лейтенанта, который не плавал в море шесть лет, а капитана, десять лет не командовавшего судном, увольняли со службы. Над предложением заслуженных адмиралов обещали подумать. Морской ценз ввели, это случилось спустя несколько лет, но, как всегда, доброе дело превратили в полную противоположность. Ну, как тут не вспомнить знаменитую фразу ныне покойного косноязычного классика нашего времени.

В 1871 году Григория Ивановича выбрали почётным членом Санкт-Петербургского яхт-клуба и наградили оче-

редным орденом. Это были уже «издержки» его звания и должности. 6 апреля 1872 года в семействе Бутаковых произошло прибавление — родилась дочь, её назвали Елизавета. Что касается служебных дел, то для Григория Ивановича тот год ознаменовался началом работ по введению электрического освещения на судах и маяках. Стремительное развитие промышленной революции в девятнадцатом веке привело к необходимости перемещать по земному шару огромное количество людей и товаров. Основными перевозчиками служили морские суда. Моряков всегда страшит не море, а близость к берегу, когда тёмная ночь, туман, ливень не позволяют увидеть опасность и появляется возможность оказаться на прибрежных камнях и скалах. История мореплавания — это история многочисленных трагедий, в основном разыгравшихся не в открытом море, а у берегов. Спасают моряков маяки, их свет. Чем более сильны лучи маячных ламп, тем раньше их могут увидеть мореплаватели.

В бытность Бутакова морским агентом в Англии и Франции он познакомился с первыми электрическими осветительными приборами для маяков, разработанными выдающимся английским учёным Майклом Фарадеем. Помощники Григория Ивановича собрали самые подробные сведения о маяках и передали их в Россию в морской учёный комитет. Бутакова занимала мысль о применении электричества для освещения судовых помещений и установки электрических фонарей, прообразов прожекторов. Он выяснил, что этими вопросами в Петербурге занимается изобретатель, полковник Александр Ильич Шпаковский, сотрудник кафедры физики в Михайловской артиллерийской академии. Он пригласил

полковника к себе, подробно расспросил о его работах и остался доволен новым знакомством. Благодаря Бутакову Шпаковский получил командировку в Англию и Францию, где собрал сведения об освещении военных судов в этих странах. По возвращении из своей заграничной поездки Шпаковский создал электрический фонарь для использования его на судах. По инициативе Бутакова фонарь в виде опыта установили на пароходе «Ильмень», а Шпаковского отправили вновь за границу, на сей раз в Америку, познакомиться с достижениями в области электрического освещения в Соединённых Штатах. Первые электрические фонари были очень неудобными и несовершенными, но, что делать, так начинались многие великие открытия.

Летом на судах броненосной эскадры тренировались в ночных минных атаках паровых шлюпок и в отражении этих атак. Для обнаружения атакующих шлюпок впервые применили прообраз прожекторов — фонари с электрическим освещением. По предложению Бутакова в 1873 году Шпаковскому дали очень выгодный заказ на изготовление электрических фонарей для судов его эскадры. Жена Шпаковского, Мария, видя, что муж непосредственно общается с высоким начальством, быстро сообразила, что к чему, и тоже обратилась к Григорию Ивановичу. Но не с предложением об устройстве электрического освещения на судах, а с просьбой помочь в назначении от Морского министерства пенсии племяннице. Объяснила ему свою просьбу весьма непосредственно: «Мне сказали, что адмирал Лесовский (тогда управлявший Морским министерством. — *Примеч. авт.*) человек весьма суровый и, как говорится,

кремь, и потому прошу Вас, если можете, склоните его в пользу той племянницы».

Простота, как известно, хуже воровства. Реакция Бутакова на сей неожиданный призыв о помощи какой-то племянницы с непонятными заслугами перед военно-морским флотом России была вполне предсказуемой, охоту обращаться с подобными просьбами Григорий Иванович отбивал сразу же. Ничего не поделаешь: любому начальнику высокого ранга таких нахальных просьб поступает великое множество. Григорий Иванович живо откликался на все технические новшества, была у него инженерная жилка. А вот что касается общественной жизни, то, в отличие от своих братьев, адмирал был консерватором, если не сказать больше. В своё время он с большой неохотой принял участие в освобождении крестьян и провёл работу по освобождению адмиралтейских крестьян только потому, что получил приказание от великого князя Константина. Военную реформу 1874 года, когда резко сократили срок службы и приняли устав о всеобщей воинской повинности, Григорий Иванович принял без восторга. Бутаков считал семилетний срок службы на флоте совершенно недостаточным. Слава богу, что его мнение в этом вопросе было не решающим.

Вообще, он предпочитал не высказываться по вопросам общественной жизни, занимался только своим непосредственным военным делом. Когда общество живо обсуждало суд над Сергеем Нечаевым, «хождение в народ», Григорий Иванович если и высказывался по этому поводу, то, по-видимому, только в разговорах с женой. По переписке чувствуется, что эти вопросы его,

в отличие от остальных братьев, ни в какой степени не интересовали. Он был занят куда более практичным делом — установкой на броненосный фрегат «Петропавловск» противоминной артиллерии. А вот недовольство по поводу всеобщей воинской повинности он высказывал. Впрочем, скоро в новый закон внесли изменения, по которым представители имущих классов получили массу льгот. Как написал когда-то Владимир Ильич Ленин, «у нас не было, и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений». Очень верно сказал Ильич. Классик марксизма-ленинизма, как всегда, смотрел далеко, вплоть до наших дней. В 1875 году в Боснии и Герцеговине началось восстание христиан против мусульманского гнёта. Россия, стремившаяся к усилению своей позиции на Балканах, немедленно поддержала дипломатическим путём восставших. Проявили повышенный интерес к ситуации на Балканах и другие европейские державы.

Заканчивались подобные дипломатические игры, как правило, большой войной. Стали готовиться к ней и в Морском министерстве. Как всегда, потребовалось созвать совещание. Управляющий морским министерством Лесовский дал указание начальнику канцелярии контр-адмиралу Алексею Алексеевичу Пешурову провести совещание раньше намеченного срока. Лесовский письменно пояснил ему причину спешки: «Адмирал Гр.Ив. Бутаков, участие, которого в данном совещании крайне желательно, на днях едет в отпуск в Николаев к матери, которая вся дряхлая, боится умереть, не выдавши его». Степан Степанович очень уважительно

относился к Бутакову. Григорий Иванович успел пови-
даться с матерью. Она прожила восемьдесят три с поло-
виной года. Самые большие приготовления к будущей
войне требовалось проводить на юге. Снова впереди
появилась заветная цель — Черноморские проливы, куда
более важная, чем освобождение на Балканах братьев по
вере. Захватнические цели всегда прикрываются благо-
родными словесами. Только вот беда — на Чёрном море
воевать было нечем. Решили использовать пароходы
Русского общества пароходства и торговли, вооружив
их артиллерией, а паровые катера и шлюпки — шесто-
выми минами.

Пришла пора проверить практикой теорию под-
готовки личного состава на броненосной эскадре Бута-
кова. На Чёрное море перевели многих офицеров с его
эскадры, в том числе и лейтенанта Степана Осиповича
Макарова, на которого Григорий Иванович обратил осо-
бое внимание еще когда тот был мичманом и служил
на броненосной лодке «Русалка». Именно об этой лодке
так бодро рапортовал Бутаков, когда командир посадил
её сначала на камень, а потом на мель. Никому ранее
не известный мичман с «Русалки» предложил схему
снятия лодки с мели с помощью подведения под про-
боину пластыря. «Русалку» успешно сняли с мели, после
чего Макаров написал рапорт Бутакову с предложением
ввести на кораблях парусиновые пластыри для заделки
пробоин и оборудовать суда водоотливной системой.
Бутаков поддержал предложения офицера и приказал
изготовить пластыри для кораблей своей эскадры.

Адмирал поощрял думающих подчинённых, продви-
гал их изобретения и рационализации сквозь бюрократ-

тические заслоны. По его ходатайству Макаров получил досрочно звание лейтенанта и награду в 200 рублей. Разговор о награждении происходил в кабинете главного командира Кронштадтского порта контр-адмирала Степана Степановича Лесовского. Предложил дать денежную награду Макарову Григорий Иванович Бутаков. Макаров отказался от денег, мотивируя это тем, что он был холостяком и мог обходиться без этой награды, получая вознаграждение за свои литературные труды. Ну не надо денег, так не надо. Адмиралы пожали плечами, на том всё и окончилось.

В 1887 году, спустя семнадцать лет, Степану Осиповичу довелось вспоминать давний разговор с Бутаковым и Лесовским и пересказывать его новому начальству. Он уже был женатым, наверно, жена на него так нажала, что Степан Осипович был вынужден писать в рапорте управляющему Морским министерством вице-адмиралу Ивану Алексеевичу Шестакову: «...Теперь не только мои домашние обстоятельства переменялись, но и всякая посторонняя деятельность мне закрыта, почему моё положение очень ухудшилось... не признаете ли возможным возместить хотя бы часть моих расходов, которые повели меня к долгам». Короче говоря, просить денежного вознаграждения за пластырь, который широко применялся на флоте.

На эскадре Бутакова учились не только атакам минными шлюпками, но и отработывалась стрельба по щиту с помощью прибора, разработанного изобретателем Алексеем Павловичем Давыдовым. В январе 1877 года Лесовский сообщил Григорию Ивановичу, что на основании выводов комиссии, которой руководил Бутаков,

по испытаниям аппарата «для автоматической стрельбы отставного поручика Давыдова и журнала артиллерийского отделения Морского технического комитета решено вводить их постепенно на суда». В первую очередь прибор Давыдова решили установить на корабле «Пётр Великий» и на четырёх броненосных башенных фрегатах. Для определения суммы вознаграждения изобретателю и для разработки мер по сохранению в тайне его изобретения создали особую комиссию. Её председателем Лесовский назначил адмирала Ивана Ивановича фон Шанца, а членами — Бутакова, Попова и ряд других представителей морского и военного ведомств. Зимой броненосная эскадра не плавала, и Григорию Ивановичу приходилось участвовать во всевозможных комиссиях и совещаниях. Война была не за горами, и деятельность Морского министерства становилась всё более напряжённой. Предложения изобретателей сыпались, как из рога изобилия. Были среди них полезные, такие как упоминавшийся прибор для автоматической стрельбы, но встречались и довольно необычные. Например, «усовершенствованная судовая машина для подводно-надводного плавания инженер-механика Тверского». Однако жизнь этим не ограничивалась.

В архивных делах того периода сохранилась записка Лесовского о том, что у него в субботу будут танцы. Степан Степанович приглашал Бутаковых, не забыв предупредить, что дамы могут быть в вольных платьях, а вот кавалеры — только в форме с чёрными ботинками и в погонах, а не эполетах. 22 февраля 1877 года великий князь Константин собрал весь цвет российского флота на заседание морского технического комитета в своей резиденции в Мраморном

дворце. Перед собравшимися адмиралами он поставил задачу решить, наконец, какие корабли и с какими техническими характеристиками строить на Балтике и Чёрном море в условиях ограниченности бюджетных средств, выделяемых для флота. Совещание продолжилось 24-го в помещении морского музея.

В то время весь российский броненосный флот состоял из броненосца «Пётр Великий», броненосных крейсеров «Генерал-Адмирал» и «Герцог Эдинбургский», а также круглых броненосцев береговой обороны «Новгород» и «Вице-адмирал Попов». Андрей Александрович Попов предложил построить ещё один круглый броненосец для Черноморского флота. Его поддержал генерал-адмирал. Когда дошла очередь до Бутакова высказать своё мнение, тот заявил, что если круглое судно будет иметь ход 11 узлов и сможет ходить до Константинополя, тогда у него нет возражений против его строительства. Великий князь заметил, что и 6 узлов удовлетворят требуемой цели, а всё, что будет выше, — прямой выигрыш. Бутаков возразил: нужно не круглый броненосец строить, а создавать мощный крейсерский флот, для чего построить на Балтике 16 быстроходных броненосных крейсеров типа английского «Нельсона», а на Чёрном море — два броненосных крейсера типа английского «Агамемнона». Мысль дельная, кто бы возражал, но совершенно невыполнимая в тех обстоятельствах, далёкая от тогдашних реалий российской жизни, от состояния судостроительной промышленности и выделяемых для флота бюджетных средств.

Но Бутакова понесло ещё дальше: в резкой форме он обвинил своего старого севастопольского товарища,

Андрея Александровича Попова, в том, что тот при всех своих выдающихся заслугах кораблестроителя тормозит прогресс в кораблестроении. Более того, он подал в морской технический комитет записку с изложением своих взглядов на строительство броненосного флота. В ней Бутаков выдвинул серьёзные обвинения Попову: «Все корабельные инженеры отодвинуты в своей специальности на далёкий задний план, и только юноши, которые слепо подчинялись его требовательности, выдвинуты на первый план. Так что, если подобный порядок вещей продолжится, то у нас останутся только слепые исполнители в вопросе науки кораблестроения, вместо самостоятельных мыслителей науки этой. Блестящие проекты, пропагандируемые безуданно, можно сказать, на всех перекрёстках, и боящиеся света свободной технической критики науки, прикрываясь высоким именем августейшего генерал-адмирала, не суть то, что нужно государству, морские силы которого далеко ниже других».

Это была уже беспрецедентная критика не только Попова, но и генерал-адмирала. Резкостью своего выступления Григорий Иванович не приобрёл сторонников, зато нажил влиятельных врагов. Какая муха его укусила, непонятно. Общее состояние броненосного флота России, обрисованное им в своём выступлении, было незавидным, это все и без него знали, начиная с генерал-адмирала. Ничего нового он не открыл. Вопрос стоял о том, как выкрутиться из создавшегося положения при ничтожных средствах. Бутаков говорил всё правильно, но он ломился в открытые ворота, от него ждали совсем другого. С этого драматического выступления карьера

Григория Ивановича бесповоротно покати́лась вниз. Грешным делом, я думаю, что его хорошо «подогрела» Амалия Арсеньевна, люто ненавидевшая Попова, — за что, так и осталось неизвестным.

Видимо решив, что терять больше нечего, в марте Бутаков на очередном совещании в Морском министерстве вновь выступил с резким заявлением, которое вызвало бурю возражений. На этот раз он подверг жёсткой критике состояние обороны северных заграждений Кронштадта, утверждая, что противник может направить в Финский залив до 200 паровых баркасов и катеров, которые прорвут оборону Кронштадта. Никого адмирал особенно не убедил в этих страстях-мордастях, но на всякий случай решили оборону усилить. Когда начались боевые действия на Чёрном море, Константин объявил, что принимает на себя командование Балтийским флотом. Это был удобный вариант смещения Бутакова с должности. Его назначили начальником отряда броненосной эскадры, состоявшего из двух броненосных батарей, шести мониторов и трёх винтовых деревянных канонерских лодок. Начальником штаба ему прислали старого коллегу по службе морским агентом Александра Егоровича Кроуна.

Отряд базировался в Свеаборге. Что означало такое перемещение по службе, Григорий Иванович и Амалия Арсеньевна уяснили очень быстро — семейный бюджет сократился на десять тысяч рублей. Старый друг Лесовский, как мог, старался смягчить удар, по крайней мере, с моральной стороны. Он просил Константина поручить Бутакову стать помощником управляющего Морским министерством «для разработки коренных

вопросов техники», возложить на него оборону портов. Всё бесполезно. Великий князь ничего даже слушать не хотел. В мае Константин вызвал Григория Ивановича только лишь для того, чтобы обсудить с ним вопросы «сочетания плавания наших эскадр с делом минного заграждения наших портов». Генерал-адмирал поручил Бутакову разработать план обороны Кронштадта минными заграждениями, прикрываемыми артиллерией мониторов. Григорию Ивановичу ясно дали понять, что отныне он будет выполнять только отдельные поручения и больше не будет иметь той самостоятельности, какую ощущал в должности начальника броненосной эскадры.

Оскорблённый Бутаков написал рапорт на имя Лесовского с просьбой передать командование мониторами младшему флагману, указав в качестве причины: «здоровьё моё было значительно потрясено в текущую зиму». Позже, трезво поразмыслив, он забрал назад этот рапорт. Отныне он получал все указания не лично от генерал-адмирала или управляющего Морским министерством Лесовского, а из инспекторского департамента. В июне Григорию Ивановичу предписали создать команды для минирования балтийских портов. Уже не с вице-адмиралом согласовывали вопросы, а его обязывали действовать «по соглашению с заведующим минной частью флота контр-адмиралом Пилкиным», который был к тому же младше его по званию.

Под руководством генерала Эдуарда Ивановича Тотлебена Бутаков участвовал в разработке плана по усилению обороны Финляндии в случае войны с Англией. На Чёрное море Григория Ивановича не пустили, туда

поехали воевать его ученики. Он внимательно следил за всеми перипетиями военных действий на море, подавая время от времени рапорты управляющему Морским министерством Лесовскому со своими замечаниями и предложениями.

В декабре 1877 года Бутаков написал ему: «...Наши ночные и дневные атаки были беззаветная удаля, хотя потопили только одно судно на якоре в реке. Нет опыта атаки на Чёрном море больших судов со скоростью 12—13 узлов миноносками. Для этой цели одной удали недостаточно, надо искусство, навыки практические. Шанс на успех 2,5 процента. Нужно строить несколько десятков минных шлюпок. Хорошо, чтобы с минами Вайтгеда, т.к. неприятельское судно на ходу окружает длинными рейками с леерами из проволочного троса».

На Балтике Бутаков предложил базировать минные катера в Аспенских шхерах, Биоркзунде, Сескаре, Лавенсаари, а для связи с ними установить электрические телеграфы вдоль берега. Но его предложения оказались под сукном, несмотря на попытки Лесовского их реализовать. Великий князь генерал-адмирал Константин Николаевич в советах Бутакова не нуждался. Это ужасно, когда вдруг осознаёшь, что ты не нужен на службе, которой отдал всю жизнь. Хорошо хоть вспомнили в яхт-клубе и пригласили на чествование Михаила Константиновича Сидорова, организовавшего экспедицию парусной шхуны «Утренняя заря». Под командой шкипера Дмитрия Шваненберга шхуна с образцами сибирских товаров совершила переход из Енисейска в Санкт-Петербург. Сидоров был богатейшим человеком, верой и правдой служил отечеству, растратив на это служение весь свой капитал. «Благо-

дарные» потомки даже не сохранили его могилы. В наше время патриотическая деятельность тогдашнего олигарха Сидорова вызывает изумление: неужели такое возможно? Нам проще представить себе богача, отгрохавшего себе дворец где-нибудь в Австрии, или содержащего чужую футбольную команду. А может, так и надо? Всё равно спасибо никто не скажет.

Мне не удалось найти подтверждения тому, что будущий командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой Зиновий Петрович Рождественский был родственником Амалии Арсеньевны. Возможно, и был. Во всяком случае, именно к Бутакову пришёл посоветоваться Рождественский, как ему поступить в связи с получением Георгиевского креста за «победу» парохода «Веста» над турецким броненосцем. Зиновий Петрович находился на «Весте» во время боя дооборудованного гражданского парохода и броненосца «Фетхи-Буленд». Бегство русского парохода от турецкого броненосца величайший проходимец, командир «Весты» капитан-лейтенант Николай Михайлович Баранов, преподнёс в рапорте начальству как великий подвиг и победу над турками.

Стране требовались герои, и хотя адмиралы в Морском министерстве прекрасно всё понимали, но для поддержания боевого духа личного состава и патриотических настроений среди населения сделали вид, что так и было, как расписывал новоявленный военно-морской мюнхгаузен.

Рождественский стыдился носить незаслуженную награду, однако демонстративный отказ от неё мог повлечь не только увольнение со службы, но и более серьёзные последствия. Бутаков его успокоил в части

ношения ордена, сказав (со слов одного из сослуживцев Григория Ивановича), что и сам он Георгия за памятный бой «Владимира» с турецким пароходом не заслужил, но зато потом участвовал в трёх таких боях, за которые следовало давать Георгиевский крест, но он его не получил. А по сему адмирал посоветовал офицеру служить так, чтобы оправдать эту награду.

В 1878 году угроза вступления в войну Англии стала возрастать. Лесовский ещё раз доложил великому князю предложения Бутакова по обороне побережья Финского залива, и тот на сей раз согласился с их разумностью. Вдоль побережья установили оптические телеграфы и связали их электрическим телеграфом с Петербургом. Распределили минные катера по различным портам и выставили дополнительные минные заграждения.

Неугомонный изобретатель Давыдов обратился в Морское министерство с предложением купить в Англии (?) или Америке мореходные суда и вооружить их мортирами с приводами Давыдова для «парализования английского броненосного флота». Григорий Иванович участвовал в совещании у Лесовского, где по указанию великого князя рассматривался этот вопрос. Поскольку Бутаков ранее состоял членом комиссии по определению вознаграждения Давыдову за его изобретение в зависимости от числа установленных приводов, то истинная причина рвения изобретателя была ему понятна. Сама идея использования обычных пароходов с установленными мортирами против броненосных судов была, конечно, полным бредом. Но после истории с «Вестой» это дело было политическим, поэтому пришлось рассматривать всё на полном серьёзе. Бута-

ков выступил против покупки пароходов, все охотно с ним согласились, и на этом поставили точку. Старый друг Степан Степанович добился назначения Бутакова начальником береговой и морской обороны крепости Свеаборг. Не бог весть что для человека с таким опытом и в таком звании, но всё-таки какая-то деятельность.

16 апреля, опять-таки по ходатайству Лесовского, Григорию Ивановичу присвоили звание адмирала. Константин на это согласился, продемонстрировал своё «великодушие». Конечно, почётно носить три орла на погоне, но денег от этого не прибавилось ни копейки. Плохо иметь могущественных врагов из царского семейства. Сохранились записки полковника Александра Николаевича Витмера, который в ту пору служил вместе с Бутаковым в качестве его начальника штаба.

Если верить «скромному» Витмеру, то Бутаков относился к полковнику как ученик к учителю. Но этот недостаток присущ многим мемуаристам, почитав творения которых, начинаешь понимать, что без автора мемуаров и земля перестала бы вращаться. Но если процедить написанное Витмером, то в сухом остатке будет видно, что Григорий Иванович не зря потратил время своего начальствования Свеаборгом и неплохо укрепил оборону крепости. Не упустил он из виду и свою небольшую эскадру, базировавшуюся там же: два броненосных фрегата, три парохода и мелкие суда. Их команды по утверждённым Бутаковым планам тренировались в артиллерийской стрельбе и в минном деле, в том числе и в тралении мин.

Война окончилась, и вновь Григорий Иванович оказался не у дел. Конечно, очень многих моряков

поразило отстранение от командования судами ещё работоспособного адмирала. Ему было тогда пятьдесят восемь лет. Вот что писал о своей жизни Бутаков давнему сослуживцу Лутковскому: «Я Вам обещал, дорогой Пётр Степанович, мой адрес. Вот он: через Выборг, в Транзунд, в лавку Пикова, для отсылки в Ноко. Воздух у нас отличный, не то, что в Вашем душном Петербурге; гулянье превосходное, и в лесу, и по воде. Вместо эскадры у меня монитор. До сих пор здесь, т.е. на большом Транзундском рейде, был второй отряд мониторский, и нам была слышна их пальба. Теперь пришёл первый отряд, и стреляет в цель. Жаль, что погоды всё ещё не установились, и по большей части, дождливые, но теперь барометр пошёл кверху, и проясняется». Далее он пишет, что в его распоряжении имеется небольшая «эскадра»: «...шестёрка, старая двойка и финка, а команда состоит из меня и двух сыновей. На каждой из этих трёх шлюпок может под парусами плавать один человек, во всякую погоду. Снасти все проведены в корму, и на более тяжёлых сделаны тали. Сыновья мои отлично управляют на этих шлюпках, и мы возим семью, пить чай, то на один, то на другой остров».

Большим достоинством Григория Ивановича как начальника, и просто, как порядочного человека, было то, о чём в один голос упоминают все, кому довелось с ним служить: Бутаков, командуя эскадрой, никогда не приписывал себе чужих заслуг. Это, конечно, редчайшее качество для руководителя. Такие командиры мне за время службы не встречались. Медали Ленинских и Государственных премий на тужурках флотских начальников, которые занимались в Москве чисто бюрократической

бумажной работой, совершенно не убеждают меня в том, что эти люди и в самом деле внесли соответствующий интеллектуальный и технический вклад в создание комплексов вооружений. Московские начальники рангом ниже и поменьше звёздами на погонах очень часто становились участниками коллективных изобретений. Их включали в авторский коллектив конструкторских бюро, чтобы они не совали палок в колёса, или, наоборот, помогали «протолкнуть» изобретение. По моему личному опыту и глубокому убеждению, в Москве на больших военных должностях сидели соглашатели, которые смотрели в рот своим коллегам из министерств — поставщиков военной техники. Именно они подписывали всё, на что не соглашались военпреды.

Эти офицеры и адмиралы чётко понимали, из чьих рук они получают ордена и премии. Если какой-нибудь военпред отказывался допустить технику с отступлением, и, как говорится, «втыкал рога в землю», можно было не сомневаться, что первыми примутся обламывать эти рога его непосредственные начальники в Москве. Вообще, тема обширная, и я упомянул о ней просто к слову. Бутаков всегда указывал того, кто был настоящим автором изобретения или технического предложения, и оказывал ему всяческое содействие, не пытаясь рядом поставить свою фамилию. И ещё было у Григория Ивановича Бутакова одно качество, о котором следует упомянуть. Придётся в данном случае процитировать Витмера: «...Надо обладать необычайной честностью, благородством и силой духа, чтобы, особенно при наших порядках, вслед за руганью сильного человека, своего непосредственного начальника, от каприза которого зависела вся его дальнейшая карьера,

отозваться о... человеке так, как это сделал Григорий Иванович». Наверно, полковнику тоже не часто приходилось встречать таких начальников на службе. После заключения Берлинского трактата штабы обороны крепостей ликвидировали. Бутаков со своими судами по приказанию Лесовского перешёл в Кронштадт. После чего он оказался не у дел. Всегда деятельный, ищущий новое, пусть даже порой заблуждаясь, преданный флоту, адмирал теперь мог наблюдать за происходящим только со стороны. Лесовский оказался бессилён помочь другу — великий князь Константин оказался злопамятным. Григорий Иванович очень переживал. Ему оставалось только вести переписку с друзьями и посещать библиотеку Русского технического общества. Большую часть времени он проводил на даче, которую сняла в Финляндии Амалия Арсеньевна. На многих людей открылись глаза у супругов Бутаковых в то трудное время. Одни отшатнулись, другие, таких оказалось немного, напротив, протянули руку дружбы. Среди тех, кто постарался поддержать адмирала в трудную минуту, оказался и столь ненавидимый Амалией Арсеньевной Николай Дмитриевич Скарятин. Что ж, вздохнём и ещё раз вспомним старую истину, что друг познаётся в беде.

Академик Алексей Николаевич Крылов вспоминал, как он, будучи кадетом, увидел Бутакова в Русском техническом обществе осенью 1878 года: «Вошел в зал библиотеки, вижу сидит знаменитый полный адмирал, генерал-адъютант, георгиевский кавалер Григорий Иванович Бутаков.

— Ваше высокопревосходительство, разрешите остаться.

— Конечно, оставайтесь. Английский язык знаете?

— Так точно, ваше высокопревосходительство, знаю, учился ему еще до поступления в Морское училище.

— Вон, видите, лежит в зеленой обложке журнал “Engineering”, садитесь и прочтите в нем статью о строящейся в Англии императорской яхте “Ливадия”.

Я сел и последовал совету адмирала, а так как заседание началось минут через сорок, то я успел прочесть указанную статью целиком раньше начала заседания. Адмирал, заметив, что я статью прочел, подзывает меня и спрашивает: “Что вы об этом думаете?”

Я жил одно время в Севастополе, мои родители были знакомы с лейтенантом Кузиным, который плавал на поповке (поповка — круглое судно, созданное Андреем Александровичем Поповым. — *Примеч. авт.*) “Новгород”. Он при мне рассказывал моему отцу, что даже при сильной волне поповку не качает, а волна перекачивается по палубе. Думаю, что и яхту “Ливадия” качать не будет, что и требуется.

— Ваша фамилия?

— Крылов, ваше высокопревосходительство.

— Вишь, какой молодец.

— Рад стараться, ваше высокопревосходительство.

Это ласковое обращение знаменитого адмирала мне целиком врезалось в память. ... Я иногда заходил на интересные доклады в Техническое общество и всякий раз заставал адмирала в библиотеке; он запомнил мою фамилию, здоровался: “Здравствуйте, Крылов, прочтите в таком-то журнале такую-то статью, очень интересная”».

В том году братья Григорий и Иван решили, что называется, податься в столбовые дворяне. Непонятно

почему они обошлись без третьего брата, Владимира, — то ли они этого не захотели, то ли он не захотел, так и осталось тайной. Костромское дворянское собрание 11 марта 1879 года получило прошение генерал-адъютанта адмирала Григория Ивановича и свиты его величества контр-адмирала Ивана Ивановича Бутаковых с просьбой внести их с детьми в шестую часть дворянской родословной книги. Запись в дворянские родословные книги производилась лишь по ходатайствам самих дворян. Шестая часть называлась «Древние благородные дворянские роды». К слову сказать, сейчас вдруг из небытия возникло множество дворян, кто-то даже кормится написанием их родословных, что напоминает мне рассказ одного бывшего военного хирурга, с которым мне довелось вместе работать какое-то время после выхода в запас. Этот «Пирогов» в смутные девяностые годы подрабатывал на Калининском «птичьем» рынке в Петербурге, где продаются всевозможные животные и птицы, сочинением родословных для питомцев продавцов собак. Он рисовал с помощью компьютера красивые грамоты, удостоверявшие «дворянское» происхождение заурядных дворняг, якобы происходивших из псарни ещё Ивана Грозного. И очень неплохо на том зарабатывал, пока не нарвался на одного верзилу, которому с его помощью продали дворняжку под видом породистого пса. Хирург едва не лишился всех передних зубов, после чего оставил прибыльное, но, как оказалось, опасное занятие.

Зачем братьям-адмиралам понадобилась «шестая часть», сказать трудно. Скорее всего, «двигателями» в этом вопросе выступали жёны. Сразу вспоминаешь

«Сказку о рыбаке и рыбке», о желании старушки стать столбовой дворянкой, видимо, быть просто адмиральшами им показалось недостаточно. Нашёл себе занятие Григорий Иванович и в военно-морской игре, о которой уже упоминалось. Он руководил ею в собрании Русского технического общества. Занятия проходили интересно, потому что он, как всегда, занялся рационализацией, позволившей ускорить проведение расчётов и повысить темп игры. В конце 1880 года тяжело заболел и вскоре умер главный командир Петербургского порта вице-адмирал Александр Николаевич Андреев. По ходатайству Лесовского Константин скрепя сердце согласился назначить Бутакова на его место. 1 января 1881 года появился за его подписью соответствующий приказ.

Но как можно было служить, если оба, Константин и Бутаков, не могли простить друг другу, один — критику, высказанную в оскорбительной для брата царя форме, второй — жестокое наказание за неё. В феврале Бутаков написал свои замечания на записку о программе кораблестроения на 20 лет, которые вновь вызвали раздражение великого князя. Григорий Иванович писал, что Россия — государство бедное, не может себе позволить иметь сильный флот на Чёрном море и на Балтике. Он высказывал опасение, что усиление Черноморского флота вызовет ввод английского флота в Чёрное море. Бутаков предлагал создать сильный флот на Балтике, на Чёрном море держать учебный флот, а на Дальнем Востоке — только канонерские лодки. Жизнь показала, что адмирал был неправ: следующая война началась как раз на Дальнем Востоке, куда пришлось направить большие корабли с Балтики. И закончилось всё Цусимской тра-

гедией, оставившей глубокий рубец в истории России. Через два месяца после назначения Бутакова произошло событие, которое оказало огромное влияние на судьбы многих людей — народовольцы убили императора Александра II. Григорий Иванович дал телеграмму брату, находившемуся в Москве: «Поспеси приездом по случаю восшествия на престол государя императора Александра Александровича». Все понимали, что последуют перемены. Вместо Лесовского временно исполняющим обязанности морского министра назначили Пещурова. Он потребовал от Бутакова скорейшего заключения контрактов с Балтийским заводом на строительство броненосного фрегата «Владимир Мономах». Григорий Иванович отказывался это сделать, доказывая, что цены на выполнение заказов завышены.

Председателем кораблестроительного отделения морского технического комитета был Андрей Александрович Попов, который не скрывал своего возмущения действиями, а точнее бездействием, Бутакова. Руководство Балтийского завода, чтобы не срывать сроков изготовления фрегата и механизмов, распорядилось приступить к постройке. При этом строители не имели от морского министерства ни наряда, ни полномочий для ведения работ. Строительство началось без контроля со стороны военных, из материалов, привезенных из-за границы без письменного согласия Морского министерства. 12 мая Бутаков получил строгое замечание от генерал-адмирала за то, что контракты с Балтийским заводом не заключены. После чего Григорий Иванович написал очередной рапорт управляющему Морским министерством. Содержание рапорта вызывает

недоумение. Видимо, Бутаков всё не мог забыть, что управляющий Морским министерством контр-адмирал Пещуров был когда-то его подчинённым в Англии во время службы военно-морским агентом. На основании материалов, собранных капитаном над портом Николаем Васильевичем Копытовым, Бутаков до этого уже четыре раза писал Пещурову, сообщая ему о своём требовании правлению Балтийского завода снизить стоимость заказов на 1 086 740 рублей. И каждый раз Пещуров отвечал, что стоимость заказа необходимо оставить в том виде, как её представляет завод. Управляющего Морским министерством можно было понять: вопрос стоимости постройки фрегата согласовали давно, ещё до назначения Бутакова, который занялся ревизией ранее принятого решения.

В своём последнем рапорте Григорий Иванович обвинил Пещурова в том, что тот дал устное согласие на использование металла, купленного за рубежом. Тогда устное распоряжение Пещурова оформили соответствующим распоряжением канцелярии министерства. Вместо того чтобы принять к исполнению решение, Бутаков написал, что просит возложить на канцелярию, «как ведающую под непосредственным Вашим руководством всеми расчётами с этим заводом, или на другое учреждение министерства, и заключение самого контракта с Балтийским заводом». Это был откровенный вызов.

В общем, Григорий Иванович не только вдрызг разругался с правлением Балтийского завода, но и пошёл на открытый конфликт с управляющим Морским министерством. Стоит ли удивляться тому, что адмирал

получил соответствующую отповедь. Но Григорий Иванович продолжал упорствовать. А дальше происходит вообще невероятное! В газету «Голос» неведомым путём попали выписки из секретных рапортов Бутакова управляющему Морским министерством. Корреспондент газеты, основываясь на утверждениях адмирала, написал большую статью, в которой разоблачал правление Балтийского завода, которое якобы наживается на военных заказах, невероятно завышая их стоимость. Нетрудно себе представить реакцию в Морском министерстве и на Балтийском заводе. Началась полемика в печати. Великий князь через управляющего Морским министерством потребовал от Григория Ивановича объяснений. Теперь Бутакову пришлось оправдываться, каким образом секретные сведения попали в открытую печать. Григорий Иванович выражал недоумение, откуда шла утечка информации, утверждал, что копии его рапортов лежали в бюро вместе с деньгами, и ничего у него не тронуту. Его объяснения министру читались как: ищите утечку у себя в канцелярии.

Скандал вышел грандиозный, и многие расценили его так, что Бутаков «копает» под великого князя, зная о неприязненных отношениях между племянником-царём, и дядей — генерал-адмиралом, потому и выдал переписку газетчику. Изучив по документам весь жизненный путь адмирала, я глубоко убеждён, что Григорий Иванович был неспособен на такой поступок. Скорее всего, это сделал какой-то «доброхот» из его окружения или в министерстве.

Вскоре Попова в кораблестроительном отделении сменил вице-адмирал Иван Алексеевич Шестаков.

Андрей Александрович Попов, незадолго до ухода с должности, излил душу Константину: «...Бутаков и Копытов выступают против контракта на строительство “Владимира Мономаха” и двух машин с Балтийским заводом... Честный Лесовский понимал Вас и энергическим пособием Вам отстоял завод. Думаю, что и Пещуров, так же как Лесовский, смотрит на это дело. Я должен сказать, что прежде я считал Бутакова и Копытова только ничтожными людьми, но теперь я не могу допустить, что они были так глупы, чтоб не могли понимать того, что сделали... при всём желании оправдать их поступки, я не могу отыскать в них честного побуждения». Дружили когда-то в севастопольской юности четыре мушкетёра: Бутаков, Шестаков, Попов и Лесовский. Сначала рассорились Попов и Бутаков.

С Шестаковым Григорий Иванович вместе проводил гидрографические исследования на Чёрном море, оба тогда получили одинаковые награды. Услышав о назначении Шестакова на должность Попова, Григорий Иванович приободрился, решил, что пришёл не только старинный друг, но и единомышленник. Поэтому он не только вёл с Шестаковым откровенные разговоры, но и передал ему всю свою переписку по Балтийскому заводу. В том числе и заготовленный рапорт на имя генерал-адмирала: «В 1877 году мне удалось помочь отстоять от постройки броненосной “Ливадии” (или “Екатерины II”), и затем я был отстранён от должности и потерял в бюджете своём до настоящего года около 10 тысяч рублей. Не знаю, дорого ли мне обойдётся борьба с Балтийской компанией? Сознаю слабость своих сил — я вооружён только средствами конторы

над портом, которая не имеет весьма многих данных, имеющихся в канцелярии министерства, против себя же я, как нарушитель спокойного течения дел, имею целое солидарное министерство и силы Балтийского завода. Нельзя не прибавить, что, возбуждая вопрос о высоких ценах, я был в праве ожидать сочувственной готовности вникнуть в такой важный вопрос и всевозможных облегчений по дальнейшему разъяснению его, конечно, не со стороны Балтийского завода. Ожидал даже поощрения моему главному помощнику по кораблестроительной части, т.к. его бескорыстная деятельность в этом вопросе заслуживает только признательности начальства. Исход дела покажет, неизвестный ли благоприятель, или тайный недруг постарался огласить в печати поднятые вопросы. Но, во всяком случае, он оказал делу медвежью услугу, обострив домашний вопрос и доставив прекрасный случай управляющему Балтийским заводом с полной свободой пускаться в печать со своими разглагольствованиями о бескорыстии завода и греховности автора статьи "Голоса". Тогда как подобной свободы не имеют и не ищут те, кто находит цены завода непомерными. Лучшим судьёй в этом деле, конечно, не газетные статьи, а беспристрастный трибунал Адмиралтейств-Совета», — писал Григорий Иванович.

Напрасно Бутаков так безгранично доверял Шестакову, считая его по-прежнему своим союзником и другом. 8 января 1882 года брат Иван, находившийся в непосредственном подчинении у царя, прислал записку Григорию Ивановичу: «Был я сегодня в Департаменте, там уже все знают о переменах и говорят, что Пещуров начал укладываться для переселения. Осторожность

необходима, тем паче мне, ездящему в Гатчино». Видимо, Григорий Иванович питал какие-то иллюзии, что его могут назначить вместо Пещурова управляющим морским министерством. В архиве сохранилась записка Шестакова, датированная тем же днём: «Возвращая тебе все бумаги, которые прочёл внимательно, несмотря на то, что все эти дни завален делами. Терпение и терпение — вот мой искренно дружеский совет. Тебе говорили, что перемены будут; подожди же немного. Весь твой И. Шестаков». Григорий Иванович потом с горечью допишет на записке Шестакова: «Ещё 7 января, а может быть и раньше, он знал, что назначается управляющим Морским министерством».

Правильно говорят, что умные люди ещё не самые лучшие. Иван Алексеевич был не только умным, но и коварным человеком. Он не собирался начинать свою деятельность на посту управляющего Морским министерством с продолжения войны с Бутаковым, которую вёл его предшественник, и водил Григория Ивановича за нос, изображая интерес к его предложениям. Вот записка Шестакова от 13 января, которую он послал Бутакову: «Прикажи Кутейникову (Николай Евлампиевич Кутейников в ту пору был старшим кораблестроителем. — *Примеч. авт.*) представить чертежи в отделение, где проверят вычисления и тотчас же мне доложат. Хотел бы видеть их в пятницу утром в Адмиралтействе. Преданный И. Шестаков». «Преданный» Иван Алексеевич поступил с Бутаковым довольно подло. Он сочувственно его выслушивал, давал понять, что они заодно, всячески и вполне искренно ругал великого князя Константина, который уже был отстранён от руководства флотом.

Но Григорию Ивановичу, приободрившемуся после увольнения генерал-адмирала, не могло и в голову прийти, что Шестаков за его спиной проделал огромную работу, чтобы обойти всех конкурентов и добиться должности управляющего Морским министерством. Когда же вопрос о его назначении был кулуарно решён, то первое, что сделал «преданный друг», — попросил великого князя Алексея, сменившего Константина, «развести» его с Бутаковым. Тот охотно согласился, поскольку недолюбливал Григория Ивановича, и пообещал поговорить об этом с царём. В сентябре состоялось заседание адмиралтейств-совета, под председательством управляющего Морским министерством для разрешения конфликтной ситуации, о чём так ратовал Бутаков. Григорий Иванович собирался выступить на нём с докладом, но ему дали время только для выступления, как и всем остальным. Он рассчитывал на поддержку Шестакова во время разбора дела на адмиралтейств-совете, но жестоко просчитался: тот поддержал его противников. Бутаков остался в одиночестве. Он всё ещё продолжал считать случившееся на совете недоразумением, не хотел замечать предательства Шестакова, продолжал на что-то надеяться. Через три дня после заседания адмиралтейств-совета Ивана Алексеевича Шестакова назначили управляющим Морским министерством. Это оказалось полной неожиданностью для Бутакова.

Когда Константина сменил великий князь Алексей, Григорий Иванович настроился на длительную работу. Он даже дал объявление в газетах о том, что «всем служащим, имеющим сообщить о каких-либо технических приспособлениях в судостроении, представляется сво-

бодный доступ к нему». Но теперь ему всё стало ясно. С Андреем Александровичем Поповым они воевали с поднятыми забралами, по принципиальным вопросам. А Иван Алексеевич Шестаков, продолжая выдавать себя за друга, нанёс ему удар в спину. А тем временем Шестаков, Алексей и царь решали его судьбу. Александр III согласился с предложением хитроумного Шестакова назначить Григория Ивановича в Государственный совет. Решили до времени об этом не объявлять. Уволили Григория Ивановича Бутакова из Морского министерства тихо, без скандала, можно даже сказать, изящно. Сначала Санкт-Петербургский порт перевели во 2-й разряд, и Бутаков снова потерял в окладе, а потом должность главного командира порта вообще упразднили. Григорий Иванович оказался за штатом. Вот тогда-то Бутакову и предложили место в Государственном совете. Как отметил в своих дневниковых записках Шестаков, Григорий Иванович понял, что потерпел окончательное поражение. Он был полностью сломлен. Человек, которого он считал другом, оказался врагом.

Его навсегда отлучили от морской службы. Тогда, как удовлетворённо отметил Шестаков, Григорий Иванович попросил лишь сохранить ему прежнее жалованье, и «совсем успокоился». Умело избежал Иван Алексеевич и от капитана 1-го ранга Николая Васильевича Копытова, ближайшего соратника Бутакова в борьбе с Балтийским заводом. Ему присвоили звание контр-адмирала и отправили из Петербурга командовать отрядом судов в Тихом океане вместо контр-адмирала Асланбегова. Бутаков тяжело переживал случившееся, даже слёг. Но это был не последний удар судьбы. 18 апреля ему

сообщили о скоропостижной кончине его брата Ивана, генерал-адъютанта, вице-адмирала, эскадр-майора царя (эскадр-майор заведовал царскими судами. — *Примеч. авт.*). Обрушившееся на него несчастье окончательно подавило адмирала. У него остались только два близких друга — Александр Павлович Жандр и тяжело больной Степан Степанович Лесовский. В последний день мая 1882 года состоялось заседание Государственного совета. Бутаков чувствовал себя неважно. Можно было бы и пропустить заседание, сославшись на недомогание, но адмирал, у которого дисциплина была в крови, пошёл. С трудом досидев до его окончания, он заторопился на пристань, откуда отправлялся небольшой парходик в Выборг, куда уже выехала на дачу его семья. По пути он зашёл попрощаться с вдовой брата, которая жила на Сергиевской улице. Коротко переговорив с ней, Бутаков дошёл до Фонтанки и там нанял ялик, чтобы доехать до пристани. Примерно на полпути ему стало плохо. Он попытался встать и тут же мёртвый рухнул на дно лодки. Перепуганный до полусмерти яличник довёз тело до Выборгской стороны, где вызвал полицейских. Тело Бутакова привезли в полицейский участок, а на следующий день сообщили в Морское министерство.

По приказу Шестакова покойного доставили в бывшую квартиру Бутакова в Адмиралтействе, сообщили семье и организовали похороны. Григория Ивановича похоронили со всеми подобающими полному адмиралу и члену Государственного совета почестями на кладбище Александро-Невской лавры. Памятник на его могиле соорудили на средства, собранные по подписке среди моряков. Амалии Арсеньевне назначили пенсию

877 рублей 98 копеек. По традиции того времени вдова пожертвовала тысячу рублей, чтобы процент с этой суммы выдавался ежегодно в виде приза имени покойного адмирала победителю гонок катеров без рулей, под парусами.

Сыновья Григория Ивановича пошли по его стопам, оба стали адмиралами. Амалия Арсеньевна долгие годы была членом Морского благотворительного общества. Она сделала всё от неё зависящее, чтобы сохранить память о муже. Помимо упоминавшейся премии, вдова попросила морского офицера Андрея Карловича Деливрона, которого знала два десятка лет, написать биографический очерк о муже. Тот выполнил эту просьбу в соавторстве с другим офицером, хорошо знавшим Бутакова, Е.В. Березиным. В 1883 году брошюра была издана в типографии Морского министерства. В 1911 году Амалия Арсеньевна добилась переиздания очерка о муже в Военно-походной канцелярии царя. Революция 1917 года сломала все их судьбы. Могила адмирала сохранилась, хотя, когда я видел её в последний раз, она находилась в запущенном состоянии. Когда-то, в годы моей курсантской юности, за военно-морскими училищами закрепили воинские захоронения, чтобы курсанты за ними ухаживали и не забывали о своих достойных предках. Да только мало ли хороших постановлений и обещаний слышали мы за свою жизнь? Григорий Иванович Бутаков при всех своих ошибках и заблуждениях останется в истории отечественного флота как мужественный защитник Севастополя и воспитатель многих замечательных русских моряков. Я уже заканчивал этот очерк, когда в книге одного американского военно-

морского историка обнаружил упоминание маневра, описанного Бутаковым в своём труде о маневрировании пароходов. Оказалось, что этот маневр, известный под названием «трубка Бутакова», использовался во время Русско-японской войны для сохранения постоянной дистанции артиллерийского огня.

В наше время он более известен как «поворот Уильямсона» и применяется для спасения человека, упавшего за борт, но приоритет остаётся всё-таки за нашим адмиралом. Не зря вырисовывал Григорий Иванович свои схемы! О судьбе его жены и детей мне кое-что известно. Она печальна. Но верный привычке полагаться только на документы, ничего утверждать не могу. Мне довелось видеть внука Григория Ивановича, капитана 1-го ранга Григория Александровича Бутакова. Это было на параде на Дворцовой площади, он шёл впереди строя нахимовцев. У него была седая борода, расчёсанная на две стороны, как у адмирала Степана Осиповича Макарова. Зрелище запоминающееся. Григорий Александрович был участником Гражданской и Великой Отечественной войн. Его сын погиб во время войны. Он похоронен на Серафимовском кладбище. С его смертью морская ветвь рода Бутаковых пресеклась.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	3
СЕМЬЯ АДМИРАЛОВ.....	4
ФЛОТОВОДЕЦЪ ФИНСКОГО ЗАЛИВА.....	97

Научно-популярное издание

Морская летопись

Врубель Владимир Абович

АДМИРАЛЫ БУТАКОВЫ — ФЛОТСКАЯ СЛАВА РОССИИ

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Корректор *О.Н. Богачева*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 23.09.2014. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «LazurskiC». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 10. Тираж 1500 экз. Заказ № 2430.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

Морская летопись

Династия Бутаковых, берущая свое начало от Федора Бутакова, служившего в Новгородском полку при Иване Грозном, дала русскому Военно-морскому флоту 121 моряка, в числе которых было 19 адмиралов и 14 капитанов 1-го ранга. В семье Ивана Николаевича Бутакова (1776—1865) было четыре адмирала: отец и три его сына.

Алексей Иванович Бутаков (1816—1869) — российский гидрограф, контр-адмирал, участник кругосветной экспедиции, исследователь Аральского моря. Отлично образованный, знавший многие европейские языки, он представлял собой тип морского офицера, которым бы могла гордиться любая морская держава мира.

Григорий Иванович Бутаков (1820—1882) — контр-адмирал, военно-морской теоретик, командир эскадры Балтийского флота, разработчик основ тактики парового флота, автор ряда научных трудов. Он внес значительный вклад в теорию и практику Российского военного флота, воспитал целое поколение русских моряков, был учителем будущего адмирала Степана Осиповича Макарова. Г.И. Бутаков был членом Государственного совета, генерал-адъютантом императора Александра II.

О судьбах двух прославленных адмиралов рассказывает книга писателя и историка флота В.А. Врубеля.

ISBN 978-5-4444-2110-9

9 785444 421109

